

ОГОНЁК

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ПРАВДА», МОСКВА

№ 22 МАЙ 1986

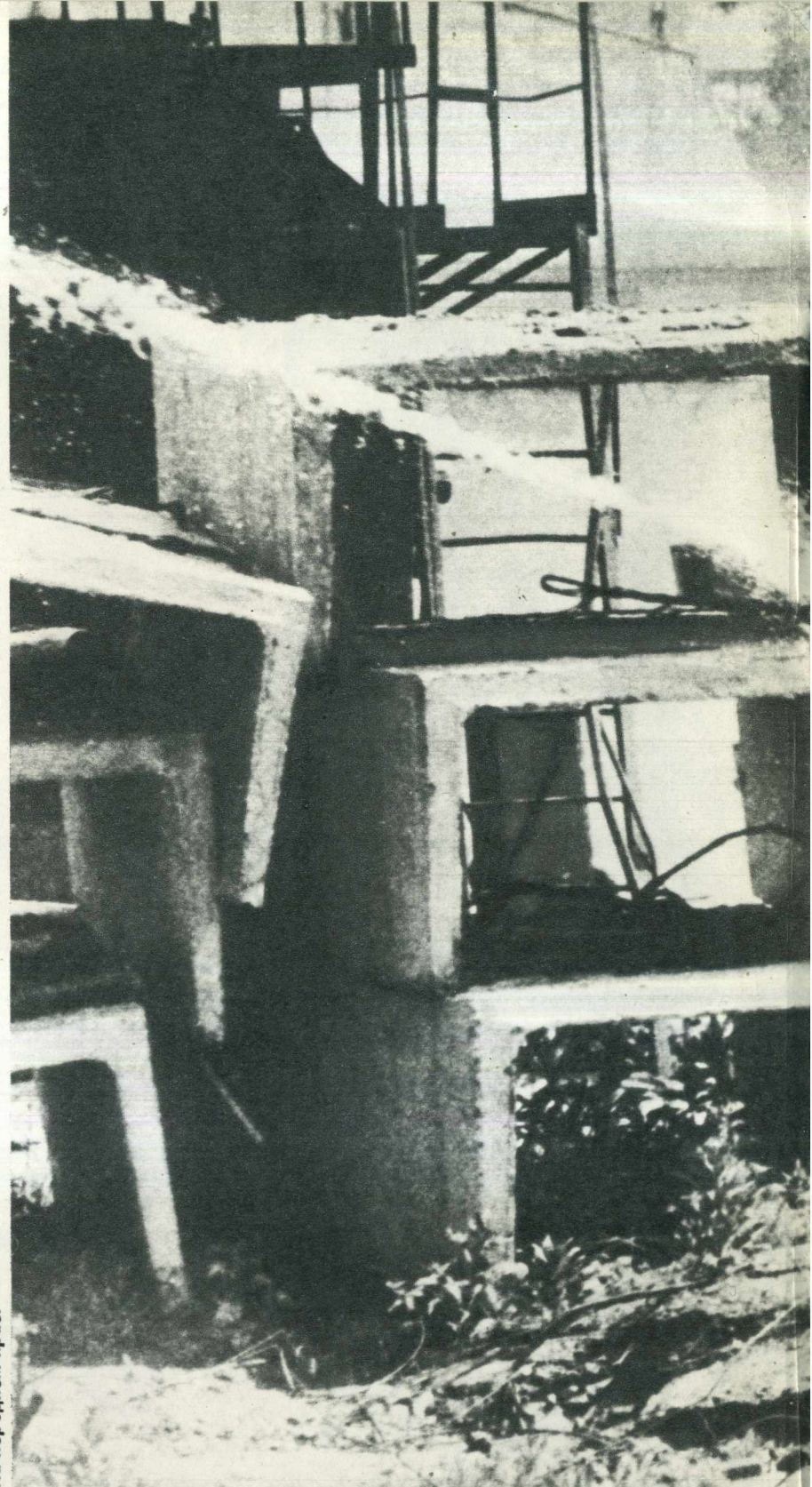
крылатые помощники.

Отличный экипаж: командир, кавалер ордена Красной Звезды С. Сатвалдыев, капитан В. Сызранов, старший лейтенант Е. Орфенов, лейтенант Т. Набиев.

Берегам — прочный щит.

На переднем крае.

СУРОВЫЕ БУ

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЁК

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан
1 апреля
1923 года

№ 22 (3071)

31 МАЯ — 7 ИЮНЯ

© Издательство «Правда», «Огонек», 1986.

Перед рабочей планеркой у городского штаба.

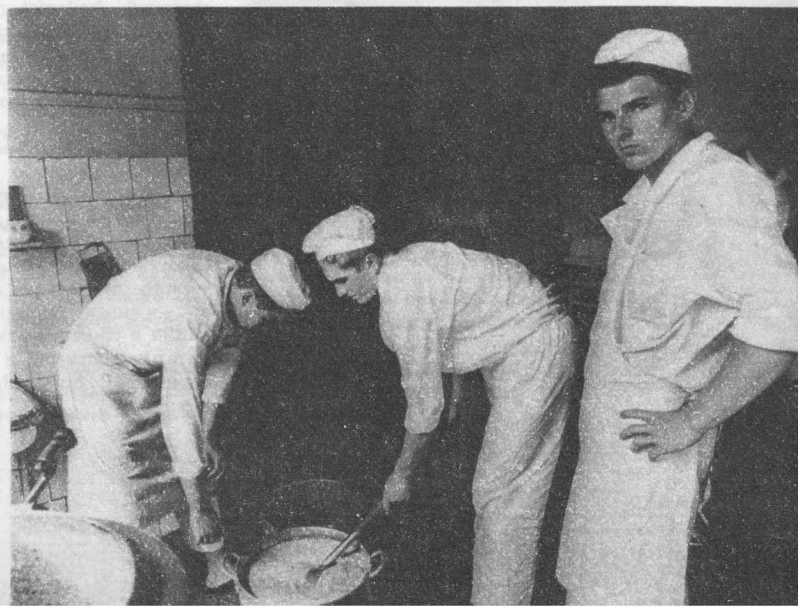
ДНИ ЧЕРНОБЫЛЯ

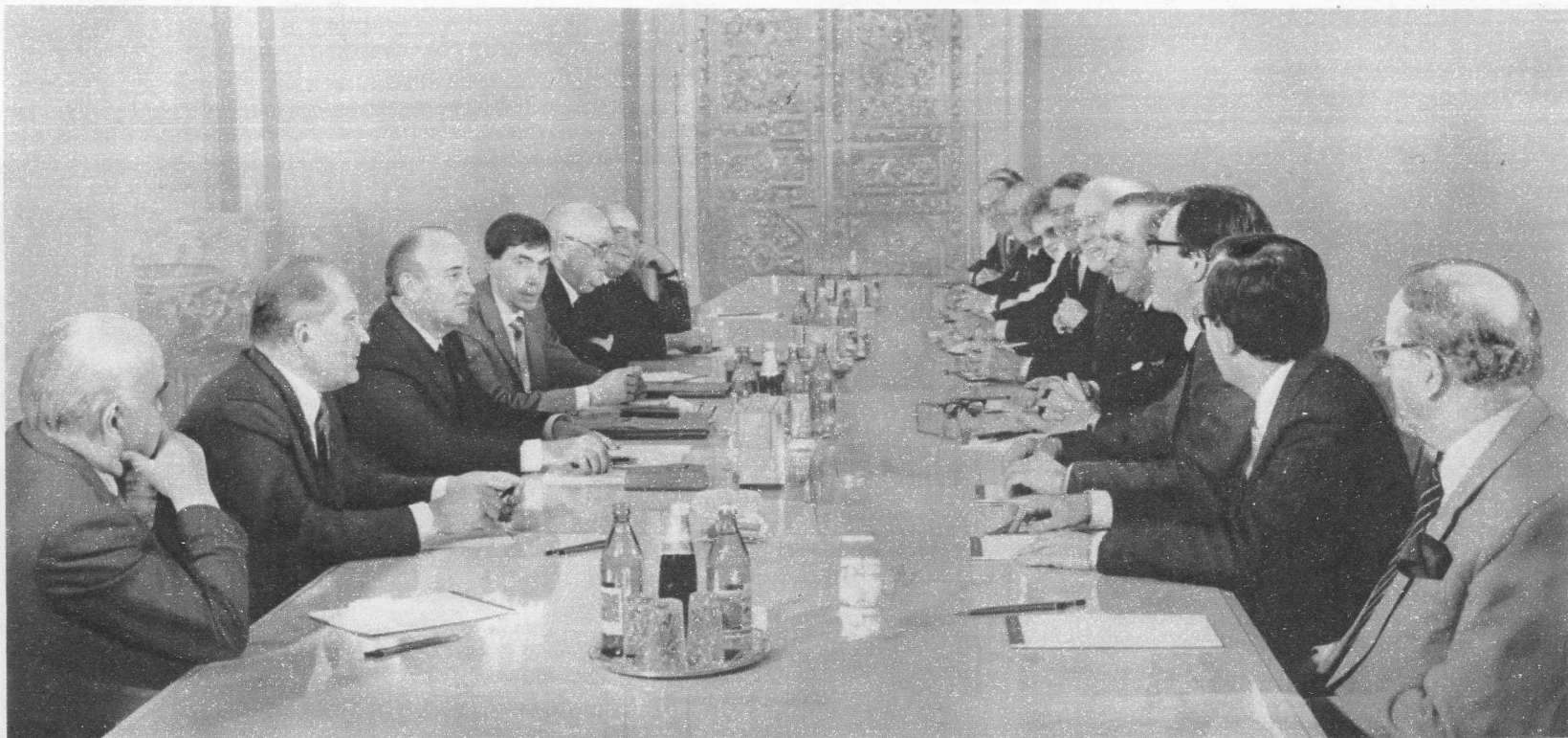
Станислав КАЛИНИЧЕВ,
фото Игоря ГАВРИЛОВА
и капитан-лейтенанта Виталия АНЬКОВА,
специальные корреспонденты «Огонька»
и «Красной звезды»

Запретная зона.

Походная кухня.

Во время встречи.

Фото ТАСС

ВСТРЕЧА М. С. ГОРБАЧЕВА С БРИТАНСКИМИ ПАРЛАМЕНТАРИЯМИ

26 мая Генеральный секретарь ЦК КПСС М. С. Горбачев принял в Кремле делегацию британского парламента, возглавляемую лордом Уайтлоу и представленную всеми парламентскими партиями, в том числе от лейбористов — «теневым» министром иностранных дел Д. Хили и другими.

Уайтлоу передал М. С. Горбачеву личное послание премьер-министра Великобритании М. Тэтчер.

В ходе откровенного и доброжелательного разговора были изложены позиции по широкому кругу актуальных проблем международной обстановки и отношений между СССР и Великобританией.

Были рассмотрены вопросы прекращения ядерных испытаний, в которых Великобритания могла бы сыграть значительную роль. Можно было бы вместе подумать о советско-британской инициативе возобновить прерванные в 1980 году тройственные переговоры, тем более что тогда СССР, США и Вели-

кобритания были согласны в том, что надо запретить испытания ядерного оружия.

М. С. Горбачев выразил признательность парламентариям, а через них многим англичанам за сочувствие и помощь в связи с аварией в Чернобыле, просил передать наилучшие пожелания британскому народу.

СУРОВЫЕ БУДНИ ЧЕРНОБЫЛЯ

Э

та дорога — на мне вся, — говорит командир дивизиона ГАИ старший лейтенант Н. П. Псурцев, — от Киева до Чернобыля. Наш дивизион отвечает за порядок и безопасность движения. А сейчас по ней ездят, считайте, со всего Союза...»

Николай Петрович не по годам деловой, строгий; он сидит за рулем милицейского «жигуленка», и мы летим в ночь, обгоняя бетоновозы, тяжелые самосвалы с песком и щебенкой... Между ними можно встретить и яркий автобус — люди, традиционно работающие в Киеве, возвращаются после смены домой, в села, расположенные по Чернобыльскому шоссе.

Поднятый по тревоге, Псурцев появился здесь в три часа ночи 26 апреля. С тех пор бессменно на дороге.

— В первые две недели, — говорит он, — почти не спал. Так, подремлешь часок-другой в автомобиле. А теперь обжились! — рассказывает Николай Петрович. — Даже для вас найдем коечку, отдохнете немного.

Я водил машину по этой дороге еще тогда, когда старший лейтенант носил пионерский галстук. Тут вокруг — грибные места, тихие речки, справа — берег Киевского моря. Отвлечешься на минутку, разглядывая сияющий всеми окнами автобус, мелькнет в свете фар загулявшаяся за пол-

ночь влюбленная пара, ворвется в окно запах цветущей сирени или акаций, и забудешь, что рядом граница 30-километровой зоны...

Но вот и первое напоминание: пост дозиметрического контроля. От Киева и до городка АЭС их несколько. Псурцев резко тормозит, постовой автоинспектор вытягивается перед ним, докладывает обстановку.

Знакомимся. Инспектор козыряет: «Старшина Черныш!» Дозиметрист же по-штатски тихо сообщает о себе: «Петр Климович». Мне этого мало. Он добавляет: «Крушевский» — и отходит к оставленной машине. Обшаривает щупом радиатор, колеса — наиболее уязвимые с точки зрения радиационной опасности места — и разрешает водителю следовать дальше. Все в порядке. Номера проходящих машин и наибольший уровень радиации в любой из «болевых» точек заносятся в специальный журнал.

— Какие машины пропускаете? — спрашиваю.

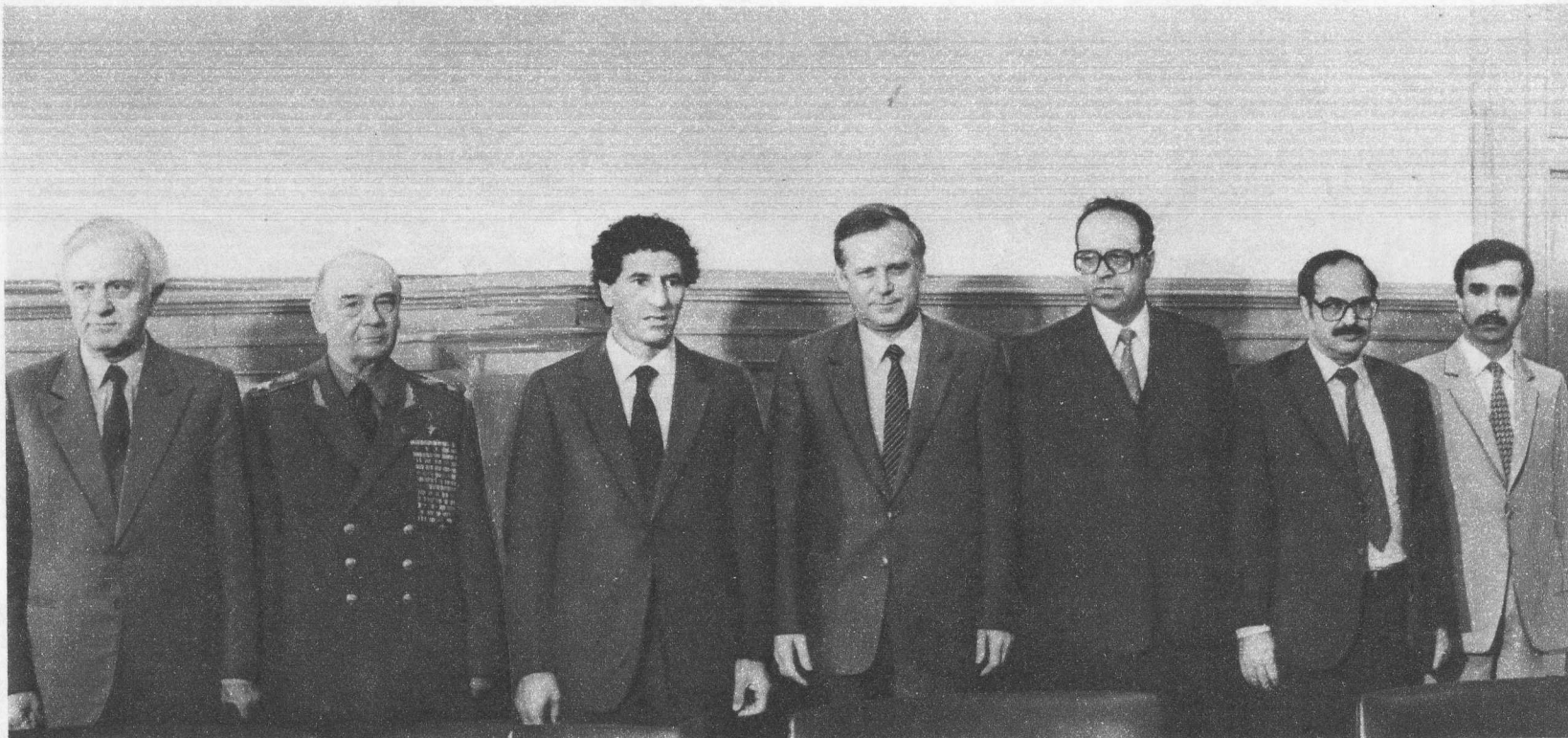
— Зараженность в любой из точек не должна превышать половины миллирентгена.

— Что показывает прибор?

— Ноль три, ноль четыре на колесах.

— А бывает и больше?

— Да. Вот из последней тысячи машин на дезактивацию направле-

Перед началом переговоров.

Фото А. Гостева

С РАБОЧИМ ВИЗИТОМ

26 мая в Москву с рабочим визитом по приглашению Советского правительства прибыл член Революционного руководства Социалистической Народной Ливийской Арабской Джамахирии (СНЛАД) Абдель Салам Джеллуд.

На Внуковском аэродроме его встречали член Политбюро ЦК КПСС, Председатель Совета Министров СССР Н. И. Рыжков, кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС,

министр обороны СССР С. Л. Соколов, другие официальные лица.

27 мая в Кремле состоялись переговоры Н. И. Рыжкова с А. С. Джеллудом. В переговорах приняли участие член Политбюро ЦК КПСС, министр иностранных дел СССР Э. А. Шеварднадзе, кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС, министр обороны СССР С. Л. Соколов, секретарь ЦК КПСС А. Ф. Добрынин, председатель ГКЭС К. Ф. Катушев.

но четырнадцать. Эта цифра с каждым днем уменьшается.

Я спросил у Петра Климовича, давно ли стал дозиметристом. Оказывается, всего десять дней назад. По профессии он наладчик доильных установок, до аварии на АЭС работал в Иванковском РАПО — это совсем рядом.

Общая беда свела тут людей самых различных профессий: и местных, и, судя по номерам машин, из многих других областей и республик. В самом Чернобыле, где отцветают сады возле опустевших домов, потому что все население эвакуировано, я разговаривал с водителями машин, химиками, проектировщиками... Видно было, что, выслушивая мои вопросы, они испытывают некоторую неловкость. При словах «смелость», «подвиг» многие морщились. Работа как работа. Ну, что зря разглагольствовать, если надо!

Конечно, в повышенном интересе к нюансам какой-то беды всегда есть нечто нескромное. Люди это чувствуют. С другой стороны, понимают, что журналист тоже на работе здесь. А иначе и не стали бы разговаривать. Это если начистоту. И вполне естественно, что постыдная шумиха, поднятая западной прессой вокруг событий в Чернобыле, не вызывает в людях ничего, кроме досады и омерзения. Беда настолько серьезна,

что безудержные вопли, равно как и чрезмерные восторги героизмом, оскорбляют.

На улицах Чернобыля меня остановил человек в зеленой куртке, похожей на форму студенческих строительных отрядов. Тут многие ходят в подобной одежде: электросварщики и академики, бульдозеристы и партерработники.

— Вы почему без респиратора и с непокрытой головой? — строго спросил он. — Я вас выпровожу из зоны с первым же транспортом!

Пришлось извиниться... Он подошел к машине, открыл багажник, вытащил новый, в прозрачном пакете, респиратор и кепочку.

— Это у меня запасные, — пояснил. — Наденьте.

Слово за слово, мы разговорились и познакомились. Василий Ильич Бондарев — секретарь ЦК профсоюза рабочих электростанций и электротехнической промышленности.

— А вы-то тут по какой причине? — каюсь, не подумав как следует, спросил я.

Он же терпеливо стал объяснять, что в процессе работы возникает масса вопросов, которые надо решать на месте. Это прежде всего соблюдение рабочего законодательства даже в столь необычных условиях, безопасность ведения работ, установление соответствующих льгот... Да мало ли!

Например: устройство летнего отдыха семей тех, кто тут на вахте.

Член правительственной комиссии Лев Дмитриевич Рябев, который непосредственно занимается вопросами дезактивации территории, объясняя мне сложившееся положение, несколько раз подчеркнул, что экстремальный режим действий закончился. Началась и ведется тяжелая, но планируемая надолго вперед работа. На территории станции, вокруг нее, в поселке выявленные места повышенной радиоактивности обрабатываются специальным раствором. Твердея, он вбирает в себя, связывает пыль, мелкие частицы. После чего пленку снимают и увозят на захоронение. Применяют также бетон, в некоторых случаях снимают слой почвы, пуская в дело радиоуправляемую технику.

Особенно сложные работы ведутся на четвертом блоке. Одна из важнейших — в кратчайшие сроки (можно сказать, молниеносные) создать проект захоронения аварийного блока. Это будет гигантский, многослойный «саркофаг» со сложной системой вентиляции. Я видел проект, выполненный вчера в одном из кабинетов здания райкома партии. К 20 июня он должен быть утвержден на всех уровнях.

Сегодня же шахтеры и метро строители штурмуют недра, чтобы посадить все сооружение на мощ-

ную бетонную плиту. Со дня на день ждут прибытия двух бетонных заводов-автоматов, заготавливаются необходимые материалы.

Только тут начинаешь представлять себе истинные масштабы предстоящей работы, которая не на месяц-другой. И подготовка к ней идет капитальная. На границах 30-километровой зоны в селах Ороне, Новые Соколы, Диброва создаются огромные склады. Материалы, товары, машины — все необходимое для Чернобыля будет доставляться сюда транспортом, который не станет заходить в зону. А уже другие машины, постоянно работающие только по ту сторону, будут здесь загружаться и развозить все необходимое по объектам.

Когда видишь, как за четыре-пять дней люди, добровольно предложившие свои услуги, поднимают с «нуля» и сдают готовый склад, невольно хочется говорить громкие слова. Ведь в обычных условиях на возведение такого объекта нужны недели... Но в том-то и дело, что такие условия — надолго, они должны стать обычными, то есть жесткими и суровыми. Все это делается для того, чтобы Киев и Чернигов, Гомель и Овруч, тихие городки Полесья и даже расположенный у границ зоны Иванков могли спокойно жить и работать.

Школьники столицы Украины проведут лето в Закарпатье.

Фото Н. Козловского

В сердце каждого советского человека отозвалась боль Чернобыля. Я с большим волнением слушала выступление М. С. Горбачева по телевизору о том, что прилагаются все усилия для ликвидации последствий аварии. Я уже старый человек, мне давно за восемьдесят. Но, как большинство граждан нашей страны, спрашиваю себя: чем я лично могу помочь? Была бы моложе — поехала туда работать. А сейчас из своих скромных пенсионных средств перечисляю в Госбанк на счет № 904 сто рублей. Это моя посильная помощь тем, кто сейчас на станции, и детям Чернобыля.

З. В. БАРКОВСКАЯ

Москва.

С кем бы я ни разговаривал — беда Чернобыля тревожит сегодня всех. И вместе с тем с каждым днем у людей больше уверенности: вся страна участвует в оказании помощи Чернобылю. Я про-

шел войну и знаю, на какие подвиги способен советский человек.

Еще до сих пор всякие зарубежные «голоса» кричат о панике, которая якобы была и есть еще среди нас, живущих рядом с районами Чернобыля. С полной ответственностью заявляю: «Это вранье. Вранье не случайное, продуманное. Хотите погреть руки около нашей беды, господа агрессоры. Не удастся!»

И. КУЗНЕЦОВ,
участник Великой Отечественной войны
Чернигов.

Все мы знаем, что в семье первая забота о детях. Сейчас у нас в Азербайджане созрели первые фрукты. Моему сыну десять лет, мы вместе с Фариком хотим послать фрукты детям Чернобыля.

Гюльчора КАСИМОВА,
учительница
Баку.

Мне 38 лет. Специальность — инженер. Боль Чернобыля принял как свою, личную. Готов поехать в район Чернобыльской АЭС в любое время. Уверен, что мои знания и крепкие руки пригодятся. Решение мое обсудили в семье. Жена говорит: «Я врач. Мое место тоже там...»

В. ПЕТРЕНКО
Ленинград.

Призываем весь советский народ выйти на субботник для оказания помощи Чернобылю.

А. ТЕРЕЩЕНКО,
научный сотрудник
Новосибирск.

Наступило лето. Наши четверо сыновей проводят целые дни на Волге. Приглашаем в свою семью детей из Припяти и Чернобыля на каникулы. Даем гарантию, что отдохнут они хорошо: обеспечиваем рыбалку, походы и клубнику с дачного участка.

Семья СТЕПАНОВЫХ
Горький.

Все свои сбережения отдала я в войну, чтобы помочь скорее разбить проклятых фашистов. Да разве я одна? И сейчас считаю своим долгом перечислить пенсию в помощь Чернобылю. Напишите, куда мне обратиться?

Н. ГОРЯЧЕВА
Рига.

ОТ РЕДАКЦИИ. Благодарим наших читателей за присланные письма и телеграммы. Сообщаем, что с предложениями о направлении на работу следует обращаться по адресу: Москва, Китайский проезд, 7, «Союзатомэнерго». В Госбанк на счет номер 904 можно перечислить денежные средства.

РАЙОН ЧЕРНОБЫЛЬСКОЙ АЭС

От зари до зари моют Чернобыль.

Позади еще один трудовой день.

Надежна связь в руках Елены Антонюк (слева) и Ирины Балашовой.

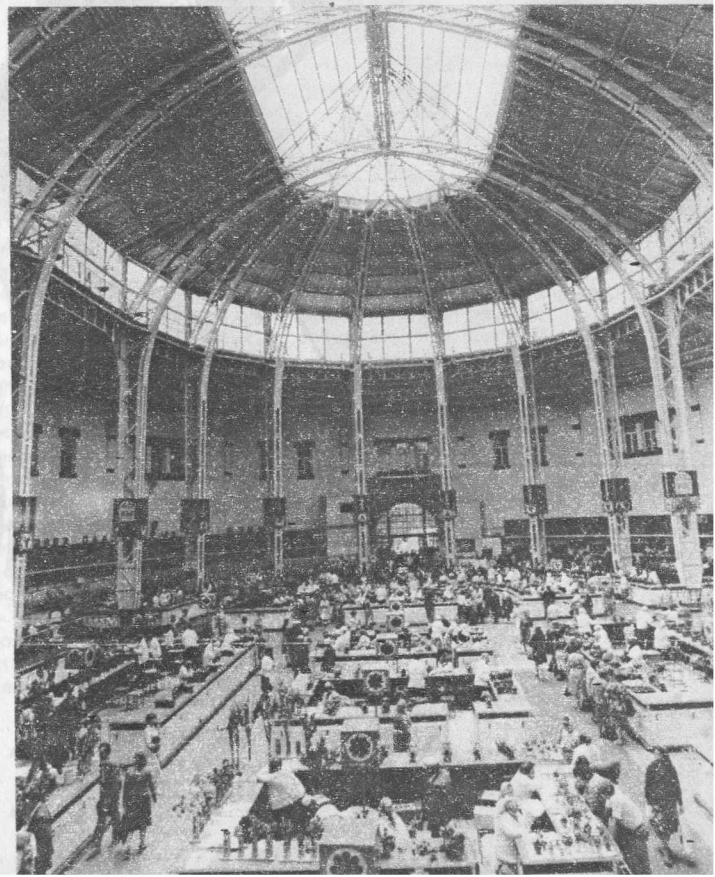
КИЕВ СЕГОДНЯ

Фрукты на прилавках не залеживаются.

На столичном рынке как всегда многолюдно.

Фото И. Гаврилова.

ФАРС ПРОДОЛЖАЕТСЯ

Теплый майский день в небольшом городке Маленте, что в самой северной земле ФРГ Шлезвиг-Гольштейн. На зеленое поле местной спортивной школы, выбранной сборной ФРГ по футболу в качестве тренировочной базы, выбегает группа в необычных костюмах, не имеющих со спортом ничего общего. В них работают, как правило, там, где есть опасность радиоактивного заражения. Группа начинает методично обследовать зеленый газон дозиметрами, и, как выяснится позднее, совершенно напрасно. Но это уже не столь важно.

Телевизионное шоу есть шоу, тем более что и комментатор за кадром рассуждает: не повредит ли западногерманским футболистам на чемпионате мира в Мексике авария на атомной электростанции в Чернобыле? Случись вдруг им вернуться домой без медалей, не надо будет выдумывать причины неудачи. К такому выводу пришло в одной из своих передач телевидение ФРГ.

В иной ситуации это можно было бы отнести к области курьезов. Если бы не другие, более серьезные факты...

В аэропорту Дюссельдорфа представитель Аэрофлота Дмитрий Бузин рассказал, какую «войну» приходится вести с местными властями. Прилетающие сюда советские самолеты сразу же после приземления отправляются на стоянку вместе с пассажирами в удаленные от аэровокзала места, где подвергаются демонстративному дозиметрическому контролю.

Дозиметристы норовят при этом бесцеремонно проникнуть внутрь самолета, что противоречит общепринятым международным нормам.

Правда, однажды, уступив личной просьбе одного из дозиметристов, представитель Аэрофлота пустил его в салон. И что же? Уровень радиации (если в данном случае об этом вообще можно было говорить) оказался ниже, чем на летном поле дюссельдорфского аэродрома.

Фарс продолжается и сейчас. По распоряжению некоего господина из дирекции аэропорта здесь запретили выдавать для советских самолетов на время их стоянки тормозные колодки. Грубейшее нарушение правил безопасности, которое может привести к аварии, оправдывается «боязнью радиоактивного заражения» тормозных колодок от колес советских самолетов.

Все это свидетельствует о том, что атмосфера страха среди населения ФРГ в связи с аварией в Чернобыле намеренно нагнеталась. Что лежало в основе этой кампании? И желание подчеркнуть, какая она, «свобода информации» на Западе, да и возможность утопить в небывалих об аварии и о ее последствиях свои собственные проблемы. К слову сказать, не кто иной, как рядовой гражданин ФРГ, и оказался в конце концов жертвой такой информационной «свободы».

Судите сами. Висбаден и Майнц — два соседних города. Первый в земле Гессен, второй —

в Рейнланд-Пфальце. Города разделяет всего лишь Рейн. Не знаю, что мерили дозиметрами в этих городах, но к выводам там пришли совершенно противоположным. Власти Висбадена, например, запретили своим жителям игры на открытых спортивных площадках и принятие солнечных ванн на зеленых газонах. А «отцы города» в Майнце, напротив, положившись на свои результаты, решили не лишать своих граждан таких удовольствий.

Министр внутренних дел ФРГ Циммерман, в ведении которого находятся и вопросы использования атомных станций, заявляет об отсутствии какой-либо радиационной опасности для жителей ФРГ. А на границах с социалистическими странами все въезжающие в Западную Германию грузовики тщательно исследуются и моются одетыми в противорадиационные костюмы сотрудниками специальных подразделений. Сам министр называет это предусмотрительностью. Но на вопрос одного из членов комиссии бундестага по внутренним делам, нужна ли такая предусмотрительность при отсутствии опасности, министр не нашел что ответить.

Чернобыльская авария — не тема для газетных спекуляций. Она предмет серьезных размышлений и анализа того, что ожидает человечество в случае неосторожного обращения с ядерной энергией. Если даже речь идет о ее мирном использовании.

Характерно, что мало кто из западногерманских специалистов полностью исключает сейчас воз-

можность аварии на атомных станциях в ФРГ.

Из полученного мной сообщения министерства внутренних дел по аварийным ситуациям в 1984 году следует, что их было на атомных объектах ФРГ 149.

Пусть они не носили характера крупных аварий, но пищу для беспокойства дают немалую. Атомная энергия сегодня перестает быть национальным фактором. Поэтому в ФРГ положительно восприняты предложения М. С. Горбачева по расширению международного сотрудничества в этой области.

В эти дни мне пришлось побывать в «Обществе по безопасности реакторов» в Кельне. Сейчас появился шанс, говорили мне здесь, создать новый «ядерный порядок» между странами, работающими в области атомной энергетики. В широком плане речь могла бы идти не только о том, каким образом наладить информационный обмен об имевших место авариях, но и вместе попытаться найти эффективные меры борьбы с их последствиями.

Но, сосредоточив внимание на аварии в Советском Союзе, средства массовой информации и политические деятели ФРГ, казалось, напрочь забыли о том, что в мире не только существует, но и продолжает испытывать в Неваде ядерное оружие, несущее неизмеримо большую опасность человечеству.

Юрий ЧЕРВАКОВ,
соб. корр. АПН для «Огонька»

Бонн.

РАДИАЦИЯ И КАПУСТА

Помните, как один из героев О'Генри заставил туземцев, не знавших, что такое обувь, раскупить запасы ботинок? Он рассыпал повсюду колючки. Это описано в «Королях и капусте». Нечто подобное повторяется сейчас и в Греции.

По подсказке из Вашингтона наиболее услужливые газеты Греции объявили, что в результате аварии в Чернобыле греческая капуста подверглась радиоактивному заражению. Заражены также томаты, картошка, салаты и прочее. А из этого следует, что надо отлучить от них греческого потребителя. Домохозяйкам настырно рекомендовали квашеную капусту из ФРГ и американские консервы. И ни в коем случае не покупать продукты из стран Восточной Европы.

Напрасно обескураженные хозя-

ева овощных и фруктовых лавок вывешивали в витринах таблицы центра ядерных исследований «Демокритос», сообщающие, что никакой радиации в капусте нет. Печать США и ее подпевалы в Греции перекричали «Демокритоса».

Пока правые греческие газеты изодрались в подсчете жертв аварии в Чернобыле, 10 миллионов греков стали жертвами антисоветской пропаганды. Их вынудили скупить всю залежавшуюся продукцию от прошлых урожаев. И, конечно, весь этот неходовой товар был западного производства.

Справедливости ради надо сказать, что греческое правительство наказало наиболее наглых продавцов. Министерство торговли провело 4126 ревизий магазинов и складов, лотков и прилавков. Это

данные только за три дня — с 19 по 21 мая. Обнаружено 424 нарушения законов о торговле продуктами: от продажи недоброкачественного товара до сокрытия даты выпуска и упаковки. На 14 месяцев тюрьмы осужден менеджер компании «Карнейшен», торгующий молочными продуктами в консервных банках. Фирма активно использовала панику и слухи об опасности свежего козьего и овечьего молока и сыра, чтобы сбыть свой подпорченный товар.

Когда цены на овощи упали в четыре раза, фуражиры военных баз США стали заграбывать подешевевший товар целыми фургонами. Любопытно, что наиболее «подверженным радиации» оказались именно те овощи, которые положены по кухонному уставу солдатам американских военных баз.

Они-то и оказались самыми дешевыми. Поскольку офицерскому составу в рационе питания на десерт положена клубника, то и ее объявили весьма «уязвимой» от последствий аварии в Чернобыле. Так и клубника в Греции через пару дней сравнялась по цене с картошкой.

Греки, работающие на военной базе США Эллиникон в Афинах, говорят, что транспортные самолеты ВВС США, нагруженные якобы «облученной», но на самом деле искусно обесцененной греческой капустой, растаскивают дешевые овощи по всем базам Пентагона в Средиземноморье.

Борис КОРОЛЕВ,
соб. корр. АПН для «Огонька»

Афины.

М. Башкирцева. АВТОПОРТРЕТ.

Александр БАСМАНОВ

МАРИЯ БАШКИРЦЕВА

Т

еперь имя Марии Башкирцевой почти забыто. Ее знаменитый «Дневник» — литературная сенсация Франции* и России конца прошлого века — издавался последний раз в 1916 году. Ее картины (их у нас так мало, что можно посчитать по пальцам) не выставлены и лежат в запаснике Русского музея, хотя по крайней мере одна из них, «Дождевой зонтик», признана шедевром такими разными ценителями, как Лев Толстой и Огюст Ренуар.

И действительно, на этом небольшом холсте если не постижение того, что называется таинством истины, то, во всяком случае, сильнейшее стремление к этому постижению, причем в форме и сюжете, простейших до наивности. Такую могущую быть в искусстве элементарность самовыражения при попытке решить высшие задачи Башкирцева сама утверждает в своем дневнике-исповеди: «Что может быть обыкновеннее маленькой девочки, стерегущей корову, или бабы, работающей на поле? Но никто пока не сумел сделать этого по-настоящему».

Вот и в «Дождевом зонтике» дано просто изображение ребенка, «обыкновенной маленькой девочки» на туманно-окраинной мокрой мостовой. Прикрыв себя от непогоды большим черным зонтом, она обращает к нам словно в упор свое недетское печальное лицо с внимательными, серьезными, даже осуждающими глазами. Девочка не худа и не бедно одета, и все же не то щемящая жалость, не то смутное чувство вины вдруг возникает внутри нас. Вины за что? За чье-то сиротство? Кто это существо и как кисть молоденькой художницы (самой еще девочки) смогла проникнуть в эти бездны всемирной тоски?

Картин Башкирцевой, после ее смерти перевезенных из Франции родственниками, было когда-то больше ста пятидесяти; картины попали на Украину, где погибли от бомбы в начале последней войны, и потому холсты, подписанные «Marie Constantin Russ» или «M. Bashkirtseff», теперь чрезвычайно редки: несколько в уже упомянутом запаснике, две-три в Ницце и две-три в экспозиции Люксембургского музея — между прочим, единственная иностранная живопись, представленная в стенах крупнейшего французского собрания.

Башкирцева умерла в 1884 году, совсем юной, не взяв от жизни и двадцати четырех лет, сумев в этот краткий срок создать необычайное и обширное литературное сочинение, которое строила день за днем чуть ли не с часа, когда научилась держать перо, и вплоть до самого предела. На успехе этого «Дневника» главным образом и основалась в России ее известность: он оказался прочтен с пристрастием, им переболели и Бунин, и Чехов, и Брюсов, и Хлебников, и не просто переболели, но вверглись в водоворот споров, изъявили отторжение или восторг (у Чехова — отторжение, у Цветаевой, посвятившей Башкирцевой свой «Вечерний альбом», — восторг) — свидетельство интеллектуальной, этической сложности и неординарности автора.

Картины же, которые она стала писать только в свои последние годы, оказались словно в тени: искусствоведы упоминают их, но как-то вскользь, энциклопедии пишут о ее знаменитом дневнике и почти ничего о ее живописи. Однако дистанция в сто лет дает более ясные очертания: теперь острее, чем когда-либо, понимается, что нам досталось всего начало, что занавес перед ее живописным творчеством только стал открываться, но даже то, что блеснуло за этим занавесом, позволяет теперь говорить о даровании весьма оригинальном и крупном.

Что она не жалеет, она знала всегда, ибо, по ее же слову, «свежа, разрубленная на четыре части, горела со всех концов», и потому в этой натуре сразу поражают понимание своего изгойства и постоян-

ная подготовка к смерти: «Я уже сказала, что или я хочу иметь все то, что бог дал мне понять, и тогда я буду достойна достигнуть всего этого, или я умру. Но бог, не будучи в состоянии дать мне все, не заставит жить несчастную, которой он дал понимание и желание обладать тем, что она понимает». Пожалуй, именно это «понимание», то есть целостное ощущение всех сцеплений, всех составов жизненной материи и энергии, или, как она называла, «эфира», и явилось той силой, что заставляла ее творить.

— В контурах видна неопытность, — говорил ей ее учитель, профессор Робер-Флери, — это и понятно, но удивительно правдиво и гибко. Конечно, теперь вам недостает опытности, но у вас есть все то, чему нельзя научиться. Понимаете? Все, чему нельзя научиться...

Башкирцева пришла в частную академию Жулиана (очень хорошую школу, которую позже оканчивали Дени и Боннар) в конце 1877 года, и это было поворотным пунктом в ее жизни, поделенной теперь контрастной чертой на две половины — ту, что была до живописи, и ту, что превратилась в сплошной цветовой спектр, полностью завладевший ее существом: «Я хочу от всего отказаться ради живописи. Надо твердо помнить это, и в этом будет вся жизнь».

Правда, первые уроки рисования она получила еще в Женеве, десятилетней, но, как это нередко бывает в детстве, из тех уроков ровно ничего не вышло: карандаш и кисть нагоняли на нее тоску. Все готовилось другим: Франция, Италия, Испания, Германия, где она оказывалась «у подножия искусства» и где понимание красоты росло как на дрожжах, но особо Рим, город «странный, дикий и утонченный», возвышающийся островом среди Кампаний, пересекаемой античными водопроводами, и ворота del Popolo, и обелиски, и церкви кардинала Гастоло по обе стороны Корсо, и дворец Венецианской республики, эти темные узкие улицы, эти палаццо, позеленевшие от времени, эти руины храма Минервы, Колизей и, наконец, собор св. Петра, когда луч солнца идет на него сверху и свет, и тени ложатся наземь, как бесплотные двойники порталов и колонн.

Она родилась в селе Гавронцы, близ Полтавы, в ноябре 1860 года и воспитывалась блестяще образованным дедом, поклонником Байрона и англоманом, и двумя гувернантками — русской и французской. Однако ни богатство, ни родовитость счастья не дали: спустя два года после свадьбы родители разошлись, да и сама девочка была настолько болезненна, что в 1870 году, сопровождаемая домочадцами и врачом, была отправлена на лечение в Ниццу; с тех пор она приезжала в Россию лишь дважды.

В Ницце, четырнадцать лет, она почувствовала боль в правом легком, а через два года врачи объявили, что легкое повреждено чахоткой; в восемнадцать лет стала гложуть, а в девятнадцать — оплакала потерю от горловой болезни своего сильно развитого сопрано, голоса, который, думала, делает ее властительницей мира, поскольку главное желание, поглощавшее ее всю без остатка, выражалось одним словом — «прекрасным, звучным и опьяняющим La Gloire», то есть «Слава» — понятие, ставшее ее девизом.

Искусство, взгляд на мир и на самое себя под исключительно его углом всегда олицетворял Башкирцеву: в пять лет танцы — как идеал человеческого движения, в двенадцать — преклонение перед своими же руками «за красотой их линии», затем пение как высший смысл звука, наконец, литература и живопись как постижение бытия «в доступных творчеству пределах». И почти каждый из этих актов она доводила до возможного совершенства.

Добилась ли она славы живописью и была ли хоть чуть довольна? В определенном смысле да: академические медали после выставок, восторженные отзывы Золя и Анатоля Франса, эти язвительные, чуть циничные (подписанные анонимно Жозеф) ее послания к Мопассану, умолявшему о личном свидании, но так и не получившему его (послания, возможные только для очень уверенного в себе человека), это прекрасное чувство трудового огрубления, когда «руки умеют только

* «Дневник», написанный на французском языке, был впервые опубликован в Париже в 1887 году, спустя три года после смерти автора. Пользуясь случаем, благодарю напомнившего мне это имя Г. С. Лыткина, любимого почитателя личности и таланта художницы, отважно и с энтузиазмом пытающегося открыть музей Марии Башкирцевой на ее родине.

М. Башкирцева. 1860—1884. МОЛОДАЯ ЖЕНЩИНА С БУКЕТОМ СИРЕНИ.

Государственный Русский музей.

М. Башкирцева. ОСЕНЬ. 1883.

Государственный Русский музей.

рисовать и щипать струны арфы», эта работа от восьми утра до восьми вечера, это пришедшее вдруг понимание любви ко всему, что просто, — «в живописи, во всем», эта приятная щекотка честолюбия в зале, где выставлена ее картина, у которой толпятся, и никто из толпы не знает, что молодая, очаровательная и со вкусом одетая девушка, сидящая грациозно на диване рядом, поджав под себя «маленькие, хорошо обутые ножки», и есть предмет гремящего обсуждения.

О чем особенно много толковали тогда знатоки? Об ее «ультрареализме». Об ее тонких намеках и указаниях: в «Сходке», например, представляющей стайку мальчишек-гаменов на парижских задворках, чуть заметно изображение виселицы, будто нацарапанной гвоздем на штукатуренной стене фона — не забудем, что эпоха Башкирцевой — это эпоха баррикад и гибели Коммуны.

Толковали также о твердости ее рисунка и теплоте колорита в «Молодой женщине», читающей «Развод» Дюма», толковали о смелости контуров, отличающихся артистическим вдохновением в «Жане и Жакке», толковали о прямом и непосредственном проникновении в самую суть («Парижанки», этой «полунатурщицы, полубалерины кафешантана», где в некрасивом, но притягательном лице с густыми неправильными бровями есть и нежность, и безразличие, и открытость, и почти животная чувственность.

Наконец, утверждали, что Башкирцева — это чисто русская природа характера и что среди женщин-художниц нет ни одной, где бы так властно, всецело и всепоглощающе выступали личность и темперамент автора.

Она дрожала от ужаса, что может бесполезно потерять хоть день жизни: как старик, она, двадцатилетняя, отсчитывала эти дни, будто зная, как их у нее мало: «Любовь уменьшается, когда не может больше возражать» — удивительный ее афоризм; вдох в полную силу, если не сделать выдоха, превратится в удушье. Потому-то так лихорадочно, страстно, так красиво она видит море и листья, серый грот с каплями воды, монотонно падающими с уступа на уступ, великодушную розовую сапну в саду и даже, как бы вторым зрением, — саму себя, думая о том, как красиво в этом саду «мое белое платье и зеленый венок».

А ее дальняя Россия, где архитектура, вагоны, дома, мужик, наблюдающий на краю дороги за поездом, деревянный мостик, грязь на дороге — «все это родное, сердечное, прямое, простодушное»? И еще холмы, река, деревья Гавронцев, где она проводила два лета, и легкая сырость в сумрачном лесу, когда «стальные каблукки уходят в мокрую землю», и ноябрьский снег, покрывающий соломенные крыши малороссийских хат, духовые оркестры Полтавы, пещеры киевской Лавры — низкие темные катакомбы, пунктирно унизанные движущимися свечами, вокруг каждой из которых — радужный ореол, словно в катакомбах расцвели фантастические дрожащие и мерцающие одуванчики...

Повергает в изумление ее эстетическая замкнутость. Время Башкирцевой — время поворотов. Но живопись импрессионистов и грандиозные духовные постройки Льва Толстого и Достоевского не оставляют никаких впечатлений и упоминаний — лишь названия знаменитых древних антиков, имена Рафаэля, Тициана и Риберы, Веласкеса, Гвидо Рени и Ван Дейка, Гомера, Шекспира и Аристофана встречаются друг с другом на страницах ее дневника.

Между тем в своей живописи, вернее в выборе сюжетов, Башкирцева современна и демократична, ибо городская окраина, социальные низы ее интересуют больше, чем что-либо: привратники, мальчишки-газетчики, рабочие, прачки — «все, что кует, строгают, варит, толчется у дверей, сидит на скамейках или болтает перед винными лавочками». Впрочем, такой интерес приходит уже в художнической зрелости, дорога до которой пробивалась через черный труд учебы — в два года сплоснула она семилетний курс академии, постоянно вначале изумляя своих учителей, которые все оскорбительно пытались, действительно ли ей самой принадлежат представляемые штудии и этюды, поскольку учителям этим невозможно оказывать понять, каким образом начинающая может быть способна создавать сразу первоклассные произведения.

Ателье Жулиана, пожалуй, единственное место, принесшее Башкирцевой радость, так как здесь для нее «все исчезает, не имеет ни имени, ни фамилии; тут перестаешь быть дочерью своей матери, тут каждый имеет перед собой искусство и ничего более, и чувствуешь себя свободной и гордой».

Похожее чувство свободы приносил и «Дневник», который бесером писался по вечерам, — длинная книга короткой жизни, и своей любви, и своих дум, и своего честолюбия, и своего жгучего одиночества, когда был даже слышен «шорох слез», которые, ложась спиной на ковер, безуспешно пыталась она «вогнать назад». Одиночество, мысль об исчезновении, предчувствия мучили ее все больше и больше: «Послушайте, вот что: если душа существует, если душа оживает тело, если она, эта прозрачная субстанция, чувствует, любит, ненавидит, желает, если, наконец, одна только эта душа заставляет нас жить, каким же образом происходит, что какая-нибудь царапина этого брэнного тела, какой-нибудь внутренний беспорядок, излишек вина или пиши, каким образом все это может заставить душу покинуть тело?»

Примечательно, с другой стороны, и ее успокоение, нравственная проясненность, твердость, пришедшие в конце 1877 года, — тут она окончательно посвящает себя в художники. «Это было, — замечал Анатолий Франс, — одно из тех внезапных превращений, примеры которых мы встречаем в житиях святых». Итак, вначале портреты и жанры — в конце темы классические («Жены мироносицы») и пейзажи, будто подготовка к небытию и прощание с землей.

Она прощалась с ней, задумав написать большое панно «Весна»: женщина, прислонившись к дереву, сидит на траве — закрыв глаза и улыбаясь, словно в сладчайшей грезе. А вокруг мягкие и светлые блики, нежная зелень, розово-белые цветы яблонь и персиковых деревьев, свежие ростки, которые пробиваются повсюду. «И нужно, чтобы слышалось журчание ручья, бегущего у ее ног, — как в Гренаде среди фиалок. Понимаете ли вы меня?»

Эскизы к этому полотну она писала в старом саду в Севре — были

и фиалки, были и цветущие ветви фруктовых деревьев, и молодая изумрудная трава, и дорожка, уходящая вдаль, была и дремлющая в истоме женщина, для которой долго и тщательно подбиралась модель, потому что с горожанкой Армандиной, обряженной в крестьянское платье, дело не ладилось: «Нет, мне нужно настоящую здоровенную девчину, которая не то дремлет, не то мечтает на жарком воздухе и которой завладеет первый встречный парень».

Была почти одновременно подготовка и к панно «Осень», как, по-видимому, попытка запечатлеть в последний раз не только весеннее, но все состояния, все оттенки жизни, и она отправлялась в янтарные аллеи Grand jotte и, опасаясь модных франтов, одевалась «как старая немка: два-три шерстяных трико, чтобы обозначить талию, пальто в 27 франков и на голове большой черный вязаный платок».

Уже тогда она стала понимать трудную цену артистическому ремеслу в свой беспощадный железный век, в котором тупая роскошь столь уродливо сплелась с трущобным кошмаром: «Истинные художники не могут быть счастливы; во-первых, они отлично знают, что толпа не понимает их, они знают, что работают для какой-нибудь сотни людей, а все остальные руководствуются в своих суждениях своим скверным вкусом или какой-нибудь «Фигаро». Невежество в вопросах искусства поистине ужасно во всех классах общества».

Образ Башкирцевой последних месяцев подробно вспоминает в предисловии к посмертному каталогу ее картин известный в свое время критик Франсуа Коппе, видевший ее всего один час, запомнивший же навсегда. Он явился в дом Башкирцевых на минуту — встретиться с кем-то из своих приезжих русских знакомых, но был радушно принят и усажен подле самовара. Только, свидетельствует Коппе, чаевничать ему не пришлось: его внимание привлёк большой портрет одной из присутствующих девушек, портрет поразительного сходства, написанный широкой и свободной кистью истинного мастера.

— Это моя дочь Мари написала портрет своей кузины, — сказала мадам Башкирцева.

Француз описывает, что начал было хвалебную фразу, но не успел ее кончить: другой холст, потом третий, десятый удивляли своей маэстрией — стены гостиной были сплошь увешаны ими, — и при каждом восклицании, вырывавшемся у него, Башкирцева-мать повторяла с гордостью:

— Это моя дочь Мари! Это все моя дочь!

Потом появилась и сама Мари — небольшого роста, худая, очень красивая, с тяжелым узлом золотых волос, «источающая обаяние, но производившая впечатление воли, прячущейся за нежностью, энергии, скрытой в грации. Все обличало в этой очаровательной девушке высший ум. Под женской прелестью чувствовалась железная, чисто мужская сила, и невольно приходил на память подарок Улисса юному Ахиллу: меч, скрытый между женскими уборами».

Поднялись в мастерскую. В углу, на стеллажах до потолка, громоздились книги — многочисленные тома на многочисленных полках, — представляя собой «все высокие творения человеческого духа. Они были здесь все на своих родных языках: французы, немцы, русские, англичане, итальянцы, древние римляне и греки. И это вовсе не были книги «библиотечные», выставленные напоказ, но настоящие, потрепанные книги, читанные, перечитанные, изученные. Платон лежал на столе, раскрытый на чудной странице».

Подле был растворен рояль, за ним огромным веером голубела арфа. Все остальное же пространство занимали картины, пюпитры с начатыми холстами, папками рисунков, эскизами статуй. Долго говорили об искусстве. В тот день она, возвращаясь душой, вспоминала живописность древнего монастыря Сан-Мартино, где во дворе, сложенном из белого мрамора, отчего-то была выставлена старинная карета синдика и галерея Карла III, и коридоры с мозаичными полами, и грандиозные лепные своды, страдальческие картины Фра Бонавентуры. А потом, вдруг на миг оглянувшись куда-то в сумрак комнаты, стала вспоминать дом: проталины и апрельский серый снег среди пожухлой травы, пригоршню блесток, рассыпанных по синьке ночного неба Гавронцев...

И странно, в минуты этой чудесной беседы гость испытывал какую-то внутреннюю тревогу, какой-то страх и даже предчувствие. При виде этой бледной, страстной девушки ему «представлялся необыкновенный тепличный цветок — прекрасный и ароматный до головокружения, и тайный голос шептал в глубине души: слишком много сразу».

Впечатления Франсуа Коппе — впечатления лета; осенью ее уже не было в живых. «Ведь я не прожила долго: знаете, — записала она в своем дневнике, так и не договорив до конца какую-то сложную, постоянно бередающую мысль о своей судьбе, — дети слишком умные...»

В одном из альбомов, посвященных Люксембургскому музею в Париже, я внимательно рассмотрел по совету старинного искусствоведа Герро аллегорическую статую «Бессмертие»: молодой гений умирает у ног ангела смерти, в руке которого развернут свиток с перечнем замечательных художников, преждевременно сошедших в могилу. Прищурившись, на свитке можно разобрать и русское имя — Мария Башкирцева. О чем думать, что вспоминать, глядя на это имя, выбитое в мраморе?

Думать, что слава, к которой юное и честолюбивое существо так стремилось, эфемерна, ибо огонь пожрал почти всю ее живопись, а ее книга-исповедь стала недостижимой библиофильской редкостью, обладаемой лишь собирателями?

Вспоминать, что эта гениальная девочка больше славы и бессмертия, признаваясь сама, любила «искусство, музыку, живопись, книги, свет, платье, роскошь, шум, тишину, смех, грусть, тоску, шутки, любовь, холод, солнце, все времена года, всякую погоду, спокойные равнины России и горы вокруг Неаполя, снег зимою, дождь осенью, весну с ее тревогой, спокойные летние дни и прекрасные ночи со сверкающими звездами»?

Или все-таки надеяться, что, словно подчиняясь движению солнца, любой великий дар, пусть иногда и совершая круги забвения, но вечно возвращается — всегда неожиданным, как чудесное открытие.

Почтеного ветра!

Ч

уть в сторону от шумного Ленинского проспекта — и вы оказываетесь в тихом уголке ЦПКМО имени Горького, на набережной Москвы-реки. И вдруг перед вами появляется корабль. Тринадцать лет носит он славное имя участника Февральской и Октябрьской революции Михаила Кожина и служит клубу юных моряков «Алые паруса».

Тихо здесь только утром, когда 720 курсантов, ученики 6—10-х классов, в школе. А вечером они в клубе: подтянутые, в морской форме. И уже не школьный звонок, а настоящий колокол громного боя с крейсера «Киров», подаренный ребятам балтийскими моряками, зовет их на занятия.

Юные моряки занимаются строевой и стрелковой подготовкой, изучают основы военно-морского дела, радиотехники, конструирования, морского и речного судовождения. А впереди у них практика на судах, походы по дорогам боевой славы 71-й и 64-й морских бригад, входивших в состав армий, которые участвовали в битве за Москву, освобождали Белый Раст, Солнечногорск и Волоколамск. Немало экспонатов корабельного музея — это находки самих ребят, принесенные из этих походов. Но иногда сюрпризы поджидали их, как говорится, под боком: в мае прошлого года, неподалеку от здания дирекции ЦПКМО, ребята нашли зенитный пулемет, а потом, помогая саперам, обнаружили на территории парка неразорвавшиеся гранаты и снаряды, которые были разминированы и переданы в дар музею.

У колыбели клуба стоял нынешний его начальник Г. В. Воинова. — Галина Валентиновна, все же несколько неожиданно: женщина «на корабле», в роли начальницы клуба юных моряков. Что привело вас сюда?

— Когда-то я была пионервожатой в школе. Вначале в нашем кружке занимались семнадцать человек. Самой мне было тогда девятнадцать лет, а моим ученикам по пятнадцать. Я старалась передать им то, чему сама научилась в клубе ДОСААФ: флажной семафор, азбука Морзе, вязка морских узлов, устройство шлюпок и т. п. Интересовала их и история русского флота, и легендарные герои. Вскоре нас стало пятьдесят, а в школе тесновато. Вот мы и занялись всерьез созданием клуба. Райком ДОСААФ направил к нам замечательного человека, капитана первого ранга И. Н. Георгиевского. До последнего дня своей жизни он «болея» нашими делами и очень помог ребятам. Его именем назовем наш новый корабль. Ну, а моряком я стала после того, как сходил в шлюпочный поход и пятьдесят километров отмахала веслами.

После первого испытания веслами были и более серьезные: мастер спорта Г. Воинова стала двукратной чемпионкой СССР по водно-моторному спорту. Она заслуженный работник культуры РСФСР, награждена медалями «За доблестный труд» и «За трудовую доблесть», тремя памятными медалями ЦК ВЛКСМ, трижды удостоена «Почетного знака» ЦК ДОСААФ.

У Галины Валентиновны уже есть «внуки» — так она называет Федю Короткова, Игоря Шахпендеряна и многих других юношей, чьи отцы занимались в клубе «Алые паруса». Они и привели сюда сыновей. Судьба клуба — это ее судьба, считает Г. В. Воинова. И неудивительно, что у этой на первый взгляд суровой женщины в строгой морской форме, требовательной к себе и другим, вдруг невольно вырывается ласковое, материнское, по-девчоночьи озорное: — Вот они, мои лягушата-головастики!

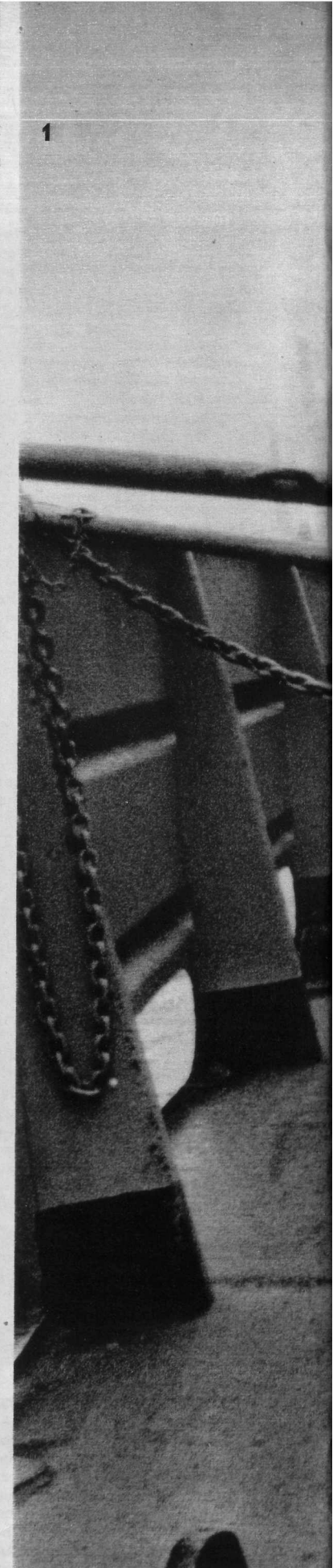
И она показывает фотографии курсантов клуба. Одна из них запечатлела ребят на Красной площади в момент торжественной клятвы: «Клянусь добросовестно

изучать военное дело, всемерно беречь военное и народное имущество».

Воспитанники клуба «Алые паруса» верны этой клятве. Многие из них стали кадровыми офицерами. Виктор Сергеев уже полковник. Бывший «лягушонок» Андрюшка Голосов — капитан-лейтенант, заместитель командира подводной лодки. Москва, Киев, Таллин, Северодвинск, Архангельск, Рига, высшие и средние военно-морские училища, речные техникумы, мореходки — вот откуда приходят сегодня письма к Г. В. Воиновой, письма от бывших выпускников клуба. Встретишь их и среди тех, кто стал сегодня наставником нынешних курсантов клуба юных моряков.

— Самая интересная работа у нас начинается летом, — рассказывает Галина Валентиновна. — Мы разбиваем лагерь в семнадцати километрах от приволжского поселка Белые Горки. Ребята здесь все строят сами: камбуз, изолятор, хозяйственные, продовольственные и жилые палатки, корабельный и шлюпочный причалы. В работе, походах и учениях рождается настоящая дружба курсантов, формируются их характеры, отношение к людям, к труду. Когда мы помогаем лесникам расчищать лес и мальчишки видят результаты своего труда, им уже не нужно читать лекции об охране природы. Перед закрытием лагеря проводим ночное факельное шествие к реке, торжественно спускаем на воду спасательный круг с венком в память о погибших. В День Советской Армии и Военно-Морского Флота мы возложили венок к братской могиле. Когда наступила минута молчания, все как один сняли шапки. Было тридцать два градуса мороза. Взрослые шептались, чтобы я подала команду надеть шапки, но я не могла этого сделать! Так и стояли.

...Взрослеют юные моряки клуба «Алые паруса». По-разному складывается жизнь у каждого из них. В какие-то дни, когда бывает особенно трудно, они приходят к Галине Валентиновне. Порой их беседы продолжаются часами, а иногда достаточно вспомнить один из главных девизов клуба: «В жизни все победы начинаются с победы над самим собой. Человек без цели — все равно что корабль без руля»...

- 1 «Отдать швартовы!»
- 2 Меткие стрелки.
- 3 Эхо войны.
- 4 «Лево руля!»
- 5 «Я — «Сокол». Как слышите? Прием!»

- КТО ПРИДЕТ НА СМЕНУ ТЕТЕ МАШЕ!
- ПРЕСТИЖ ПРОФЕССИИ
- САНИТАРКЕ — ДИПЛОМ СЕСТРЫ МИЛОСЕРДИЯ

ПОЗОВИТЕ НЯНЮ...

Римма ЛИХАЧ

Не стало нянечек в больницах. Ушли на пенсию, ушли из жизни, оставив по себе светлую память, тети Нюры, тети Маши. Они с достоинством, добросовестно выполняли свою трудную, необходимую работу. Своей участливостью они создавали особый климат в больничных палатах. С ними было спокойнее, теплее. А теперь не идет молодежь в санитарки, как сейчас именуется эта должность. Трудная работа? Да, очень. Но ведь идут же девушки в маляры, плиточницы, бетонщицы, дорожные рабочие. А разве там легкая работа? Нет. Но оплачивается неплохо и, можно сказать, престижна: они — строители.

Есть пословица: «Свято место пусто не бывает». Бывает. Место няни в больнице действительно свято. Оно требует особых душевных качеств, способности сострадать. Но сегодня место няни почти везде пусто. Неужели нет самоотверженной, чуткой молодежи? Наверное, есть. Но коль сложилось такое положение, значит, где-то что-то упущено в организации здравоохранения. Нужно искать и «лечить» несработавшее звено. Как? Надо обратиться к людям сведущим, к тем, кто повседневно сталкивается с этой проблемой.

...В десять часов утра, как и было условлено, я вхожу в кабинет главного врача московской 13-й городской клинической больницы имени Н. Ф. Филатова. Ян Михайлович Луцкий — доктор медицинских наук, токсиколог, опытный руководитель. Но сейчас в кабинете он не один. Чувствую некоторую настороженность присутствующих.

— Так о чем все-таки думаете готовить статью? — спрашивает Я. М. Луцкий. — Не привлечет ли она очередную комиссию? И тогда опять нас выбьют из ритма. Разумеется, бывают и справедливые нарекания. Но что порождает их? В каких условиях мы работаем? Пациенты, родственники мало задумываются над этим, а реальность порождает отрицательные эмоции. У нас, например, по штатному расписанию шестьсот двадцать одна медсестра, а работают менее пятисот. Санитарок почти втрое меньше, чем следует быть. На каждую приходится больных больше, чем полагается по норме. Но ведь у нас-то больные — дети!..

И без слов главного врача было ясно: в больницах положение с санитарками сложилось аховое. Больница имени Филатова достаточно хорошо оснащена медицинским оборудованием, позволяющим делать сложные исследования; здесь работают квалифицированные врачи, сюда на лечение привозят детей со всего Союза. Но выхаживание больного не менее ответственное дело. А выхаживают именно сестры и няни.

И тут молчаливую настороженность всех присутствующих в кабинете как рукой сняло: Ян Михайлович задел их за живое. Нянечки в больницах нужны будут всегда!

Надо их готовить и поднять значение этой профессии! Необходимы специальные школы или курсы — дело не в названии. Принимать туда только со средним или неполным средним образованием. Желающие поступить должны пройти обязательное тестирование: может ли данный юный человек работать с больными? Санитарка не разнорабочий. А сейчас как это выглядит? Вот тебе ведро, швабра, и, как говорится, вкалывай!.. Подход к больному — наука. И в то же время искусство — как напоить, как накормить лежачего. Даже простыни тяжело больным меняют по-особому! Не легкое и совсем не простое это дело. А нянечке нужно при этом сдерживать свои эмоции, собственное расположение духа.

Давно известно, что доброе слово лечит. А сказанное со зла может и убить... Доброе, от души слово обязательно для понятия «выходить больного». Няня должна сердцем чувствовать, что она наравне с врачами и сестрами выхаживает и ставит на ноги выздоравливающих. Школа младшего медицинского персонала должна стать школой милосердия, человечности. А после экзамена следует присваивать окончившим звание «Младшая сестра милосердия». А пока девчата стесняются, если их называют санитарками.

Говорили и об оплате труда нянечек-санитарок. Думается, что тут вовремя не прислушались к тому, что диктует жизнь. Например, зарабатывают же водители автобусов по триста и более рублей. Сложившиеся обстоятельства того потребовали! В больницах сегодня «обстоятельства» большего требуют.

— Нужно прежде всего оклад повысить санитаркам, — размышлял Я. М. Луцкий. — А затем, как и все медработники, младший медперсонал должен получать надбавку за стаж. Непременное. И за профессиональные качества должно платить особо. Потолок может превышать начальную зарплату и в два, и в три раза. При этом мобильность увеличения зарплаты должна быть в руках руководителя. Тогда у медицинских сестер и санитарок появится стимул. Появится возможность отбирать и подбирать людей. А периодические прибавки по десятке в течение пяти лет ничего не дадут.

Наболевших вопросов в больнице много. Зашла речь о письмах, публикуемых в газетах. Многие пишут, что пришло время доплачивать за питание. Проблема касается всех, никто не застрахован от болезней. Я согласилась с тем, кто «за». Честно говоря, не очень-то жалеем мы больничную еду, когда случается туда попасть. Передачи заполняют холодильники, окна: съесть сразу все невозможно. Что портится — выбрасываем. Да и спрашивать с больницы совестно, например, в филатовской больнице ребенка кормят на один рубль тридцать одну копейку, организовать лечебное питание на эту сумму весьма сложно. И еще есть нюанс: в бесплатное медицинское обслуживание входит содержание медперсонала, лечение, уход, дорогое оборудование для исследований, наконец, постельное белье и со-

держание здания. А питание? Государство отпускает на это немалые средства, но все равно передачи носят и носят. Во времена, когда определялась стоимость питания, эти копейки были весомыми — жили мы тогда беднее. Сейчас уровень жизни иной. Пришло то время, когда мы можем доплачивать в больнице за питание. Разве кто-нибудь поскупится для своего ребенка? Может быть, в детских больницах стоит доплачивать за питание, пусть рубль в день?

И еще вот о чем подумалось в то утро: о рублях, которые мы все равно, так или иначе, от себя доплачиваем медицинскому персоналу. Давайте не лукавить. Платим мы рубль, попав в положение людей беспомощных. Платим в знак благодарности, понимая, что санитарки получают мало... А если узаконить эту доплату? Не логичнее ли вносить сколько-то рублей в кассу больницы за дополнительный уход, например, в течение недели, месяца... И нам дешевле, и для больницы ощутимый вклад, например, для поощрения лучших из младшего медперсонала.

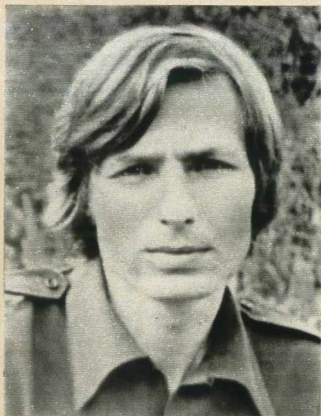
На стройках, заводах получают премии, прогрессивки, тринадцатую зарплату! Больницы на госбюджете. Больницам не полагается. Наверное, пора и на это посмотреть иначе: врачи ставят больных на ноги, возвращают здоровье людям. Их «производство», прости-те за столь приземленное слово, сложнее. Работа в больницах требует не только физических сил, но и душевных. О душевных затратах и сейчас идет главным образом речь. Отрешиться от сострадания к больному ребенку духовно здоровый человек не в силах. Работа в больнице — подвижничество. Так, может быть, для медработников учредить фонд тринадцатой зарплаты.

...Отделение травматологии. Сюда попадают прыгуны с крыш, драчуны, «хоккеисты», «космонавты»... Почти все лежачие. Няни ни одной. А должно быть двенадцать. Кто же все-таки помогает? Мама, мамы, мамы... В операционном блоке ни одной санитарки. Сестры сами моют помещения. Хирургические сестры! Отмыть грубей руки, а руки операционной сестры — рабочий инструмент. Как у хирурга.

Зашел разговор и о подготовке врачей. И кто-то высказал не новое, но важное соображение: пусть каждый абитуриент мединститута предварительно поработает в больнице год санитаром. Дело в том, что мальчики и девочки, только что окончившие школу, не представляют себе всех сложностей выбранной профессии. Им предстоит всю жизнь провести среди страданий человеческих! А быть милосердным не всем дано. Школьники, мечтающие стать врачами, видят только парадную сторону профессии — в кино, в театрах. Белая шапочка, халат и победа в борьбе за жизнь. Цветы... Но это одна сторона медали. Другая — повседневная черная работа. Кто способен на такое? Вот и надо проверить себя до института у койки больного.

...Наступил вечер. Я уходила по затихшему коридору, но голос из палаты остановил меня: «Тетенька, позовите няню!»

Няни не было.

Николай НИКИШИН

К роднику за водой

ШАРАПОВА ОХОТА

В заревой кровавой позолоте
Бился вечер, как глухарь-подренок.
Я сошел в Шараповой Охоте —
Есть такой в России полустанок.
Странное название... И громом
Надломилась красные рябины...
С электрички в месте незнакомом
Я сошел без видимой причины.
То ли блажь пристала отчего-то...
То ли вдруг нашла тоска глухая...
Прочитал: «Шарапова Охота».
Да, была действительно такая!
Возникла страшная ватага
С кистенями, ружьями, ножами.
А потом в колдобинах оврага
Находили

связанных вожжами...

Может, все на самом деле проще —
Не разбой, не тайна, не шарада:
В глухариной заповедной роще
Некогда охотился Шарапов!
Я как вижу: под еловой кроной,
Над колючей шапкой краснотала
Острой, жгучей сталью вороненой
Черное перо затрепетало!..
Падает оно в мои ладони —
Смутный отблеск древнего

болота! —

И на склоне, от зари зеленом,
Я пишу:

«Шарапова Охота...»

И неволя, и привычка:
На развезд идти чуть свет.
Двери настезь: электричка,
Мой рабочий кабинет.
Колокольня, словно свечка,
Из окна едва видна.
До свиданья, сад и речка!
До свиданья, тишина!
Перестуки ритмом полны,
В гуле поезда — хорей...
Так и слышно: это волны
Древнегреческих морей...
Я их слышу неизменно...
И качается вагон.
Стук за стуком — постепенно
Убаюкивает он...
Я как лошадь: и в движенье
Научился стоя спать.
Ну, а если на сиденье —
Лучше нету, благодать!
Лишь строка во сне родится
Неожиданно всегда!..
Вот она, моя столица —
Церкви, здания, вода.
Эх, Москва, разноязычие!
В сотый раз к стеклу прилип:
Очертание девичье —
Это Яузы изгиб...
Я дороги обожаю —
Знал дорогу не одну...
Устаю — не замечаю,
А замечу — отдохну.
Не убогий, не калека —

Так о чем тогда тужить?
Мне еще до полувек
Возраст юности прожить!
Этот возраст — как награда.
И в двухтысячном году
Возле речки, возле сада
С электрички я сойду.
Может, в розы и улыбки
Понимающей толпы.
Может, в новые ошибки,
В ядовитые шипы...

Лесное озеро, зеркальная вода,
Стекло живое и подвижное всегда,
В оправе выпуклой — кольце

береговом:

В оправе — небо
меж поверхностью и дном, —
Где шумно рушатся крутые облака
Обвалом темного тягучего песка;
Где ствол сосны и отражение его
И вверх, и вниз растут
из корня одного...
И над поверхностью зеркальной
наклонясь,
Земли и неба я улавливаю связь —
Гляжу из темных отраженных
облаков,
Как рыба древняя
из глубины веков.

РУЧЕЙ

Весенний паводок и летние жары
Его течение стремительное
мутят —
И груди водорослей, сучьев и
коры
Крутые струи, перемешивая,
крутят.
Лишь в омутках, с течением
борясь,
Сквозь полумрак, что кажется
бездонным,
Тягучим зеркалом перевернется
язы —
И струи брызнут отсветом
зеленым!
А поздней осенью, когда снежок
хрустит
И ольхи стынют в тишине
исповедальной,
До звона чист он — и душа моя
грустит
И тоже осенью становится
кристальной.

В той долине затерянный след,
В той ракиевой роще зарубки...
В том поселке есть дом, где поэт
Тайно пишет стихи на приступке.
У приступки на темной стене —
Связка лука до самого пола.

За стеною — и роща, и поле,
И родник со звездой на дне...
Ах, какие в душе чудеса,
Ах, какие рождаются сказки
От лукавой — от луковой связки,
Золотой, как девичья коса!
Здесь такая коса — у одной,
В подмосковном поселке примета!
Вот и вспомнил, как девушка эта
Летом шла к роднику за водой...
И ее там затерянный след.
Для нее в этой роще зарубки.
Для нее и стихи на приступке,
Ведь поэту — четырнадцать лет...
И восторженный отрок бежит
Прочь из дома на мгlistую волю
По осеннему звонкому полю,
За которым родник у ракут.
Но родник не шумит, не поет:
Подо льдом голубое движение.
И ушедшей звезды отражение,
Тусклым пламенем вмерзшее
в лед.

РАССВЕТ

Тонко звенит синица.
Льется заря с бугра.
Крепко в стogu мне спится —
Только вставать пора!
Вон уже точат косы,
Слышно — со всех сторон.
Через густые росы
Ровный веду прогон.
Сумрак еще плутает
В кочках и бочагах.
Звезды, бледнее, тают
В скошенных клеверах.
Гул от села несется —
Первые петухи.
Белой лисой крадется
Месяц из-за ольхи.

ВЕТЕР

Ветер, ветер,
мечется ветер
Над водой, от заката алой,
Забывает у дома сети
Чешую листьев опалой!
Ветер, ветер...
Чего он ищет?
Человеческого доверья?
Вдруг в трубе соловьем засвищет,
Раскачает в саду деревья...
Чуткий флюгер на крыше дрогнет,
Развернется и клюв разожмет.
Он укажет ветру дорогу,
Только с ним улететь не сможет.
И полночь холод с реки нахлынет
И звезда над водою вспыхнет.
Ветер съезжится, и остынет,
И во сне, шевелясь, затихнет.
Сад постель для него
расстелет —
И приснятся ветру под шорох
Крылья темных, старинных
мельниц,
Паруса на морских просторах!

-В

этом
фильме я бы снялась! — Белый
платочек в руках. Влажные ресни-
цы. — Иной раз глаза закрою —
вижу фашистов. Черепа на фураж-
ках — значит, карательный отряд
идет! Опять будут убивать, детям
на глазах матерей наступать на
шею и грудь сапогами. «Раз-
бегайтесь, дети, может, кто один
живой останется!» — кричит мама.
Прятались кто куда, даже в от-
хожее место. У младшей сест-
ры, Раи, сердце от страха, как
яичко, на груди выступало — так
билося. Не смогли потом выле-
чить: она умерла, когда в третий
класс ходила. Мой старший брат
ушел в партизаны. Однажды при-
ехала машина немецкая, и всю на-
шу семью стали сажать в нее, что-
бы везти куда-то за село. Бабуш-
ка, как увидела, так и упала пе-
ред печкой на колени... Чудо, слу-
чай спас! А то были бы мы тоже
братская могила, как вся соседняя
деревня Окунино, все 200 чело-
век. В 17 лет погиб на фронте дру-
гой брат, Иван. Ни девушки у него
не было, ни костюма хорошего —
ушел на войну в рубашке, что ма-
ма пошила. Сестре отдал свою
любимую ложку — он хорошо так
их делал из обломков самолетов.
Сказал: «Береги, пока не приду
с фронта...»

Ей трудно говорить, а мне ви-
деть, как темнеют ее светлые с
прозеленью глаза. Софья Василь-
евна Шлак (в девичестве Са-
хонь) — родом из белорусской
деревни Папки под Барановичами.
Из тех мест, где происходит дей-
ствие фильма «Иди и смотри».
Когда началась война, ей было
столько же, может, чуть меньше,
чем Флере, 14-летнему герою
картины. И так же, как он — бы-
вает ведь в жизни! — ползла она
однажды под пулями по борозде,
по картошке, и тянула за собой
корову...

— Мама велела спрятать от нем-
цев в лес, я и повела ее через
поле. Вдруг стрельба! Что делать?
Надо бы бежать, бросить ее — ко-
рова-то тяжелая! — а я реву и
продолжаю тащить. Как же мамин
порушение не выполнить? Ведь
дети мы были, дети, и, когда в раз-
ведку ходили, она так и называ-
лась — детской. Идешь, бывало, а
под ногами всюду дырки от сна-
рядов... А сколько на фронте
мальчишек воевало! До сих пор
мой муж — он партизанил в Бело-
руссии — кричит ночью: «В атаку!
Бей! Стреляй!» Кино про войну
иногда смотришь — нет там того,
что мы видели! А в этом фильме

Татьяна
ОКУЛОВА

И

я бы снялась. Здесь все правда.

С каким-то новым чувством после этой картины смотришь на людей, которые стояли у последней черты, отделявшей жизнь от смерти. Сегодня они уже немолоды, эти люди, которые ходят по земле рядом с нами, нося в себе то, особое знание жизни. И — увы! — невечны они. И потому нельзя не испытывать благодарности к кинорежиссеру Элему Климову, попросившему очевидцев трагедии прийти на съемочную площадку картины «Иди и смотри» — принести свою память. Многие, даже очень больные, откликнулись, согласились как бы заново пережить, перестрадать. Чтобы не видевшие войны каждой клеточкой ощутили, что это такое.

Об этом думала я, когда, пожав руку Элему Климову, входила в его приветливый дом на московской набережной.

— Знаете, я каждый день ло-

вила меня вспомнить слова Виктора Астафьева о наболевшем. О том, что «красивая «киношная» война сделалась куда как привычнее и приятнее для сердца и глаза, чем та, которая была на самом деле и о которой сняты серьезные фильмы... Между прочим, ни разу я не слышал, чтоб «зарубили» кино или книгу с шапкозакладательской войной, — замечает Астафьев. — И сколько же приспособленцы всех мастей состряпали лжегероев, демагогов, военных навалеров, красавчиков лейтенантов, миллионных истринчиков, хохотушсанструкторов... О войне и о войнах надо говорить всю правду, пусть иногда и горькую. Мы достойно вели себя на войне и достойны не только благодарности, но и самой высокой, самой святой правды, мы и весь наш многострадальный, героический народ, на века, на все будущие времена прославивший себя и трудом, и ратным делом».

Климов снял фильм о пределе человеческого существования. О запредельном подчас напряжении души. И сделал это яростно, тоже, что называется, на пределе. На одном дыхании.

нам, в настоящее. Люди не имеют права забывать историю, чтоб не повторилась трагедия.

Где бы ни шел фильм, после просмотра разговор о нем неизбежно перерастает в обсуждение важнейших проблем бытия. Более 40 стран приобрели для регулярного проката эту ленту, созданную нашими соотечественниками, у которых непреходящая боль прошлой войны слилась с протестом против угрозы новой, нависшей над всеми нами.

Первый критик его картин — он сам, Элем Климов. Не все, конечно, принимают их стилистику, что-то вызывает возражения — это я знала. Но я не знала, что есть такой строгий судья.

— Если бы существовал в пресе такой жанр, такая форма — саморезензия, я бы выступил сразу же после выхода фильма, — говорит Элем Климов. — Ведь ни один критик не знает лучше авторов внутренних мотивов произведения. Вижу ли я свои просчеты в

ствии, снимая происходящее как бы изнутри. И это требовало от него большого напряжения, выдержки — ведь съемки проходили на натуре, не в павильоне. Не все у нас получилось, к примеру, в начале фильма, кое-какие штампы все же оставались. А с определенного момента картина как бы повела нас за собой.

Содружество с оператором Родионовым и художником Петровым началось со съемок фильма «Прощание» (1981). Именно со съемок — они не готовились к этой картине — ее начинала группа Ларисы Шепитько, трагически погибшей в те дни жены Климова.

«Истинный человек, — по словам Валентина Распутина, — выказываетсся едва ли не только в минуту прощания и страдания...» Климов берет режиссерский сценарий жены, который был у нее в экспедиции. Но для другой группы нужен другой, свой сценарий, и он пишет его заново. И встает за камеру. А рядом с ним становятся Алексей Родионов и Виктор Петров, которые пришли, чтобы помочь фильму состояться. Во имя погибших близких и друзей, во имя того, что мучило автора «Прощания с Матерой».

— Распутин писал об издержках урбанизации, об исчезновении понятия «отчий дом». О том, что память о поколениях, живших до нас, не должна стираться, о сохранении души. Об этом и мы хотели сделать фильм. Но как перевести эту повесть, столь литературную, на довольно грубый кинематографический язык? Эта книга обладает прямо-таки магическим воздействием, кажется, будто душа народная мерцает сквозь плоть слов. Как передать тот особый свет доброты, который освещает лица деревенских женщин? Такого излучения доброты я нигде, как в деревне, не ощущал. И я, например, не мог подсказать актрисе, как сделать доброе лицо. Надо было просто искать таких людей.

Слова режиссера я бы продолжила размышлением о так называемой массовке. Кое-кто лепит ее, как из пластилина, согласно своему представлению или заблуждению, и нередко видишь на экране безликую массу. В климовских фильмах перед нами — люди, а не пешки. Часто их играют непрофессиональные актеры, и чувствуется духовный контакт, взаимодействие между ними и режиссером. Мне кажется, это получается потому, что Климов видит в каждом человеке что-то самобытное, интересное. Много хороших слов, например, говорил он мне о белорусском крестьянине Казимире Рабецом, сыгравшем старосту, о его одаренности, подлинности. «Хорошо, что встретили этого человека, а ведь бывает, и проходишь мимо таких вот на первый взгляд неброских, но удивительно богатых духовно личностей, в которых открывается нам целый мир. Общение с ними неизбежно тебя меняет» — это наш собеседник прекрасно знает по собственному опыту. Никто ведь не родится, так сказать, с готовенькой душой.

А вот что говорят актеры, работавшие с Элемом Климовым.

Вера Васильева: «Это человек, рядом с которым люди, которые меньше, становятся больше. Очень цельная натура. Он был для нас

Элем
Климов
(в центре)
на
съемках
фильма
«Иди
и смотри».

жилась спать после съемок с одной мыслью — слабо! — говорит Элем Германович. — Я и сейчас считаю, что фильм снят слишком сдержанно. На войне все было гораздо страшнее, и это лишь отдаленное приближение. Рядом с нами стояли люди, пережившие трагедию. И книга «Я из огненной деревни», в создании которой принимал участие Алесь Адамович, книга народной памяти... Все это требовало документальной достоверности каждого кадра и, может быть, умеряло нашу кинофантазию в привычном понимании этого слова.

Некоторые зрители говорят, что фильм смотреть чересчур страшно. Но разве то, о чем мы рассказываем, может быть не страшным?

Горечь в голосе Климова заста-

— Как же много может художник! — воскликнул после просмотра фильма американский кинодраматург Джерол Лоуренс.

Вот мнение Моника Маурер, известного западногерманского режиссера:

— Возможно, найдутся недобросовестные люди, которые скажут, будто фильм антинемецкий. Я сама немка, родом из Мюнхена. Фильм буквально перевернул все в душе. Не могла найти себе места, еще раз поехала, чтобы посмотреть его. Подлинное страшное лицо войны. Как же под влиянием расистской, фашистской идеологии деградирует человек, если решается на такие преступления! Финал фильма обращен к

последнем фильме? — переспрашивает он. — Конечно, вижу, и не один. И коллеги мои дорогие, единомышленники оператор Алексей Родионов и художник Виктор Петров такого же мнения. Наш триумф — так мы в шутку называем себя. Мы вместе выбрали натуру, исполнителей, спорили без конца, стараясь избавиться от шлейфа киноштампов. Решение рождалось само собой, из взаимного общения, обычно на кухне, — добавляет мой собеседник с улыбкой. — Каждый из нас вместе с продуктами приносил какую-то новую идею. Мне нравится в моих друзьях все: гигантское трудолюбие, их понимание киноискусства, профессиональная искушенность. Последнее, о чем я сказал, вот это мастерство как раз и надо было спрятать от зрителя, чтобы погрузить его в атмосферу подлинности, сделать так, чтобы камеры вообще не было видно. Оператор почти не пользовался обычным киносветом. Весь хатынский эпизод, например, снят вольной камерой. Родионов шел вместе с героями в центр дей-

СПЫТАНИЕ ДУШИ

примером духовной твердости, определенности».

«Готов был репетировать с нами чуть ли не до двух часов ночи», — добавляет Анатолий Ромашин, замечая еще одну особенность этого режиссера: он никогда не делает актеру замечаний на людях.

«Да, работали, что говорится, на износ», — говорит Алена Кравченко, сыгравший Флеру. — Бутафории, скажем, почти не было. Во время съемок на болоте, например, у всех буквально пухла голова. Потом одна старушка объяснила, что от черники идет дурман. Было трудно, но, знаете, все очень помогали друг другу».

— Люблю таких актеров, которые могут, рискуют пропустить через себя, через свой психофизический аппарат высокую энергию. Это опасно, больно, но только так, по-моему, и надо жить, — считает Элем Климов.

Этот человек свято верит в могучую силу киноплёнки, которая может передать в зал духовную энергию, способную вести зрителя, как по ступеням, вверх. Эта вера заставила 25 лет назад одаренного конструктора вертолетов еще во время учебы в МАИ признать самому себе: «Не там учусь!» Эта вера и его нравственная неуступчивость, гражданское мужество не покидали художника. Многолетние паузы между фильмами не прерывали напряженной внутренней работы. Даже во время вынужденного штиля он мысленно направлял свой корабль вперед, к намеченной цели.

Фильм «Иди и смотри», например, снят по сценарию, написанному девять лет назад. Тогда все было готово к съемкам, но они не состоялись: Климов не согласился с поправками, которые ему предлагали внести. Но от своего замысла он не отказался, чувствуя своим долгом снять этот фильм. Поистине у искусства задачи не только высокие, но и далекие.

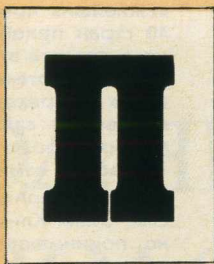
— Разные есть люди, — размышляет Элем Климов. — Есть люди с тонкой кожей, с живой душой, остро реагирующие на неправду, нечестность, дисгармонию. Но есть и другие: кто слишком полон собой. Наша цель — достучаться до каждого, кто будет смотреть фильм.

— Элем Германович, а почему зритель подчас избегает трудных фильмов?

— Потому что трагический, острый материал нарушает равновесие. Ведь когда возьмешь в сердце чужую боль, что-то горе, ты мысленно возвращаешься к ней, страдаешь и по-иному смотришь на свою жизнь. И тогда возникает вопрос: как живешь, что делаешь ты, когда такое происходит с людьми? И на душе становится неуютно: если ты честный человек, ты должен что-то делать, чтобы ни зла, ни горя не было, то есть сам должен становиться другим. Искусство, которое намерено говорить о самом серьезном и говорить страстно, должно возвращать человека через потрясение к высокому сознанию. К тому, что, собственно, называется Человеком, а не «выдыхателем кислорода — выдыхателем углекислого газа».

Замечено, что судьбы людей чаще всего — в их характерах. Однако, признаться, в то время, когда я задавала последний вопрос, трудно было предугадать, что на него мог бы ответить через какие-нибудь две-три недели уже не только режиссер, но и первый секретарь правления Союза кинематографистов СССР Элем Климов.

Н. ХРАБОВА,
фото Л. ШЕРСТЕННИКОВА,
специальные корреспонденты «Огонька»

того часу победоносной армии. Письмо это висит на видном месте в историческом музее, где живет наследие, полученное Псковом от предков, где есть еще много такого, что должен знать и помнить каждый из нас.

...Пытаюсь представить себе современный Псков без его каменных древних строений. Нет, не надо. Судьба вечного города была уготована ему еще в XII веке: епископ новгородский и псковский Нифонт в 1154 году построил в Спасо-Мирожском монастыре соборный храм. С тех пор великие мастера — обычные псковские каменщики — украшали и украшали город, и обычный псковский известняк донес до нас необычную красоту давно минувших веков. Были тогда храмы, палаты, крепостные стены и башни не только на вид добродушные и самобытные, за что и получили впоследствии название «Псковская школа архитектуры», но и несокрушимы. Знали мастера: что ни год, то нашествие, пожар, война — и храмы да палаты так строили, что ни орудия, ни бомбы, ни пожары, ни века художественного равнодушия не смогли погубить их.

...Снова пытаюсь представить себе Псков, но уже XIV—XVII веков — и это, оказывается, легко: среди разлива по-северному осеребрившихся бревенчатых домов бесценными жемчужинами стоят его каменные здания. Юрий Павлович Спегальский — пскович, ученый и художник, человек, столь же своеобразный, как и сам город, пишет: «Псков... как комплекс сохранившихся памятников русской архитектуры — и церковной, и крепостной, и гражданской — не имеет себе равных». Спегальский понимал это с юности и юность посвятил исследованию древних памятников. Став дипломированным архитектором-реставратором, он начал первые попытки реставрации каменных древностей. Но грянула война, фашисты у стен Пскова. Юрий Павлович уезжает в Ленинград и в бригаде альпинистов и архитекторов-верхолазов укрывает специально сшитыми из мешковины чехлами шпили и купола этого города. Блокада уносит последние силы. Ходить он уже почти не может, но может рисовать. И гибельной блокадной зимой цветными карандашами — акварелью нельзя, вода замерзает — Юрий Павлович рисует веселый и светлый Псков XVII века.

Стою у Нижних решеток, у слияния Великой и Псковы. Отсюда в бесстрашии и силе предстают псковские укрепления. Такими нарисовал их Спегальский. Так восстанавливал московский архитектор-реставратор Алексей Иванович Храмцов: чудо возрождения Псковской крепости произошло под его руководством. Так работали в конце сороковых годов Ю. П. Спегальский, а потом, уже после войны, окончившие Академию художеств и строительный институт архитекторы В. П. Смирнов и Б. С. Скобельцын. Такими воспроизводила их сначала на кальках-обмерах, а потом и в камне тихая, худенькая девушка с копной льняных волос — Верочка Лебедева. Реставраторы 40—50-х годов просто полихали на этой прекрасной, мучительной, ни на минуту не отпускаявшей их работе. Спорили. Ссорились. Мирились и снова ссорились, борясь за историческую истину (а как во время строительства жилья в разрушенном дотла войной городе им удавалось добывать средства на реставрацию — это особая история). Пешком и на попутках они исходили и объездили область вдоль и поперек. Именно так они работали. С шести утра до двенадцати ночи. Ведь главные реставрационные работы ведутся летом, надо было успеть побольше... Так чего же я теперь прихожу в такое изумление от документа, лежащего на столе: семь архитекторов-реставраторов и двадцать плотников, каменщиков, плотников, столяров и кузнецов с 1944 по 1976 год воссоздали 90 памятников в Пскове и 35 — в области. Наверно, оттого, что жизнь изменяется, строим мы больше, и тем обиднее, что взаимопонимание между реставраторами и работниками областного управления культуры растет. Что теперь представляют ра-

бочие, ставшие на место каменщиков и плотников 50—70-х годов? По словам реставраторов разных поколений, это случайные люди, перебегающие с реставрации на стройки и обратно. Нет в них ни увлеченности, ни профессионализма, ни желания поучиться редкостному мастерству старинной кладки, резьбы по камню, лепки, а ведь эти профессии всегда будут нужны Пскову.

Стоят в городах, и в полях, и в лесах псковской земли белые здания с простым узором под куполами и карнизами: всего-навсего квадратные и треугольные впадины, по-старому поребрик да бегунец, то есть на ребро квадратом или треугольником уложенные кирпичи... Стоят, учат нас пониманию красоты, уважению к искусству — всему, что отличает культуру от бескультурия. Поистине героическим видится теперь, много лет спустя, труд реставраторов. В длинном списке авторов часто повторяются имена: Спегальский, Храмцов, Смирнов, Скобельцын, Сусленников, Лебедева... Наконец-то, думаю я, напишу очерк о Верочке Лебедевой! Но сидящая против меня милая женщина с проседью в светлых волосах говорит:

— Теперь уже не надо, я только что ушла на пенсию. А то слишком много в мастерской нас, Лебедевых, будет.

И тут я соображаю, что один из сотрудников разросшейся реставрационной мастерской, высокий, светлоглазый и светловолосый парень со свертками и фотографиями, как две капли воды похож на мою собеседницу: это Андрей Лебедев, сын Веры Алексеевны. Конечно, реставратор.

— Начинаящий. Вообще-то я еще студент, — уточняет Андрей. И, словно продолжая давно начатый разговор, говорит: — Есть еще люди, которые понимают историю города только как сбережение глубокой старины.

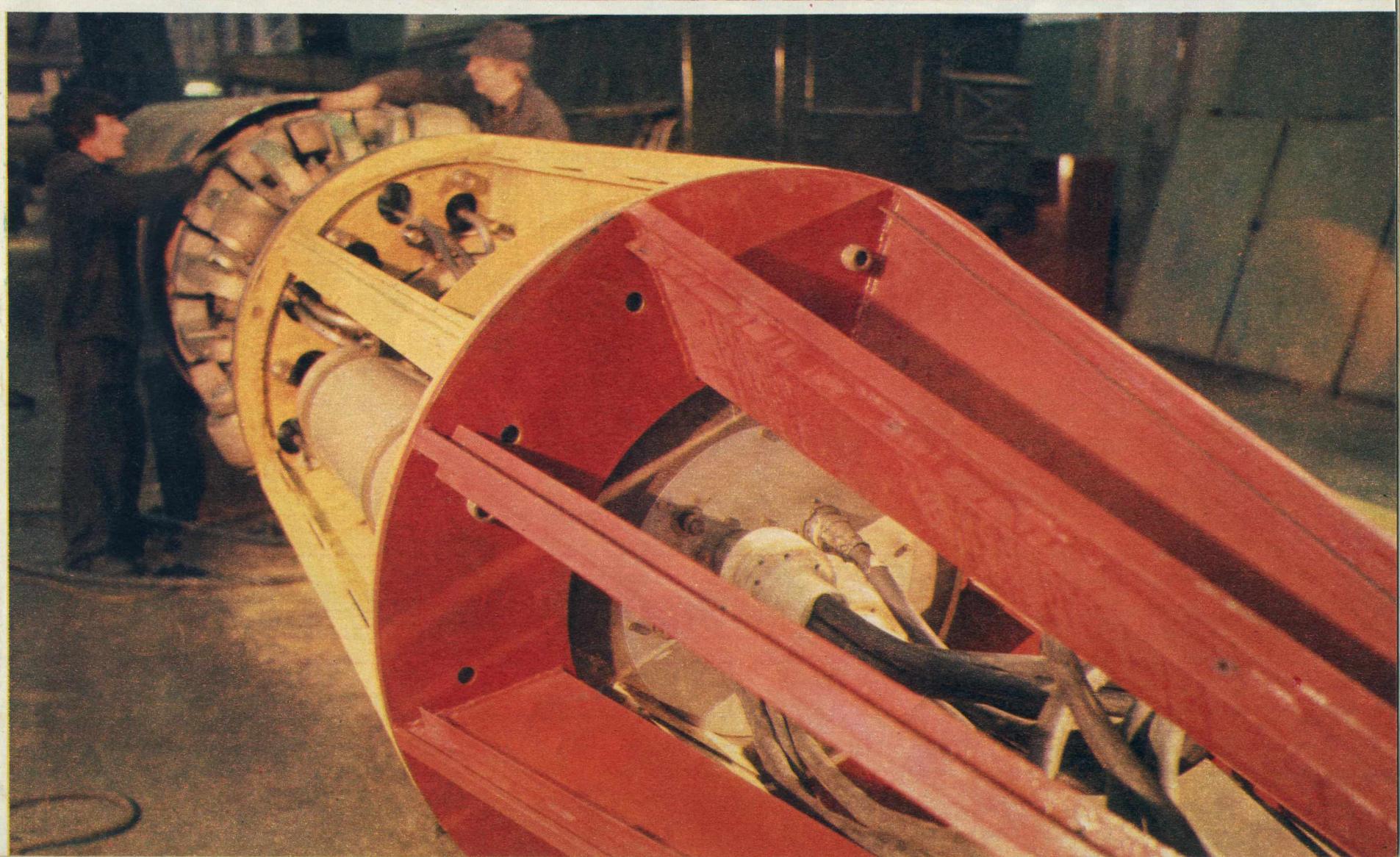
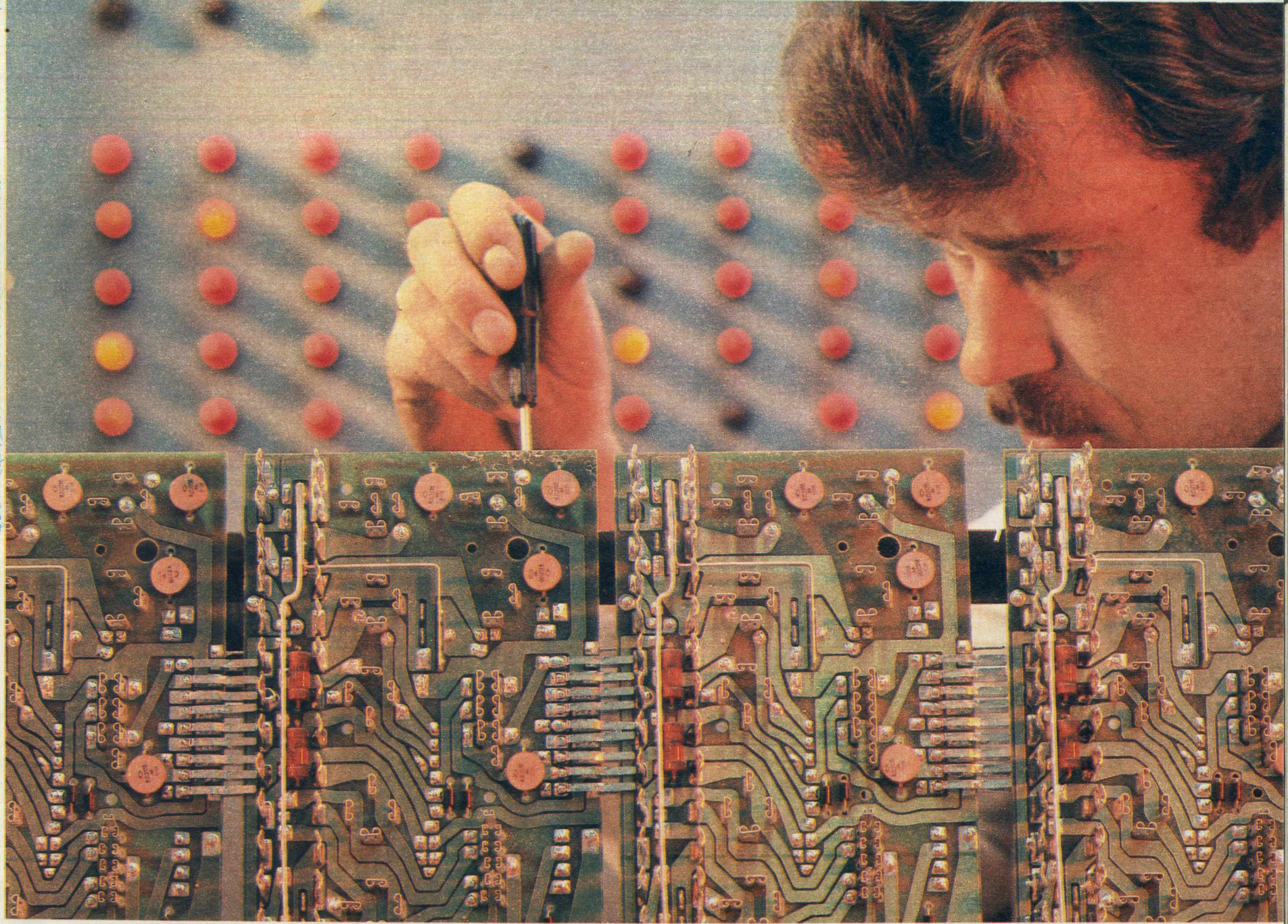
— Но ведь это неверно, — торопится вступить в разговор Владимир Никитин, руководитель группы реставраторов. — Представьте себе Псков, обрвавшийся на XVII веке: старинные памятники, ныне со всех сторон застроенные и закрытые современными высокими домами. К чему же тогда были старания наших предшественников? Теперь строительство идет так быстро, что мы можем в ближайшее время потерять чудом уцелевшие в войну дома XIX века. Мы фотографируем их, обмеряем, потом застраиваем каждого нового квартала будем согласовывать с главным архитектором.

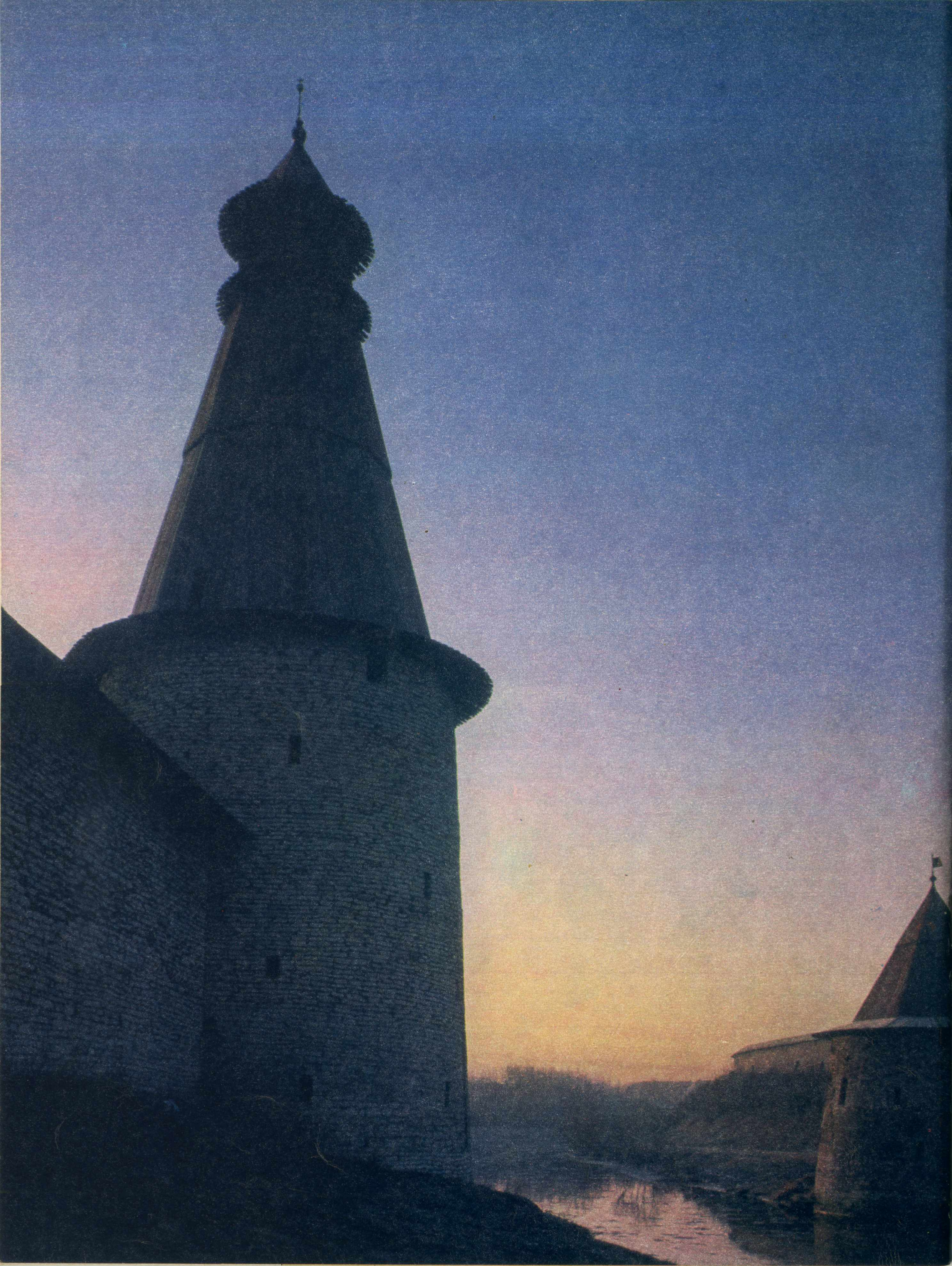
Дальше пошел сложный и трудный разговор о том, что возрожденные два-три десятка лет назад памятники древнего зодчества стоят и воспитывают в нас чувство прекрасного; но этого мало, считают молодые реставраторы, все древние храмы и палаты должны жить. Есть добрые начинания — в церкви Старого Вознесения теперь планетарий и университет культуры, в палатах Меншиковых — молодежный Театр слова; в Назимовской церкви — Дом музыки, в Алексеевской — творческие кружки Дома пионеров. Но разве Пскову не нужен зал для органных концертов? Для любителей хорового пения? Музей одной картины? Выставочные филиалы Поганкиных палат? Лектории? Клубы встреч с прозаиками и поэтами? Выставки фотографий, картин, книг? Наконец, залы для выставки известных только по искусствоведческой литературе икон псковской школы?

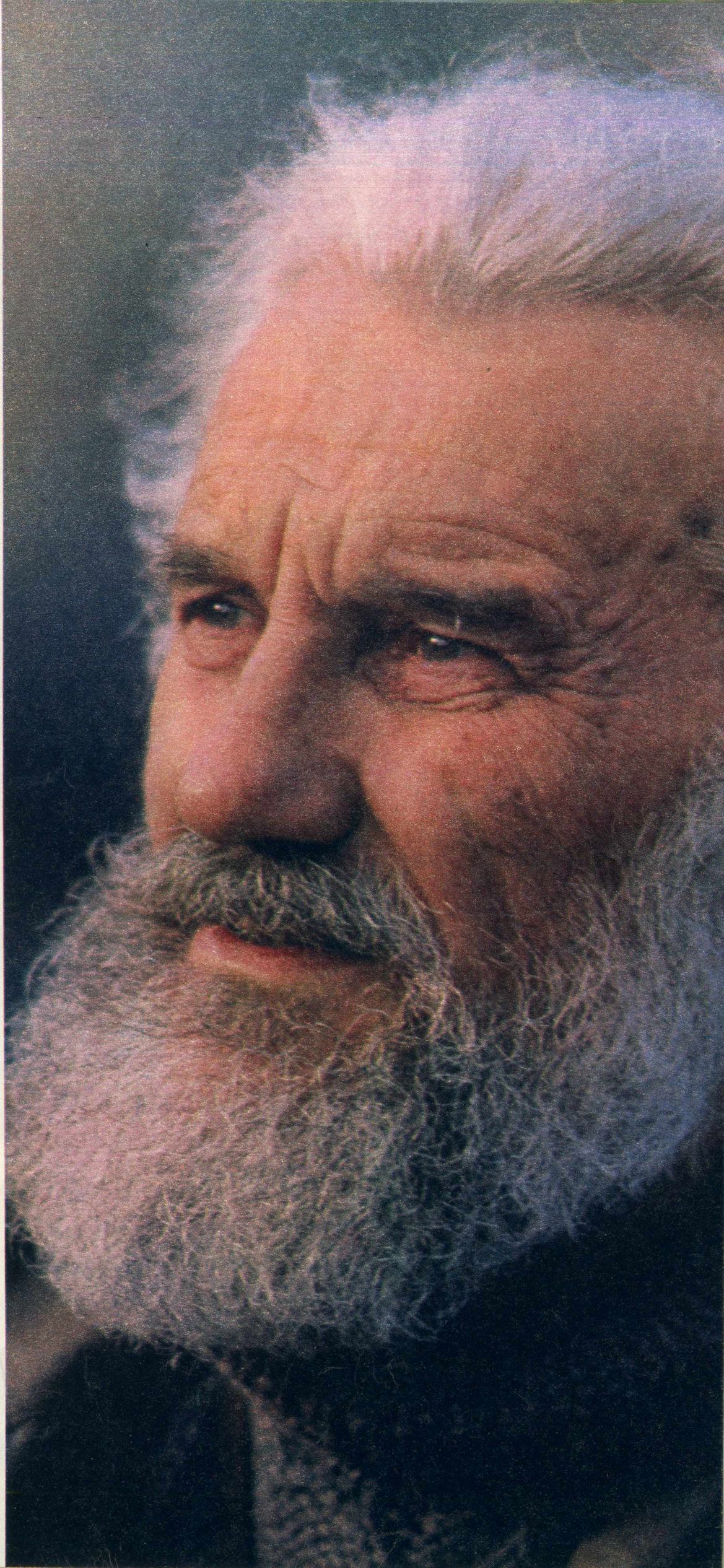
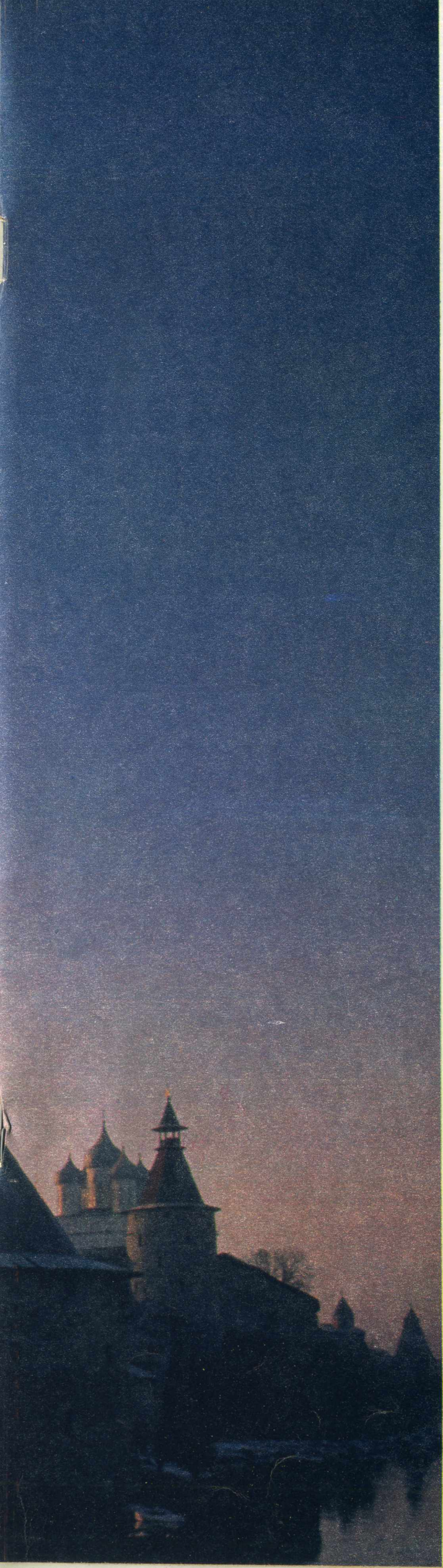
Но, может быть, слишком частые и многочисленные посещения этих мест повредят древним памятникам, как случалось не однажды?

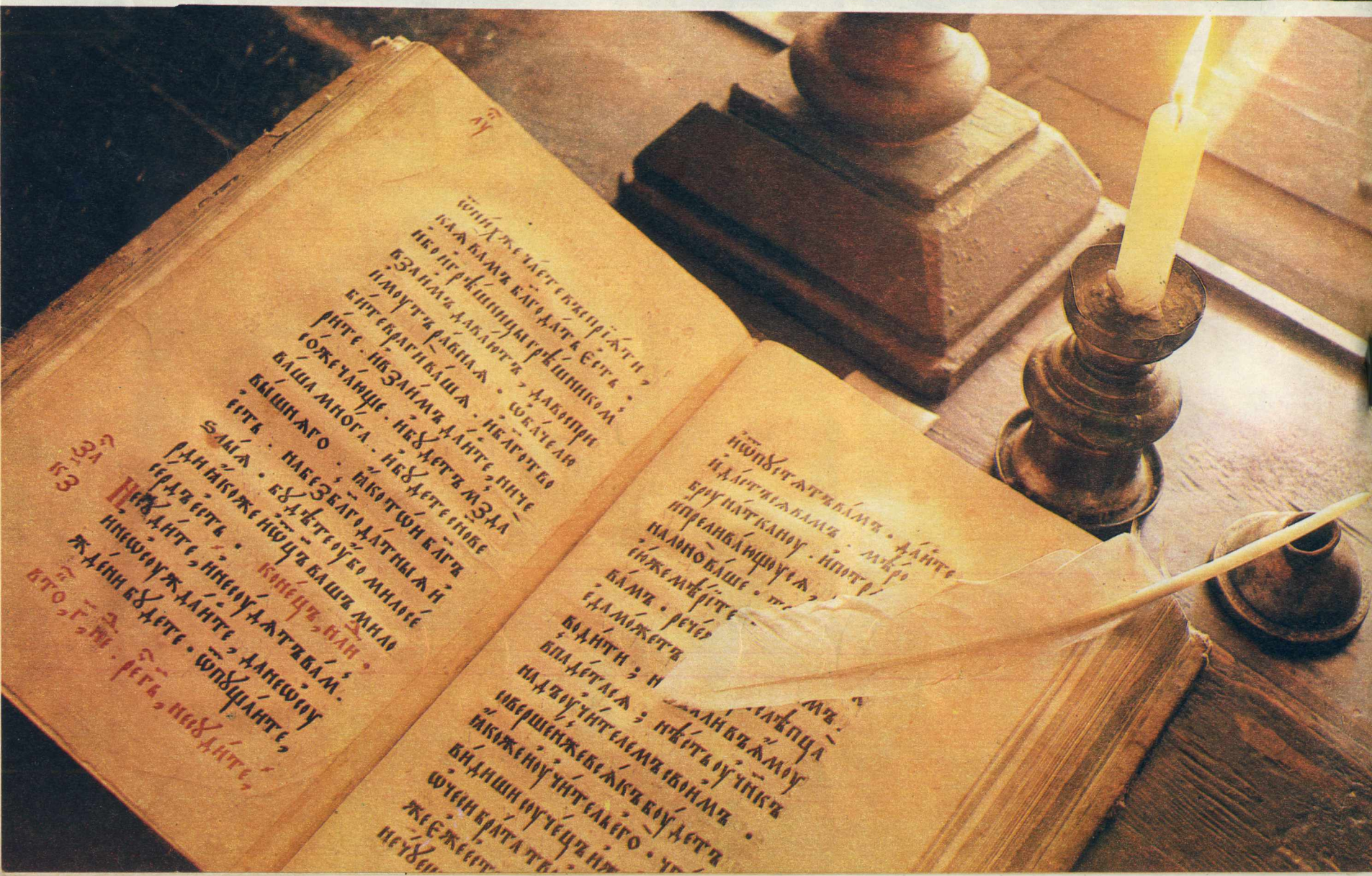
Печатные платы, без которых не обходится современный автомобиль, и могучие «сварщики» магистральных трубопроводов — комплекс «Север-1» — это лишь часть продукции современного индустриального Пскова.

НА РАЗВОРОТЕ ВКЛАДКИ:
Древние стены Псковского кремля * Архитектор-реставратор Борис Степанович Скобельцын.

Смею заверить по опыту людей знающих, заинтересованных в сохранности редких древних строений: не повредят! Куда страшнее равнодушие, недооценка памятников старины. К сожалению, об этом красноречиво говорит само за себя состояние домов и храмов, давно минувших веков.

И я пообещала — «Огонек» вернется к этой проблеме. Один из ее аспектов достаточно весом: почему считается более рациональным использовать храмы под склады металлолома и горючего, чем превращать их в храмы искусства?

...А Псков растет, строится. До войны здесь жило всего 59 тысяч человек, сейчас уже двести. Увы, один из самых своеобразных городов страны несколько десятилетий застраивался вполне стандартно. Однако Пскову с мастерами каменных дел всегда везло.

— Я сибиряк, — рассказывает главный архитектор города Борис Дмитриевич Пославский. — Но это ничего не значит: в этом городе все приехавшие серьезно работать становятся псковичами раз и навсегда. В Сибири города новые и подчас стандарт так, что глазу зацепиться не за что. Окончил я Новосибирский инженерно-строительный институт, участвовал в конкурсе «Типовые блок-секции для исторического центра». И стал его победителем.

А потом поехал поглядеть страну.

— Приехал во Псков — и обмер: какая сказанная старина! Она заворожала меня, «угорорила» остаться здесь, более того, стать главным архитектором. Сейчас пока по моему проекту построены два жилых комплекса.

Борис Дмитриевич показал мне их. В сочетании оранжевого и песочного цветов, некоторых деталях угадываются (правда, немногочисленные) элементы псковских сводов.

— Мне здесь очень интересно и очень трудно, — говорил Пославский, — с одной стороны, я все время помню, какой город «держу в руках»... С другой — понимаю: для реконструкции центра здесь должны быть созданы более благоприятные условия: и капиталовложения, и побольше зарплата для работающих в нем специалистов, и жилье для них. В проектах новых построек нужно учитывать ландшафт, климат, инсоляцию; использовать местные строительные материалы и, конечно, не забывать местный декор. Да, в том, что надо сберечь каждый уголок старины, я, безусловно, заодно с реставраторами, иначе какой же я главный архитектор Пскова? Обидно, что иногда приходится сносить старые дома, потому что они обветшали до того, что их уже нельзя ремонтировать. А те, что можно сохранить как памятники старины, стараемся превращать в культурные очаги. Сделать это непросто. Ведь прежде надо выселить склады и подвести инженерные сооружения, а для этого немалые деньги нужны, уйма рабочих. В Старом городе каждый квартал реконструируем по индивидуальным проектам. А Старый город — это 350 гектаров в границах крепостных стен Окольного города. Три института работают над проблемой его комплексной застройки. Будем надеяться, что от такой работы и польза будет тройная, ошибки же и просчеты никоим образом не увеличатся в... три раза...

— А на Бориса Дмитриевича Пославского надеются все, кто любит Псков, — старину и наступающий день, — сказал Борис Степанович Скобельцын, когда в главном корпусе завода тяжелого электросварочного оборудования погасла последняя искра сварки труб по методу Патона и наш старый знакомый закрыл крышку фотоаппарата.

Про ТЭСО хочется сказать — образцовый завод! 76 тысяч квадратных метров под крышей главного корпуса, полторы тысячи станков — уже это говорит о многом. И повезло нам тут редкостью: мы приехали на завод точнехонько к моменту испытаний «УСО-401», № 21. Проще говоря, испытывалась двадцать первая по счету машина «Север» для сварки труб на БАМе.

Семь человек бригады Барановского собирали ее в течение месяца. И надо же — испытание началось не «вчера» и не «через неделю», как это обычно бывает с корреспондентами, а именно в день и час нашего приезда. Обошлось все как нельзя лучше. Довольны все: и заводское начальство, и заказчики — они-то вскоре доставят новую машину далеко-далеко: в Надым!

— Техника у нас на самом высоком уровне, — рассказывает начальник бюро стыковых машин Владимир Анатольевич Калуженков. — Мы поставляем оборудование для Уралвагонзавода, КамАЗа, на «Ростсельмаш», в Ставрополь, Минск, Каунас, Новочеркасск, Тбилиси... Словом, ТЭСО очень нужен стране.

Значит, и в нынешней своей истории страна не обходится без Пскова! Захотелось поближе и поподробнее узнать и увидеть, чем знаменит сегодняшний город. У псковского завода «Автоэлектроарматура» тоже не счесть маститых заказчиков, главные из которых — КамАЗ, ВАЗ, ЗИЛ. На троллейбусные заводы страны и за ее пределы отправляются реле, предохранители, включатели-выключатели и разные иные электронные изделия.

Но это все чудеса двадцатого века. А из древности взял ли что-нибудь в наше время Псков? Но разве вы не видели самые лучшие в стране керамические тонкостенные кувшины, клетчатые, тонкостенные банки для муки, сахара, крупы и прочих сыпучих продуктов? Вазы, прекрасные со свежими цветами и просто сами по себе? Чайные и кофейные наборы? Декоративные тарелки? Если увидите и захотите немедленно купить, то так и знайте — сделано в Пскове. Почему же они лучшие, не из псковского ли патриотизма? Без этого, конечно, тоже нельзя, но и глина здесь особая, и художники, как на подбор, старину чутко понимают. Валентина Деметьева, главный художник, талантливая молодая женщина, пристрасно занимается изучением древнепсковского гончарного дела — и у себя во Пскове, в Поганкиных палатах, и в Ленинграде — в Русском музее и Музее этнографии... Отношение к керамике, как к любому виду искусства, конечно, субъективно, тем более у нас в стране есть, как говорится, где разбежаться: тут и классическая Гжель, и нарочито топорная, под первобытную, эстонская керамика, элегантная латышская, ищущая новые формы литовская. Но по мне лучше всего псковская, всегда готовая и к черной кухонной работе, и к украшению стола...

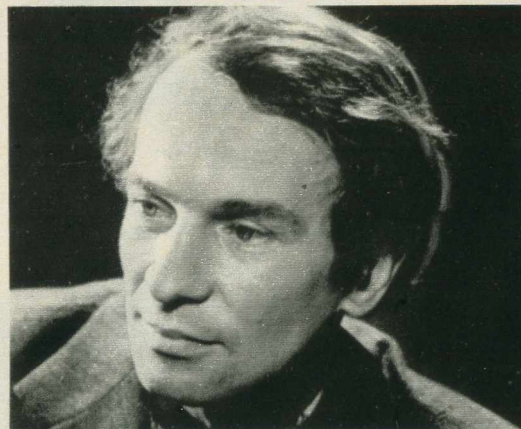
Славились в давности псковские изделия из металла. Неповторимы древние оклады, чаши-братины, золотые и серебряные запястья, прошло их время. Но стоит на берегу Великой звонница Успенья Паромского, а из дверей ее по-старинному пахнет дымом и кованым железом: это художник и архитектор Всеволод Петрович Смирнов с сыном Дмитрием стали кузнецами. Паникадила и старинные люстры, украшенные розами с нежно звенящими почти прозрачными лепестками, умеют делать Смирновы из железа, и все это — искусство высочайшей пробы...

Когда-то и ткали, и вышивали красными узорами беленое полотно из тончайшего псковского льна... Теперь и полотно льняное не так чтоб уж привлекательно, да и ткать, вышивать по-старинному разучились... Впрочем, подождем кручиниться. Лучше поедем в Завеличье, район Пскова, найдем там в одном из новых домов нового микрорайона две квартиры, звенящие детскими голосами (голоса слышны уже в просторном дворе). Здесь работает клуб «Мастерица», а хозяйка клуба, из мастериц мастерица, Надежда Павловна Кононова учит девочек возрождать традиционные псковские ремесла. Здесь и вышивка, и вязание, и шитье лоскутных одеял. Стены клуба увешаны старинными и повторяющимися узорами новыми полотнами и скатерками, вязаными покрывалами, а уж лоскутные одеяла так хороши, что хочется самой засесть за машинку и собрать одеяло из лоскутков «квадратами» или «меленками»...

* * *

Струятся, наполненные тальми водами, играют вокруг Пскова реки Великая, Псковъ, Череха, древние и юные, как сама наша земля. И текут из века в век в знатном городе Пскове вечно живые человеческие радости — искусства, ремесла, песни. Сколько стоят Пскову, столько и жить в нем Искусству.

ТЕМА РОЖДАЕТСЯ НЕОЖИДАННО

Наш корреспондент попросил известного советского писателя Виктора Ивановича ЛИХОНОВА, которому исполнилось пятьдесят лет, ответить на несколько вопросов.

— Виктор Иванович, ваш первый рассказ, «Брянские», был опубликован в журнале «Новый мир» в 1963 году. Первый рассказ — и сразу в солидном столичном журнале. Как это произошло, как вы написали рассказ?

— Родился я в Сибири, а мать, отец, бабушка у меня воронежские, и я чувствую себя частью (по складу души) человеком средней полосы России. А поскольку бабушка моя балакала на малороссийской мове, то во мне есть близость ко всему южному. Благоговевший перед великой русской культурой, я всегда тосковал по средней России. Поэтому, когда я встретил брянских стариков, они мне показались самыми родными. Во-первых, старинная русская речь, потом их лица, простота, кротость. И я с ними тотчас сроднился. А потом уехал от них и очень тосковал. Не могу сказать, что это была за тоска! Может быть, слова бабушки мне не хватало. И в этой тоске я пропел свой первый рассказ, «Брянские». Я все вещи пишу, идя от людей, от судьбы, не от заданной идеи, от того, что мне подвернулся счастливый сюжет. Я много потом ездил, встречал очень хороших людей, сам переехал в Краснодар, где теперь и живу... Но эти брянские были самые родные.

— А как родился ваш роман «Наш маленький Париж (Ненаписанные воспоминания)»? Критика вас считает писателем «элегическим» — и вдруг роман, да еще исторический.

Было у меня одно время такое настроение, что литература, дескать, не мое дело. Так и говорил некоторым. А сам запирался в архиве, искал материалы к задуманному тогда историческому роману. А из архива уходил «в люди». Я объездил кубанские станицы и скажу вам: нет большей радости, нежели общение с народом, с простыми людьми, которые все родное помнят и свято хранят. Здесь, например, до сих пор рассказывают о Репине, который рисовал казаков для картины о запорожцах. И песни здесь поют, и «побренхеньки» всякие знают... В работе над этим романом мне многое дали архивы, но люди дали больше. Роман мой не вполне исторический. Меня интересовали не события, а судьбы людей, «протекание века человеческого»...

— Скажите, у вас есть пристрастие к какой-либо теме в литературе или вас волнует вся жизнь: прошлое, настоящее, будущее?

— Своей темой я не искал. Писатели и критики без конца повторяют слова: «поиск», «стремление найти»... Я этого не понимаю. Свою тему, по-моему, искать нельзя, в этом было бы что-то натужное, искусственное. Тема рождается неожиданно и органически, настаивает тебя и ослепляет. Ты чувствуешь: это твое. И пишешь... Моя тема — жизнь, просвеченная моими переживаниями.

В клубе старинной вышивки «Мастерица» любят и давние песни. * «Еще одно сказанье...» Не эту ли рукописную книгу из Святогорского монастыря держал в своих руках в былые годы поэт!..

Наставник.

Фото С. КАЛИНИНА

В группе электриков свердловского СПТУ-59 семнадцать подростков. Из них тринадцать пришли из школ с неудовлетворительной оценкой за поведение. Семеро — на учете в инспекции по делам несовершеннолетних. Такие вот факты.

Однако в группе пять членов ВЛКСМ и есть комсорг, Володя Боярских. Парень тоже не сахар: с ленцой, характером не лидер. Но хоть несудим, и то... Словом, лучший среди неважнецких.

Группа электриков (пока будущих) с неба звезд не хватала, порохов изобрести не пыталась, но все ж 16—17-летние парни — а умишком просто мальчишки — каждый учебный день делали для себя маленькие научные открытия вроде законов Ома или Ленца, перемежая полезные знания приятными прогулками, сбеганием с уроков, невнимательным отношением к делу: юность беспечна, а в наши благополучные дни тем более. Педагоги, воспитатели, ма-

ставников, и будет молодцам наука и воспитание.

Пришло время первой практики. Вручили парням настоящие, хоть и временные, пропуска на механический завод. Впервые миновали проходную («ту заводскую проходную, что в люди вывела меня», как поется в песне). Разошлись по цехам.

Володя Боярских и его напарник Дима Федорин попали в десятый. Цех как цех, продукцию выдает немножко трогательную: детские коляски. Чтобы мамы в них возили самое юное пополнение — здоровеньких, веселых, круглощеких младенцев. И сами коляски выглядели нарядно, привлекательно — легкие, обтянутые ярким дерматином. Продукция, как говорится, пользующаяся спросом.

Наставником ребят стал молодой электрик Анатолий Малыгин. Невысок, худощав. Рядом с крупным, крепким Володей Боярских выглядит подростком. Ребята сразу стали его величать Толиком. Мастер Леонид Александрович предпочел бы в наставники этим двум кого-нибудь посolidнее, видимо повзнушительнее и опытом побогаче. Особенно тревожился за Диму: парень любой работы сторонится. До ПТУ учился в строительном техникуме. Когда выгнали за неупеваемость, прибил к училище. Но то, что раньше он был студентом техникума, возве-

сына ни открытости сердечной, ни сдвигов в учебе.

Летние каникулы коротки... И вот уж снова слышны ребячьи голоса по цехам: осенняя практика.

И — ЧП в десятом цехе. Пятнадцатого октября начальник Сергей Николаевич Янчук в середине дня проходил по цеху. Увидел, что два парня тащат большую картонную коробку. Ну, несут и ладно, так видно, должно быть. Но, заведя начальника, парни вдруг растерялись, повело их в сторону, и... юрк за корпус цеха. Сергей Николаевич пошел следом. Тогда парни оставили коробку и рванули прочь. Янчук позвонил на вахту, начальник караула задержал подозрительных хлопцев. Оказалось, практиканты из десятого цеха: Боярских и Федорин. А в коробке, которую они несли, лежало семь ламп дневного освещения и 26 метров желтого дерматина — добра на сумму в семьдесят с чем-то рублей. И, стало быть, придется сообщать о ЧП в соответствующие органы.

В милиции парни принялись оживленно все отрицать. Но следователь попался опытный, и юнцы быстро заврались и стали рассказывать уже толком, как сложилась их первая в жизни производственная практика.

Их «прикрепили» к Малыгину Толику. Толик что-то делал, и они глядели, как он делает. Или си-

Поднимать рулон аж к потолку — это уж труд. А труд, даже в малых дозах, претил Диме. Поэтому второй рулон выбрал начатый, полегче. Кража состоялась. Диме становилось скучно. Малыгин же вошел во вкус.

— Чего там еще есть?
— Тележка вот.
— В дыру пролезет?
— Не.
— Тогда колесо отвинти. Мне колесо надо.

Но трудолюбие Димы уже иссякло, он полез обратно. Малыгин остался недоволен такой халтурной, малоэффективной кражей.

— Лезь теперь в другой отсек. там краска, мне краску надо.

— Не полезу... — возразил Дима наставнику. — Я и так живот себе ободрал. Надо, так лезь сам.

Малыгин критически оглядел Володю Боярских. Нет, этот в дыру не пролезет.

— А ну, подсади.

Недаром Володя посещал секцию вольной борьбы: легко подхватил малорослого наставника. И тот личным примером показал юнцам, как следует использовать счастливый случай на производстве: украл две банки краски. Перевалившись обратно в свой отсек, дал дальнейшие указания: дерматин разрезать, под тюками и ящиками укрыть, после чего навести все-таки порядок на складе. Чтобы никто не мешал прятать краденое, Толик закрыл практикантов на ключ и ушел в цех. Через час вернулся, выпустил сообщников на свободу. Те доложили: все о'кей.

Похищенные «сокровища» парням были совершенно ни к чему. В ту первую практику они даже и не пытались как-то вынести их из завода. Федорин лез в щель, обдирая живот, не корысти ради, а лишь по склонности к дешевым

ЧТО ПОСЕЕШЬ...

стера вкладывали все свое умение, чтобы нейтрализовать в юных характерах более или менее вевшееся влияние улицы, сомнительной компании или семьи (на учет в инспекцию детского надзора отроки попали еще в школьные годы) и приохотить парней к труду.

Группу «вел» — то за ручку, а то и за шиворот — мастер Леонид Александрович Горбунов. Он сам окончил это ПТУ да тут и работает четырнадцать лет. Опыт есть, к делу неравнодушен, времени на «своих» парней не жалеет, хотя дома собственные дети ждут ежевечерне внимания отца. У ребят Леонид Александрович пользовался авторитетом. И к концу первого года обучения склонен был каждому из питомцев школьную двойку за поведение исправить на твердую тройку, а иные и четверки достойны. Если бы мастеру помогали родители! Особенно отцы. Но как раз отцы-то и встречали мастера неприветливо. Сыновнее разгильдяйство папаши никак не брали на свою совесть, все кивали на уличную порчу прекрасного воспитанного дитяти. А с улицы какой спрос?

Леонид Александрович надеялся на взрослых: пойдут ребята на практику в цеха базового предприятия, вольются в рабочую среду, закрепят за ними толковых на-

личивало Диму в собственных глазах. А высокомерие в сочетании с ленью — горячая смесь.

Леонид Александрович все же о сомнениях умолчал: нечего лезть в чужой монастырь со своим уставом, руководству цеха виднее, кто практикантам лучший шеф. И Володя Боярских рядом, комсорг все-таки, спортсмен, человек в целом положительный.

Промелькнули недели практики. Воротились пенцы под кров альма матер — СПТУ-59. Прикоснулись ребята к своему будущему, приобщились к большому государственному делу — заводскому труду, чуточку повзрослели. Только вот Дима Федорин не оправдал надежд мастера Горбунова. Да и Володя Боярских после практики стал куда меньше походить на комсомольского вожака, перестал заниматься вольной борьбой, потерял и без того жиденький интерес к учебе. Раньше эти двое хлопцев не дружили, теперь их объединяли грубость и развязность. Леонид Александрович старался вызвать комсорга на открытость, но тот, глядя в пол, нехотя повторял, что «все нормально». Попробовал снова окунуться в семью, привлечь в союзники отцов. Но Дима Федорин папаше грубил еще развязнее, чем мастеру. Володин отец тоже не добился от

дела где-нибудь в уголке и толковали о своих мальчишеских делах, которые важнее всей этой теории и практики. Или скучали молча. Время отбывали. Никто их не беспокоил, работой не досаждал. Ну там изредка: «сходите», «подержите», «принесите». Когда прибежал попроведать их Леонид Александрович, парни «делали вид...» — тогда еще укоризненный взгляд мастера имел для них значение. Так прокантовались недели две.

Однажды их троица, практикантов и наставника, послали убрать склад электриков. Ключ от него всегда висит в дежурке, доступен любому, поскольку у электриков ценностей особых нет. Какие-то тюки, ящики. Что в них — парням «до лампочки».

Но у них был наставник Толик, человек взрослый, семейный, хозяйственный. Прежде чем наводить в помещении порядок, он указал подопечным на дыру под потолком, оставленную разгильдяями-сварщиками. Толик доходчиво объяснил, что ежели через нее проникнуть в соседний отсек, то можно украсть что бог пошлет. Например, дерматин. На что бы он сдался, тот дерматин, такого вопроса ни у кого не возникло. Главное — упереть, а там поглядим. Любитель острых ощущений Дима Федорин тотчас начал карабкаться к дыре, комсорг Боярских подсажив товарища, наставник Малыгин давал снизу руководящие указания. Дыра оказалась меньше, чем казалось с полу, но великое дело — прилежание и упорство: Дима подобрал живот, протиснулся. Ага, вот он, дерматин. Дима, трудолюбиво сопя, поднял рулон, просунул в дыру. Наставник одобрил его деятельность. Но крикнул через переборку, что надо бы еще.

приключениям. Боярских стал пособником преступления исключительно «за компанию». Малыгин тоже не разбогател. Он-то перебрал часть добычи через забор, утащил домой, а что с ней делать, так и не придумал. Кусками дерматина застелили стол да бочку в сенях, вот и весь прок. Однако «бескорыстная» кража не прошла бесследно.

Преступление — человек преступил, перешагнув невидимую черту, рубеж в собственной совести. И осталась на совести ссадина, ранка, болячка. Ссадина может со временем и зарости, рана оставит шрам.

Двадцатичетырехлетний Малыгин клялся на суде, что никогда крохи чужой не брал, преступной наживы отродясь не искал. Оттого и в цех-то подался из столовой, что зарплата повара мала для семейного мужика, а крохоборничать за счет клиентов душа не позволяла. Характеристика из столовой подтверждает: ни в чем худом не замечен. Но вот «навел» мальчишек украсть дерматин, лично стащил две банки краски — преступил черту между правдой и кривдой. Пошатнулись моральные устои. И вот уж опять взял, перебрал через забор, уволок домой — на сей раз электродрель. Какой была бы следующая кража, неизвестно. Но, вероятно, что-то да было бы: лиха беда — начало.

Счастливы борозды!

Фото В. КОРЕШКОВА

Дмитрий Федорин перешагнул черту раньше соучастников. Рос нормальным мальчишкой, как многие. Только вот родители все выясняли отношения. Но Диме их распри пока не мешали. Учился в школе на четверки-пятерки, «трудным» не считался. В тринадцать лет страдальца беда: убил человека. Сверстника, товарища. Из «поджига». Признали: непредумышленно, нечаянно. И все-таки на совести трещина — иллюзия приобщенности к злодейству, своей исключительности: «А я вот что могу...» И еще безнаказанности: «...и ничего мне не будет». По сравнению с тем выстрелом из «поджига» что значит двойка по математике, за поведение? Что значит циничное поведение на улице, драки, кражи? Нечаянное убийство, давнее преступление, принесло гибель потерпевшему и многолетнюю душевную травму Диме.

А родители были заняты междоусобицами.

Володя Боярских — хлопец, со-гласливый. В школе он не числился среди отрицательных. А положительных надо привлекать в ряды ВЛКСМ. Сказали: «Пиши, Володя, заявление». Он и написал. Что ему стоит бумажку написать. Сказали: «Запишишь теперь в секцию вольной борьбы, чтоб росли у нас ряды спортсменов». Записался, что ему... На первой в жизни рабочей практике сказал наставник: «Надо украсть», — и он, комсорг группы электриков, с тем же равнодушием, с каким вступал в комсомол, в спортсекцию, подставил вору крепкое плечо. Он, борец — если бы был действительно борцом за комсомольские, за чистые идеалы, — мог взять за шиворот обоих тощеньких напарников да и вынести из склада: «Не смейте позорить себя, училище и цех!» Но он согласливый. Сколько мерзости у нас именно из-за таких согласливых, кисельных, «положительных» вроде бы, которых деятели различных организаций то-

ропятся заприходовать в ряды под чистым, честным флагом, не желая обращать внимания, как от такой поспешности грязнится, никнет флаг. Дыра под потолком склада оказалась и дырой в совести комсорга. Причастность к краже сбילה с толку, сблизилась с «подельником» Димой. Пунктирная пока еще черта между честностью и грязью померещилась глубоким ровом. И в недоумении мастер Леонид Александрович: почему после практики грубее стал и развязнее Володя Боярских? Хорошо еще, что спохватились вовремя, и спасибо начальнику цеха за проявленную бдительность.

Только пораньше бы, а? Бдительность-то...

Федорин и Боярских уверенно заявляют: их «прикрепили» к Малыгину. «Ко мне?! — удивляется Малыгин. — В первый раз слышу!» Есть чему удивляться: Малыгин сам-то всего месяц или два как стал электриком, он повар вообще-то. Если бы начальник цеха Янчук внимательнее отнесся к будущим кадрам...

— При чем тут я? — недоволен Янчук. — У начальника дела поважнее есть. Наставничеством пускай занимаются профсоюз, парторганизация.

На суде его спросили:

— Начальник цеха разве не в ответе за все, что происходит в коллективе? Тем более если это преступления.

— Здесь я не как начальник цеха, а как свидетель, — строго замечает Янчук. Видимо, ухитряется он существовать в разных ипостасях: в кабинете он начальник, в суде свидетель, на профсоюзном собрании член профсоюза, на партсобрании соответственно член партии. Все-таки спасибо Янчуку: мог бы пройти мимо краденного как прохожий, а он проявил активность, позвонил на вахту как нормальный трудящийся.

Профсоюзная организация цеха тоже наверняка заслуживает похвалы: отреагировали на вскрытое

ЧП. Собрали группу энергетика, тринадцать человек, обсудили поступок Малыгина. Постановили: первое — «выдвинуть общественное обвинение тов. Петухова Александра Борисовича»; второе — «учитывая молодость, неопытность, чистосердечное признание Малыгина, коллектив ходатайствует перед следственными органами о смягчении приговора». Неопытность Малыгина здесь отмечена верно: крадет ненужные предметы и скоро попадает. Неопытность профсоюзных деятелей тоже явствует из сего постановления: приговор-то выносят не следственные органы, а народный суд.

Впрочем, постановление собрания — фиговый лист для прикрытия равнодушия: общественный обвинитель Петухов Александр Борисович, единодушно выдвинутый коллективом, явиться на суд не счел нужным. А зачем? Бумага есть, отреагировали и ладно.

Да что там какой-то общественный обвинитель — отцы Федорина и Боярских не посчитали нужным прийти на суд сыновей, предоставив матерям держать ответ за семейный брак воспитания.

Все взрослые, кого так или иначе коснулось это ЧП, вздыхают, качают головами:

— Каждый год ребята из ПТУ проходят практику в цехах, и ничего. А в этом поистине несчастном случае все сложилось одно к одному... Где ведь тонко, там и рвется.

Что верно, то верно. Одно к одному. Родители привели в школу не приученных к полезному труду деток. Школа при всем положительном влила и свою ложку дегтя: ведь, несмотря на разговоры о реформе обучения, крепка традиция незаслуженной тройки в дневнике лодыря, и не видать пока против нее сопротивления. Руководство СПТУ излишне бесконтрольно доверило нравственно нестойких юнцов цеховому коллективу. Коллектив цеха увенчал вос-

питательный процесс — сунул завтрашних электриков учиться у вчерашнего повара искусству подметания склада.

Роковая цепь совпадений! Как в сердцешепательном романе. Только все ли звенья этой цепи действительно роковые? Не из привычных ли огрехов цепь-то?

Самоустранимость отцов от сыновних проблем — разве редкость? И в чем причина падения отцовского авторитета? Хоккей по телевизору? Пресловутая бутылка? Просто лень?

«Наставник — руководитель, учитель». Старшеклассники, пэтэушники — люди переимчивого возраста, подражательного, им каждый встречный немножко наставник, и чем ярче впечатление, тем охотнее подражание. Работяга молча трудится у станка, и хоть он три нормы выдавай, подросток мимо пройдет, не заметит. Пьяный дебошир у магазина грязен всячески — тем и заметен! От него для начала кабацкий лексикон, развязность, трусливая храбрость во хмелю. Так вот, мы, трезвые и нормальные прохожие, пытаемся ли объяснить юнцам убогое «геройство» подонка? Скажем ли дружное протестующее слово, когда спившийся наш ровесник за глоток из горлышка покупает бутылку акселературы? Потрудимся ли пресечь нудную нецензурщину, повторяемую ломким молодым голосом? Изволим ли заметить у себя в цехе бездельную кучку неумело курящих пацанов из ПТУ? Или убавляем совесть: у практикантов свои воспитатели, пускай они глядят, не наше это дело?

А наше такое дело: чужих подростков нет. Все наши. И позвольте прописать истину: от того, какими мы их воспитаем, зависит, посидим ли мы в старости сытыми и ухоженными перед телевизором или... Что ведь посеешь.

Нижний Тагил.

Новелла ИВАНОВА

МАРЫЛЯ НА СЦЕНЕ И ДОМА

В

Советском Союзе была на гастролях Марыля Родович. Дома, в Польше, ее называют одной из самых оригинальных исполнительниц эстрадных песен. У нас в стране певицу хорошо знают и любят. Об этом написали в «Огонек» читатели, принявшие участие в фотовикторине «Мои встречи с мастерами культуры», объявленной в первом номере журнала этого года. В следующем номере мы назовем победителей викторины, а пока, воспользовавшись приездом Марыли Родович, мы выбрали из почты вопросы, адресованные польской певице, и, встретившись с ней, попросили на них ответить.

— С удовольствием! — охотно согласилась певица. — Ведь это будет интервью сразу со многими советскими любителями эстрады. Я от души приветствую тех, кто принял участие в фотовикторине «Огонька» и сделал еще один шаг к тому, чтобы лучше и глубже узнать искусство, культуру другой страны. Итак, с чего начнется это необычное интервью?

— С письма из Таганрога. «Марыля — одна из самых наших любимых певиц зарубежной эстрады. Каждая ее песня — это мини-спектакль. Особенно нам нравятся ее «Разноцветные ярмарки», «Сядь в

любой поезд», «Ни о чем не жалею», которые есть в нашей домашней коллекции. Интересно, как Марыля находит свои песни?» Письмо подписали «В. А. Данилова с семьей: служащие, школьница. Всем вместе нам 135 лет!»

— Ох, как непросто найти свою песню — именно СВОЮ! И тут случается разное. Бывает, что песни сочиняются специально для телепрограмм, в которых я выступаю. А бывает, что мне присылает ее никому не известный молодой автор. Если песня чем-то меня «зацепит», я начинаю с ней работать. Но все-таки чаще я ищу и нахожу новую песню у своих давних авторов, таких, например, как Агнешка Осецка, с которой я давно работаю и которая хорошо знает, что мне может понравиться в тексте и в музыке. Обычно так бывает: я слушаю мелодию, и уже она сама подсказывает, кто именно может написать к ней текст и о чем будет песня. Одни песни рождаются сразу, другие мучительно долго. А с одной из моих любимых песен произошло невероятное. Я потеряла ее... у себя дома! И знаете, когда она отыскалась? Спустя год, во время генеральной уборки в квартире. Это была «Малгоська», за которую я получила Гран-при в Сопоте на Международном фестивале песни 1973 года.

— Скажите, Марыля, а что же для вас все-таки главное в песне — мелодия или слова?

— В песне, по-моему, обязательно должен быть сюжет, какой-то кусочек жизни, близкий и понятный каждому. Обычно я не сразу нахожу подсказку, как мне сыграть ту или иную песню. Бывает, что песня уже записана на радио, она начала свою жизнь, но... Вот это «но» меня вечно терзает. Снова и снова возвращаюсь я к песне, прежде чем наконец понимаю, что могу появиться с ней на сцене. Ведь песня, записанная для радио, и та, что будет спета на сцене, — не одно и то же, потому что без зрителей, которых

я вижу в зале, просто невозможно сыграть песню!

— Как раз об этом написал 19-летний Саша Рябицкий. Он живет в городе Чимкенте, учится на киномеханика. «Когда я впервые услышал и увидел, как исполняет «Разноцветные ярмарки» Марыля Родович, я был поражен, как удается ей сделать всех нас, кто ее слушает, как бы соучастниками рождения песни. Приезжая на гастроли в нашу страну, она включает в концерты песни советских авторов, и они звучат совсем по-иному, как, например, драматическая песня Владимира Высоцкого «Я коней напую...»

— Да, это прекрасная песня! Я пою некоторые вещи Высоцкого, который близок мне своим эмоциональным восприятием жизни, своей иронией. Я работаю теперь над его песнями и в следующий приезд постараюсь включить в свою программу еще несколько его лучших песен! А в «Разноцветных ярмарках», кстати говоря, я почти ничего не меняла и пою ее так, как пела вначале. Единственное, что изменилось, — я не вожу теперь с собой голубей. Уж очень это оказалось хлопотливым делом!

— А что нового в репертуаре гастролью этого лета, — ведь это уже не первая ваша поездка в нашу страну?

— Первый мой сольный концерт в СССР был в 1982 году, и с той поры я с удовольствием приезжаю к вам на гастроли каждую весну. На этот раз я буду выступать в Москве, Новосибирске, Кемерове. Теперь я привезла несколько совсем новых песен, их даже еще в Польше не знают, потому что я записала их на радио перед самым отъездом. Но эти песни — дополнение к моей старой программе, которую я никогда целиком не меняю. Я просто добавляю новые песни к тем, старым, которые уже знают, любят и ждут от меня слушатели.

— Вот еще письмо с вопросом к вам, Марыля. 20-летняя машинистка из Курска Татьяна Сукова-тых утверждает: «Родович принад-

лежит к тем, кому польская эстрада обязана своим взлетом в конце 60-х и в начале 70-х годов. А что нового, интересного появилось в этой области в Польше сегодня?»

— В начале восьмидесятых годов у нас появилось множество рок-групп. Причем среди них были неплохие группы. Но теперь их осталось четыре или пять, не больше. И надо признать, что эти группы обогатили нашу эстраду новой, современной звуковой формой. Среди них я бы выделила две — «Под будой» из Кракова и «Маанам», с которой выступает молодая, талантливая певица Кора, она сама пишет тексты к песням.

— 12-летняя Светлана Югай из Ташкента написала, что мечтает стать в будущем эстрадной певицей, но не знает пока, как этого добиться. Что бы вы могли ей посоветовать?

— Если и в самом деле чего-то очень хочешь — добивайся исполнения своей мечты! Я, например, «заболела» песней еще в детстве. Правда, задачу стать «звездой» эстрады, как помнится, не ставила. Просто мне очень нравилось петь и танцевать.

— В шесть лет я уже ходила в балетную школу. В эти же годы участвовала в постановках детского театра, где моя мама как художница оформляла спектакли. Маме очень хотелось, чтобы дочка пошла по ее стопам и поступила в Академию изящных искусств. Но, увы, я дважды провалилась при поступлении. Узнав о том, что в Академии физкультуры есть студенческий клуб и что поступить туда для меня не составит большого труда, отнесла туда свои документы. А в 1967 году в Кракове я уже участвовала в Фестивале студенческой песни и победила среди исполнителей-студентов.

— А как мама, — она довольна судьбой дочери?

— Думаю, что да. Мама собирает все, что обо мне пишут. Она — мой первый и самый строгий критик. Ей очень трудно угодить.

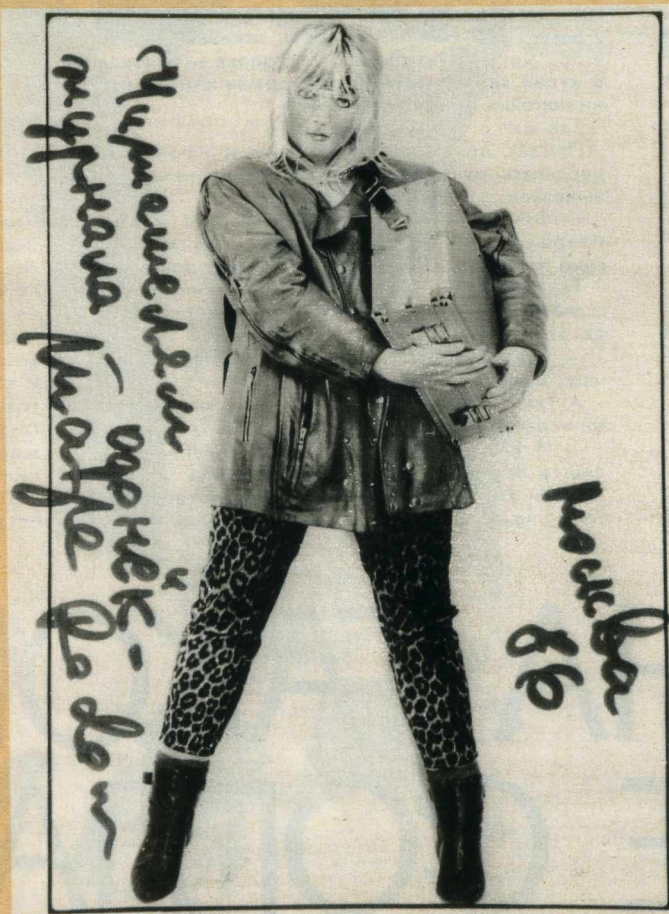
— Как вы, Марыля, относитесь к спорту — ведь все-таки кан-ни-как, а позади Академия физкультуры...

— Очень люблю теннис! Но, к сожалению, времени мало. Бывает что полгода не играю. Раньше я питала иллюзии, что во время гастролей можно успеть поиграть в теннис, и возила повсюду ракетку. Но играть чаще всего удается осенью, когда время посвободнее. Я беру детей и уезжаю за город, туда, где есть корты. У меня двое ребят, сыну Яну шесть, а дочке Катажине четыре. Этой осенью Ян пойдет в школу: будет учиться в обычной школе и музыкальной. Ребята очень любят музыку: ведь в доме у нас она звучит все время!

— Марылю Родович на сцене знают многие. Ну, а дома какая она? Чем любит заниматься? Как отдыхает? Эти вопросы встречаются во многих письмах.

— У меня есть очень хорошая помощница, которая помогает управляться с детьми. И все-таки времени для отдыха почти не остается. Люблю книги, а среди любимых авторов Достоевский. Из современных советских писателей — Шукшин. Интересуюсь также современной американской литературой. Из домашних занятий мне очень нравится готовить. Мое «коронное блюдо» — пельмени по старому бабушкиному рецепту.

Вот на этой гастрономической ноте и закончилось это интервью.

Умер Румянцев. Замерз пьяный... Веселый был. Чуть что — сдохнет, и сам смеется, и вокруг хохочет. А то еще и рожу такую скорчит, что все падают.

— Артистом бы тебе быть, Николаша, — скажут ему.

— Ага, всю жизнь мечтал! А ты знаешь, как им трудно? Одни репетиции замучают. А еще они должны левой рукой есть. Нет уж, я лучше сам по себе. Это только кажется, что у них жизнь шик-блеск. Нет, брат, не зазря им дают народных артистов да всякие премии. Это чтоб заманить их. Привлечь. Они ведь что? Они ведь жизни не видят. В кино не ходят. Ей-ей! Времени у них на такие дела нету. Только репетиции, репетиции — это по утрам, а как вечер — так дуй на сцену. И там у тебя хоть какое настроение, хоть самое печальное, а ты выпендривайся.

— Да откуда ты все это знаешь?

— Откуда? Оттуда! Я как в армии отслужил, меня враз командование отравило учиться на актера. Явился я в театральный институт. Сидят они все, самые знаменитые, за столом и велют мне изобразить, будто я кошелек потерял. Ну, я стал натурально изображать им. Мне это ничего не стоило. Сел, плачу, слезы текут. А потом как заорут: «Граждане, кошелек я потерял, а может, у меня его сдули! Верните, граждане!» Так веришь ли, кто хохочет, а одна, уже старая, даже заплакала. Стала глаза платком промокать.

А чего я не сразу домой вернулся? А потому, что я полгода в театральном пробыл. Приняли меня. Вот тогда я все про артистов и узнал. Только не понравилось мне там. Если б сразу на сцену, а то учиться заставили. Да еще есть левой рукой, чтоб вилка была в ней, а ножик в правой. Ну, в правой-то ладно, а вот левой несподручно. Уматал от них. Правда, не отпускали. Говорили, настоящий талант у меня. Да не какой-нибудь там драматический, а самый настоящий комический... Та, что глаза-то утирала, старая, так от смеха, оказалось, она плакала-то. А когда заорал я, так тут меня сразу и приняли. Не отпускали. Да только я не захотел. Скушно там. Как связанный. А я люблю, чтоб свободный был. — И тут же начал корчить рожи, придуриваться.

И опять все в хохот.

— Так хоть бы шел в нашу самостоятельность.

— Нужна она мне.

— Зря, ей-ей, зря.

— Ага, зря. Ничего, и так проживу.

И жил так. Бездумно. А дано ему было много. Сообразителен был на удивление. Что где сломается в тракторе или в комбайне, Николашу зовут.

— Ну, чего тут у вас? — деловито спросит.

— Да вот...

— Ага... Так... Ну, отойди... Так. Ну, ясно.

И через полчаса комбайн на ходу.

— Учиться тебе надо, Николаша.

— Ага, разбежался. Учиться. Ты знаешь, что

такое учиться? Это ведь учиться надо, а не дурочку валять! Там ведь экзамены.

— Ну и что?

— Что? А если не знаешь, тогда как?

— Так если будешь учиться, будешь знать.

— Ага! А ты учился, много узнал? Нет, брат, я-то знаю. Самое трудное, а если хошь, так и страшное, — экзамены. Они, эти из комиссии, как упрутся в тебя глазами, так хоть стой, хоть падай. Им ведь срезать ничего не стоит. А нам каково?

— Да разве всех срезают? И принимают много.

— Ага! Только не нашего брата. Нет, брат, я все знаю. Недаром говорят, там своих сыновков принимают. Так уж где там нам-то.

— Да откуда ты про это знаешь? Брешут люди, а ты веришь.

— Ага, верю. Ты так-то поверь. Да я, если б не знал от Гришки Коршунова, то и не вякал бы. Он ведь два раза поступал, а поступил? То-то и оно... — сказал и тут же такую скорчил рожу, что все в покатушки от хохота. И сам по себе разговор кончился.

Был он женат. Любил жену. Любил ребятшек — сына и особенно младшую дочку. Но баловать особо не баловал. Да и не принято это в трудовых семьях. Сыты, одеты, обуты — чего еще надо? И дом в тепле, и корова в хлеву. Кабан похрюкивает. Петух по утрам будит. Куры кладут яйца. Даже гусыня есть. Так о чем и думать! Да и жена Люда молодец — не дает задумываться о плохом. Работает дояркой, а точнее сказать — мастером машинного доения. Что-ничто, а полторы сотни каждый месяц приносит. Так что можно и сдохнуть, и рожу для народного веселья скорчить.

И корчил. И веселил. Такой характер был. И сам потешался. Во какие глаза выпупит, смех, да и только! А то рот набок сдвинет к левому уху, и сразу видно, что это никакой не Колька Румянцева, а сам Битюков Иван Андреевич, когда серчает на подчиненных.

— Ну и хват! Ай да Николаша! Это ж умо-ра!

Жил-был. Веселил.

Говорили Люде, жене его, что, мол, повезло ей — экой веселый. Со скуки не умрешь. Соглашалась. За такого и выходила. А и верно, ни слова серьезного ей не сказал, когда ухаживал. Все шуточки-прибауточки. В хохоте и замуж вышла.

Выпивал он. Нет, пить не пил, но с мужиками выпивал. Да и как удержаться? Кому дрова распилят на своей «Беларуси», кому колодец вычистит, кому картофель окучит. Старухам, конечно, больше, да еще дачникам. Там угостят, там поднесут — как отказать? Но чтоб деньги потратить на зелье — никогда. В кулак зажмет, а кулак в карман сунет, чтоб ни копейки не выпало.

Так жил.

Придет домой, сядет на стул и начнет выдергивать руку из кармана, а она никак не вылезает.

— Ой-ой! Чё такое? Танька, Танька! — зовет младшую, той пяти не было. — А ну помоги! Рука застряла. Потяни папе. Потяни, доченька!

Та подбежит, ухватится за папину руку, старается, тянет. Вытянет, а в папковой руке десятка.

— Ой, доченька, ой, Танюшка! Мамка, глянь, чего дочка-то вытянула!

А Танюшка уже бежит к матери, показывает ей «красненькую».

— И как это ты, доченька, сумела? — удивляется Люда. — И как это ты умеешь?

— А я... а я... — захлебывается от восторга Танюшка. — А я нашла в папковой руке.

— А ты еще поищи, может, найдешь, — сунув руку снова в карман, говорит Николаша.

Танюшка лукаво взглянет на отца и снова ухватится за его руку. И ну тащить! Тащит, тащит... вытащила. А в папковой руке еще «красненькая» бумажка.

— Ай, Таня! Ну, Таня! — только и скажет в удивлении Николаша.

— Да ты что это, доченька, да как это ты так умеешь? — удивляется и мамка.

— А я, мам, еще достану! — и бежит к отцу. — Ну! Ну! Ну! — это чтобы он сунул свою руку в карман.

Но нет там больше «красненьких» бумажек, но и дочку нельзя обидеть.

— Ой, совсем забыл! — вдруг вскинется Николаша. — Я же по телефону еще не звонил товарищу министру. — И убежит в сени. Постой там немного, вернется, а Танюшка уже и забудет про «красненькую» бумажку. А если и вспомнит, так скажет: «А я министру отдал. В долг просил. Как откажешь?» — и сделает гримасу, как бедный министр просит у него денег. И Танюшке даже станет жаль его. А Люда смеется.

Так жил.

Случалось, весной выходил на Чудское, когда в берег шла щука. Браконьерил. Хотелось свежей рыбы. В магазине никогда не бывало. Рисковал, конечно. Да ведь что поделаешь, если рядом лежит. Только ткни на удаль острой, и рыба твоя. Дед учил. Отец направлял. В крови звенело по весне. Конечно, всяко бывало. Случалось, инспектор по рыбнадзору прихватывал. Не просил пощады. Штрафуй. У каждого свое дело! Каждый свою деньгу зарабатывает, как умеет. У Николаши Румянцева была всегда своя, трудовая. А если говорить честно, то по его трудам малая была денга. А могла бы, конечно, и больше быть. Если бы своим колхозникам поручали строить всякий животноводческий комплекс. Так нет, шабашников нанимают и плотют им втридорога, а то и в пять дорог по сравнению со своими. Вот и думай о справедливости...

Так жил.

С начальством никогда не ругался. Не любил осложнений. «Будь сделано!» Иногда спешил выполнить, что приказывали; иной раз нога на ногу и за плетень. Это значит, товарищ начальник, и без меня обойдешься. В том смысле, что углы — они тоже для того, чтобы их обходили. Не то лоб расшибешь! И тут же делает такую физию, что все, кто стоит рядом, впадают.

Интересно с ним было жить.

«Трепач» — называли его. Но любили. Не очень чтобы уважали, но всегда были рады видеть его. Как-то вспомнили, уже после смерти, что Николаша никогда не просил денег в долг. А это было редкое качество, чтобы человек был выпивши и не просил денег в долг.

Так жил.

А теперь о самом главном.

Все, что я вам рассказывал о Николаше Румянцеве, жителе деревни Кузёлево, что стоит на берегу Чудского озера, все это только для того, чтобы вы знали, какого мы потеряли славного человека из-за этой; будь она проклята во все времена, старой Аксиньи! Чтоб на ее могиле вечно торчал осиновый кол! Чтоб никогда ни одна птаха не села на ее крест! И чтоб ее крест земля не держала! Это все потому, что я не могу ей простить погибель моего друга Коли Румянцева. Я же знал его, мы же с ним за одной партией учились, рядышком сидели.

Только так вышло, что я уехал в город, а он остался в деревне работать на земле, чтобы

НЕТ, НА ТАКОЕ Я НЕ СОГЛАСЕН!

кормить меня и всех, кто со мной живет в многомиллионном. А когда я приехал этим летом, то его уже не было.

Стал спрашивать: как же это? Что же?

А потом стоял у его могилы. Он смотрел на меня с овальной фотографии, укрепленной на бетонном обелиске. Его глаза улыбались, и в уголках губ таилась лукавая усмешка.

«Как же это ты?» — спросил я его. И не дождался ответа.

Шумели густой листвой вековые деревья — это их тревожил ветер с Чудского. Пели, пересвистывались птицы. Медленно уплывали с запада на восток тяжелые облака. Светило солнце.

На его могиле росли цветы.

Он не дошел до своего дома всего каких-нибудь сто шагов. Было тихо в этот звездный, морозный вечер. Никого не было на дороге. Что там на дороге, во дворах-то, и то никого не было. Все прятались по избам, в тепле, у телевизоров. И собаки спали, уткнув носы в пушистые хвосты. Дрыхли, дармоеды. А он упал. Присел... И уже не встал. Так и нашли его утром сидящим у дороги.

Вот говорят — предчувствие. Какое там предчувствие! Враки все это. Если бы чего предчувствовал Николаша, ни за что не пошел бы к бабке Аксинье, будь она проклята!

Позвала старая. Разжалобила его, расплакалась. «Приди, Колюня, как мне с кряжами управиться». Сволочь, конечно, Васька Сорочкин, что вместо хороших дров навалал ей пней. Где же старухе одолеть их на дрова? Вот и попросила Николашу. Внучатый племянник ей. Как откажешь?

Пришел. Потряс на руке ее топорик.

— Дерьмо топорик! А где же деда Митрия?

— А Мишатка на память взял.

— Так он бы поколот тебе.

— А уехал, иль не знаешь. Уехал, и говорят, на хорошую должность.

— У всех у них хорошие должности, только чего-то мрут рано. — Так сказал Николаша и сделал чего-то такое со своим лицом, что бабка Аксинья приснула, как молодая. Даже глаза засветились. Умел, ничего не скажешь, умел Николаша Румянцев под любое лицо свою физию перекраивать. И Мишатку тоже так изобразил, что бабка аж руками замахала. А отдышавшись от смеха, выругала Николашу, чтоб не обижал ее любимого внука. Эка, топор! Стоит ли из-за него человека на смерть обречь. Мрут... Не все мрут.

— Да ты что, да я разве про него, — сказал Николаша, — я вообще... А про него я не возражаю. Пускай отдыхает. А я сейчас тебе дров наготовлю. Это мне ровно ничего не стоит!

— Ой, Колюня, жить тебе сто лет и всех пережить!

— Это зачем же? Чтоб я остался один? Да же без тебя? Да ты что? Нет, я на такое не согласен! Жить, так уж вместе со всеми.

— Да мне-то куда? — сказала бабка Аксинья. — Мне-то зачем еще столько мучиться?

— А ты что, разве мучишься?

— Я-то? Да еще как! Зачем мне жизнь такая, как моя? Иль ты не видишь, что я теперь и дровину не расколю. А если кого попросить, так ведь он задарма не станет. Ему полулитру дай. Я и тебе приготовила.

— А мне не надо. Я не алкаш какой. Вот ты сама знаешь, в нашем магазине уже два месяца водки нет. Так?

— Ну.

— Чего ну? Не ну, а так! Два месяца ее нет. И «бормотухи» нет. Был одеколон, выпили еще когда. С тех пор завозу нет?

— Ну нет.

— Не ну нет, а нет. И обходимся. Я вот только теперь понял, что и без этой заразы жить можно. Конечно, не совру, вроде чего-то не хватало в первое время. Что-ничто, а привычка. Но вот отошел. И вот уже два месяца ни капли. Не веришь — спроси Люду. Ей-богу, даже освежил я. Все стало куда интересней. Так что ты зря!..

— А я ничего и не говорю. Как тебе надо, так и ладно. А что попросила помочь, так я по родственному. Хоть ты у меня и внучатый племян, а больше не к кому. — И бабка Аксинья всплакнула.

— А вот зря! — сказал Николаша и скорчил такую гримасу, что бабка Аксинья тут же и рот

О ЗЕМЛЯКЕ НА ВОЙНЕ

закрyla, чтоб от смеха не вылетели железные зубы.

Ну и черт! Вот чертушко-то!

А Николаша пошел к соседу, к дяде Пете. Взял у него колун и начал разваливать пни — подарок Васьки Сорокина. Ему бы дьяволу, такую работенку. Без клина не враз и расколешь.

— Клинь-то есть?

— Был, да кто-то взял и не принес.

«Э, ладно и так. Благо мороз!»

Скинул ватник и пошел махать в одной рубахе. Но и в рубахе запотел, а это худо. Ветерок с Чудского охлаждает. А рубаха мокрая со спины, вроде компресса. Так что уж лучше и рубаху скинуть.

— Да ты что, Колюня! Простынешь! — крикнула с крыльца бабка Аксинья.

— Ага, разбежался! — только и крикнул в ответ Николаша Румянцев, вздымая над головой чурбанище. И опрокинул его на подставку. И развалил надвое.

Часа два возился Николаша с пнями, но сделал как надо. Натянул на себя рубаху, влез в ватник. Захватил беремья колотых и отнес в избу.

— На, бабка, топи, не жалей!

И хотел попрощаться, а у нее уже и стол накрыт. Посередке бутылка с легкой мутниной самогонки. Рядом картошка, отдающая в потолок свой горячий пар, посыпанная размолвленным укропом. Волнушки в миске, окруженные кольцами лука. Хлеб горой. И стакан, и рядом с ним махонькая, для любезности, рюмочка.

— Да разве я тебя отпущу без благодарности, — сказала бабка Аксинья, — и не думай. Ты уж присядь, не обижай старую. Специально для такого случая приготовила вино. Сама сделала. Только ты уж никому не скажи. Ныне за такие дела строго наказывают. А сам покушай. Сядь-ко, сядь.

Нет, она не заманивала, не соблазняла, а по заведенному порядку знала: если не угостит, так в другой раз и не придет человек, и не поможет в нужном деле. А как без подмоги прожить, да еще старей? Никак... Потому и уговаривала.

— Да нет, баба Аксинья, не буду. Пойду.

— Ой, да за что ж ты меня хочешь обидеть? Или чем не угодила... — заполошилась старая.

— Да нет, что ты... Просто я...

— Да ну-ка ладно, ладно тебе. Чего от рюмки делается? Сядь-ко, сядь... А то и картошка остынет. Ой, про сметану-то забыла. — Она метнулась в сени и вернулась с банкой сметаны. Покрыла ею грибы. Перемешала. — Поешь, вкусные. Они у меня под гнетом. На холоду. — И налила из бутылки в стакан. Вскресь.

Да, бабка Аксинья в таких случаях не скупилась. Угощала стаканами, а не рюмочками. Но и то правда, мужик из рюмки и пачкаться не

Помню, когда я после ранения осенью 1943 года лежал в госпитале в Ульяновске, то был страшно обрадован, встретив там одного раненого с Рязанщины, откуда и я родом. Был он из другого, степного, района, далекого от моих мещерских Спас-Клепинов, но это ничего не значило: главное, он был из нашей Рязанской области. Земляк! Тогда, на фронте, в госпитале земляками считались все, кто из одного города, области, даже республики.

Мне вспомнилось это давнее землячество сейчас, когда я пишу эти слова о писателе, которому исполнилось 6 мая этого года шестьдесят лет. С Анатолием Пантелеевичем Соболевым я познакомился лично недавно, года три назад, но кажется, что знаю его еще с военных лет. Ведь мы с ним земляки по войне! А это землячество становится все реже с годами. Семнадцатилетним в 1943 году он ушел добровольцем в армию и всю войну был водолазом Северного флота. Это была смертельно опасная служба, равная каждый раз подвигу: он должен был находить на дне моря, обследовать, поднимать затопленные баржи, затонувшие орудия, танки, машины и, самое страшное, невзорвавшиеся торпеды, мины, бомбы. Каждое погружение в глубину моря могло быть последним в жизни юноши. Так и было со многими его товарищами. Анатолий Соболев, к счастью, остался жив, и все пережи-

тое стало его судьбой, жизненной и литературной. Лучшая его книга, повесть «Награде не подлежит», с заразительным драматизмом рассказывает о мужественных делах водолазов, о погибших. Есть своя жестокая логика в судьбе героев повести: ведь они из того поколения, которое почти целиком погибло в войну.

И в других своих книгах Анатолий Соболев верен тому братству, которое он познал в военные годы, когда все было резче и глубже, чем в обыденной жизни, и когда до дна обнаружилась сущность человека. И не могу здесь не вспомнить повесть «Пятьсотвесьелый» с суровостью военного времени и в глубинном тылу.

Как ни тяжелы для человека испытания войны, но с окончанием ее они не прекращаются. В одной из книг Анатолия Соболева бывший фронтовик признается, что боялся после войны новой, уже мирной, жизни, неизвестной для него. Бывало так, что человек, бывший героем на войне, становится слабым, малодушным, трусливым в новых условиях, когда требовалось гражданское мужество. И для писателя фронтовое испытание продолжается — уже не в военных ситуациях, а в новых: испытание характера, духовных сил, самосознания. Требуется мужество — не на бой, не на подводные операции, а на всю жизнь, — и это, оказывается, не-

измеримо трудно. Анатолий Соболев признавался, что ему «чего-то не стало хватать», «какой-то обжигающей струи», и это хорошее беспокойство! И это заставляет верить в искренность его слов, когда он говорит, что нужно писать только правду. Этому он стремился следовать и в новой своей, только что опубликованной в журнале «Октябрь» №№ 3, 4 повести «Якорей не бросать» («Записки рулевого»), с ее утверждением того, что можно назвать «экологической совестью».

Читателя «Награде не подлежит» своей правдой поражает описание нессонной болезни, пронзившей Костю. Но эта правда далась ценой собственных страданий автора: как и его герой, Анатолий Соболев сам был страшен «нессонной» — самым жутким, что может постигнуть водолаза. И последствия эти дают о себе знать. Ему приходится прерывать работу над книгой и ложиться в больницу. Бороться. И снова вступать в строй. Встречаться хоть изредка с друзьями тех незабываемых лет. Ехать в родные места, на Алтай, где никого уже нет из родных и где может отвести душу в разговоре со своей первой учительницей Калерией Анатольевной Шебалиной. Прекрасно это продолжение жизни для человека, прошедшего через смертельную опасность военных лет, для писателя, верного памяти погибших.

М. ЛОБАНОВ

станет. Стакан — обычная посуда. Потому и Колюня его наполнила.

— Прямо не знаю...

— Чего не знаешь-то? Или брезгуешь? Ну, посиди хоть со мной старой. Все одна да одна. — И подперла щеку рукой, и поглядела на вничего племяша таким печальным взглядом, так отрешенно, что ему стало невтерпех от жалости.

— А, ладно, — решительно сказал он. Отложил шапку в сторону и сел.

— Ничё, ничё, — ласковым шепотом сказала бабка Аксинья, и это для слабой души прозвучало как-то уговорно-разрешительно, и Николаша, все же сожалея, что не надо бы, единым махом опрокинул стакан в широко разверзнутый рот. Он умел так, когда еще не осуждалось пить.

— Ух, крепка зараза!

— Так ведь на чистом сахаре делана, — обрадовалась бабка Аксинья. — Два раза перегоняла. Думаю, придет Колюня, вот и угощу его. А ты ешь, ешь. Угостила бы чем и получше, да вот, все, чем богата.

— Ничё, все хорошо, — ответил Николаша, чувствуя, как по телу потекло горячее и в голову зашумело, словно до него донесся шум Чудского. Но про Чудское он вспомнил мимоходом. Тут же и забылось. И он уже сам потянул руку к бутылке.

Бабка Аксинья засмеялась.

— Чё, ничё моя-то?

— Ничё, — одобрил Николаша, закурил и сделал такую физию, что бабка Аксинья тут же узнала свою соседку кривоглазую Стешу. Да же дрогнула.

— Ох ты! Вещун аль колдун! И в кого такой уродился? Это ж надо! Тошнехонько мне.

Николаша смеялся. Ему стало хорошо. И то, что он не устоял, выпил, не казалось ему уже таким большим грехом. А то, что человеку нужно только чуть-чуть, чтобы он устоял на земле, чтобы его не столкнули в пропасть, потому что он и так-то давно уже стоит на ее краю, — об этом он не думал. Он глядел на старуху своими светлыми, голубыми, добрыми глазами. В эту минуту он любил всех. Любил и эту старую женщину. А помнил ее еще довольно молодой, крепкой. И ее мужа помнил, сильного мужика. Он попал под трактор. Пьяный был. Под свой трактор и угодил. Большим колесом «Беларуси» размяло его...

Было еще выпито. Потом еще... Ведь тут главное не продолжать, а начать. А как уж начал, тогда все само собой пойдет, и чем оно закончится, этого никто не знает.

— Баб Аксинья, глянь, какую рожу я сейчас изображу. Хошь увидеть Афону?

— Ну-ну.

— А вот и он! Ждорова, кума. Шын не приехал?

— Тьфу! — тут же шарахнулась бабка Аксинья. — Ой, ну артист, впрямь артист!

— А что, похож, а? Похож, а? — навалась на стол, смеялся Николаша.

И еще выпил. И еще дурил.

Хорошо жил.

— А теперь иди, батюшка, иди, — стала его выпроваживать бабка Аксинья. Это когда уже он не смог зацепить вилкой волнушку. — Иди-ка, поди, заждались тебя дома. Только ты уж не скажывай, что у меня угощался.

— Подожди, — слабо сопротивляясь, сказал Николаша. — Я еще немного...

— Хватит, иди.

— А я у тебя лягу... чего-то отяжелел... Это потому, — Николаша поднял палец, — что я два месяца не пил.

— Вот и хорошо, что не пил. Иди-ка, иди...

Надела на него шапку и выпроводила за дверь в сенцы, из сеней во двор, со двора на улицу. Выпроваживала и озабоченно думала: «Ишь, спать завалился. Чего не хватало, чтоб слава обо мне пошла, что вино делаю... Ничё, дойдет, дойдет. Мужик молодой, крепкий. На морозе-то посвежеет». Она зябко передернулась, поглядела напоследок, как идет Колюня. А шел он, шатаясь. «Ничё, ничё, дойдет», — успокоила себя бабка Аксинья и, настуженная, посеменила в избу.

На улице было тихо. Высоко-высоко, недосыгаемо, мерцали вечные звезды. Там тоже было тихо. И на земле, во дворах было тихо. Потому что земледельцы сидели у телевизоров и внимательно смотрели, как играют в хоккей. Играли Чехословакия и Канада. Счет был два один в нашу пользу.

Николай Румянцев шел домой. Пройти ему нужно было один километр. Его дом был на краю деревни. Он знал этот путь. Да и как не знать, если мальцом сто раз бегал от своей деревни до этой. И от нее до своей бегал сто раз, а может, и тысячу. Но это мальцом. А сейчас идти было трудно. Так трудно, что хотелось сесть и посидеть. Просто посидеть... Но нет, надо идти. Люда ждет... Люда, ты не ругай меня, ладно? Я тебе не скажу, где был, но... больше не буду. Я и не хотел, Люда...

Его понесло в сторону. Он зашагал по снегу и свалился под куст. Негромко выругался. Хотел встать, но передумал. Сел. Так было лучше. Пошарил в кармане, чтобы закурить. Но ни сигарет, ни спичек не было. Ну, и не надо... И увидел идущих к нему мужиков. Они размазывали косами. «Чего это они? Зима ведь», — подумал он. И увидел Танюшку. Она подбежала к нему и спросила: «Папаня, а у тебя нет в кармане птички?»

— Нет, — ответил ей Николаша Румянцев. — Птички у меня нет. — И сделал такое смешное лицо, что Танюшка засмеялась.

И он засмеялся.

Но когда его нашли замерзшим на другое утро в ста шагах от своего дома, то на его лице было только вечное спокойствие.

М. Башкирцева. ВЕСНА. 1884.

Государственный Русский музей.

М. Башкирцева. ДОЖДЕВОЙ ЗОНТИК. 1883.

Государственный Русский музей.

АРЕСТ

Известие об аресте Нельсона нанесло мне страшный удар. Я была на службе (в то время я работала в больнице) и как раз собиралась идти к своим подопечным — я уже заведовала отделением и отвечала за работу в обширном районе города. Спустилась я на лифте в вестибюль и сразу увидела одного из друзей мужа — он теперь живет за границей. Смотрю, на нем лица нет. Бледный, волосы всклокочены, небрит, в грязных и измятых брюках и рубашке. Сразу видно, что-то случилось.

Я хорошо его знала: он входил в группу, которая прикрывала меня при моих поездках к Нельсону во время его подпольной работы. Он лично обеспечивал мою безопасность. Он же доставил меня к Нельсону на последнюю нашу встречу. По правилам конспирации этот человек до сих пор ни разу не заходил ко мне на работу: он был членом коммунистической партии, об этом знали, и потому он держал себя крайне осторожно. Я вышла из лифта и машинально, сама того не сознавая, спрашиваю: «С ним все в порядке?» Это было первое, что пришло мне в голову. И слышу в ответ: «Нет, завтра в Йоханнесбурге его будут судить». Это было страшным ударом для меня не только как женщины, жены Нельсона Манделы, но и как черной уроженки Южной Африки. Трудно было даже представить себе тогда, что значил арест Нельсона Манделы для его борющегося народа. Думаю, что руководство АНК знает, кто его предал. Но в настоящий момент, по-видимому, лучше не говорить на эту тему. Я была глубоко потрясена и утратила тогда всякую ориентировку. За прошедшие годы я кое-как оправилась от этого страшного удара и научилась жить, свыкнувшись с реальностью тюремного заключения Нельсона. Уже тогда я поняла: нашей семейной жизни пришел конец. Невыносимая боль терзала меня. Он унес тогда с собой часть моей души. Это не только мой удел: пережить подобную травму пришлось миллионам моих земляков, черных сограждан. Нельсон сыграл совершенно особую роль в борьбе нашего народа.

ВОССТАНИЕ В СОУЭТО

Готовность к борьбе, требование свободы настолько укрепились в сердцах наших детей, что они были готовы с камнями выступить против оружия. Если люди действительно хотят разбить цепи угнетения, их не остановит ничто.

В июне 1976 года накопившийся гнев темнокожей молодежи нельзя было дальше сдерживать. Двадцать тысяч юношей и девушек вышли на улицы Соуэто с лозунгами «Освободите Манделу». Это был наглядный урок всем тем, кто правильно может толковать историю: для молодежи, требующей свободу Манделе и выражающей поддержку Африканскому национальному конгрессу, он, Мандела, мог быть лишь легендой, фигурой прошлого. Однако на деле все было иначе. Молодежь шла по улицам и пела песни о своих руководителях, находившихся в заточении в тюрьме на острове Роббен.

Восстание в Соуэто никто не организовывал. Просто гнев людей вышел из берегов. На моих глазах молодежь разбирала мостовые улиц, чтобы вооружиться булыжниками. Юноши и девушки шли на полицейские пулеметы с камнем в одной и крышкой от мусорного ящика — как со щитом — в другой руке. Кто-то утверждал потом, что молодежь будто бы не знала, что белые до зубов вооружены. Нет, это не так, юноши и девушки знали, что их ждет, и грудью встретили огонь тяжелых пулеметов. От их грохота сотрясся весь поселок Соуэто, буквально утонувший в сизом пороховом дыму. Подростки замертво падали, их место тут же занимали другие.

Мы не могли удержать детей, увести их с улиц. 17 июня, через день после того, как сотни из них были убиты в Соуэто, мы создали Объединение темнокожих родителей «Блэк Парентс Ассошиэйшн» (БПА), тем самым оказавшись в эпицентре конфликта. Школьники запретили нам вступать в переговоры с министром полиции ЮАР Кругером. Я почувствовала облегчение, когда Кругер отказался разговаривать с нами. Большого одолжения он не мог нам сделать, так как, вступив с ним в переговоры, мы могли поставить на карту свой авторитет. Надо учитывать, что требование школьников было предельно категоричным: «Если вы хотите, чтобы мы прекратили борьбу, то идите и передайте Кругеру наши жалобы».

Конечно, мы хотели сделать все, чтобы прекратить кровопролитие. Но требование школьников поставило меня в трудное положение: если бы я отказалась разговаривать с Кругером, они думали бы, что их оставили на произвол судьбы. А отклонив переговоры, Кругер непроизвольно помог нам выйти из конфликта, наше доброе имя осталось незапятнанным.

В Объединении темнокожих родителей были люди всех политических направлений. Мнения высказывались самые различные. Были представлены все взгляды, но нельзя утверждать, что БПА являлась близкой Африканскому национальному конгрессу организацией.

Дел было предостаточно. Пришлось организовывать захоронение погибших, так как многие семьи просто не имели средств на похороны. Собирали добровольные пожертвования, обеспечивали нуждающихся едой, устраивали сирот. Затем пришли власти и конфисковали около 200 тысяч рэндов, все пожертвования для помощи пострадавшим. Это был один из сильнейших ударов, которые пришлось испытать БПА.

Мы ни в коей мере не влияли на действия школьников, да и не могли. Это не было задачей БПА. Мы не несли ответственность за взрыв протеста. В нем оказалась повинной сама система апартеида. События 1976 года явились лишь следствием того, что назревало в течение многих недель. Еще в мае школьники го-

ворили между собой о планировавшихся действиях против введения языка африкаанс в качестве предмета преподавания в школах. Школьники Соуэто не хотели изучать этот язык. «Мы не должны оставлять наших детей, если что-либо произойдет», — сказала я, — необходимо оказать им поддержку». Конечно же, полиция из этого сделала вывод, что я подготовила действия школьников и влияла на них. Был арестован директор школы, в которой проходили встречи членов БПА, за решетку были брошены школьники по подозрению в сожжении полицейского автомобиля.

В ТЮРЬМЕ

Тюрьма — это стук в дверь посреди ночи. Это ослепительный свет фар полицейских машин во все окна твоей квартиры перед тем, когда будет взломана дверь. Это право тайной полиции читать все твои письма, перелистать все книги, перевернуть ковры, вырвать из-под спящих детей постельное белье, выбросить из шкафов и чемоданов одежду, рыться во всех сумках и, наконец, арестовать тебя, насильственно уводя от детей, которые плачут и умоляют белого человека оставить их маму в покое.

После одного из арестов — в октябре 1969 года — они сразу же доставили меня в камеру смертников центральной тюрьмы Претории. Их метод — оказывать давление, чтобы сломить волю человека.

Я оказалась совершенно одна. Даже не знаю, были ли другие узники в этом же тюремном блоке. Только иногда откуда-то издали слышался чей-то кашель, скрипели петли дверей камер. Меня доставили сюда ночью, тюрьма была мне совершенно незнакома, и я не представляла расположение ее отделений.

Итак, я находилась в полной изоляции. Мне довелось быть среди первых, попавших в тюрьму по закону о терроризме. Мы совершенно ничего не знали, не имели никакой информации. Не ведали того, что практически вся организация сопротивления была ликвидирована одной волной арестов. Позднее, когда установился первый контакт с внешним миром, я просто не могла в это поверить.

Для оказавшегося в подобной ситуации первые дни — самые ужасные. Ощущаешь неопределенность, отсутствие уверенности. Даже люди, посадившие тебя в камеру, безразличны к тебе. Ты практически не общаешься ни с кем. В твоем распоряжении лишь бутылка с водой и пластмассовый стакан. Перечень вещей на этом исчерпывается. Для туалета надзиратель приносит маленькое ведро с водой, ее едва хватает на то, чтобы умыться. Постирать что-либо ты уже не можешь.

В камере не было ничего другого, кроме матраца и трех вонючих покрывал. Одно я скатала и сделала из него подушку, два других служили мне простыней и одеялом. Дни и ночи тянулись нестерпимо долго. Я заметила, что начала разговаривать сама с собой. Кругом была мертвая тишина, ты не слышишь ни звука, что, как пытка, действует на настроение, сознание, мышление. Не знаешь, что делать. Все это мучительно. Сядешь на цементный пол (стула не было), снова встанешь, сделаешь шаг вперед, шаг назад (камера маленькая, ходить по кругу невозможно). Больше делать нечего, значит надо делать гимнастику. До сих пор я делаю упражнения, которые привыкла делать в тюрьме. Ложишься на живот, переворачиваешься на спину, затем на бок. Тело ноет от бетонного пола. Ловлю себя на мысли, что ишу что-то в камере. Вдруг обнаруживаю двух муравьев. Потом играла с ними целый день, они ползали по пальцам руки. Очень расстроилась, когда нагулявшиеся вволю насекомые вдруг куда-то пропали.

Принялась вытягивать нити из покрывал и сплетать их в шнур. Потом снова из шнура тянула отдельные нити. Распустила кружево платья. И все это только для того, чтобы чем-то занять себя. Больше делать было нечего. Совсем нечего. Ночью я не могла спать. Следователь как-то потом сказал мне: «Идем вам навстречу, допрашиваем в ночное время — вы ведь страдаете бессонницей и даже лечились от этого!»

Тюремщики приходят, приказывают поднять, раздевают, забирают вещи и исследуют их. Начинают обычно с обуви, затем переходят к

**Он
унес
с
собой
часть
моей
души**

изучению нижнего белья. Унизительно стоять перед ними в чем мать родила. Первая надзирательница передает все белье второй и начинает осматривать мои волосы.

Еще более тщательно осматривают присланное — каждый предмет одежды пристально разглядывается, ощупывается. Мною овладело состояние крайнего раздражения. Впервые всерьез подумала о самоубийстве и, несомненно, пошла бы на это, если бы не мысль о детях. Кроме того, самоубийство было бы только на руку моим тюремщикам.

Меня допрашивали пять дней и пять ночей. В шестую ночь — помню это точно — я потеряла сознание. Не помню только, как меня обратно доставили в камеру. В пятую ночь я впервые осознала, какие изощренные средства они используют для того, чтобы доводить людей до полного истощения. У меня начались периоды потери сознания. Смутно помню, что тогда произошло.

Допросы начались в понедельник. Они продолжались без перерыва, спать не разрешалось. Только в субботу меня доставили в камеру. И так неделя прошла без сна. Я испытывала ужасную боль, все тело отекало. В туалет разрешалось ходить редко и всегда в сопровождении белой надзирательницы.

Во время допросов кормили. Но трудно было себе представить, что в таких условиях можно есть. Горький привкус во рту отбивал охоту есть. Мучили ужасные кошмары — дома остались мои маленькие дети, я не знала, что с ними произойдет.

Сам допрос был ужасным. О нем не хочется даже вспоминать. Арестованную вместе со мной Риту Ндзанга и меня допрашивали после всех остальных. Следователи пытались заставить другую заключенную, Джойс Синанане, выступить против нас в качестве свидетеля обвинения. С Джойс мы тесно сотрудничали. Рита и я находились перед арестом на положении сыльных и поэтому использовали Джойс как курьера для поддержания связей с районами страны.

Джойс помогала нам в работе. То, что мы делали, представляло собой чисто гуманное дело. Когда Африканский национальный конгресс был запрещен, многие из его руководящих деятелей попали за решетку, в том числе и женщины, работавшие в женской федерации. С тех пор они потеряли контакт с внешним миром. Никто не знал, где они находились. Это старая тактика белых: упрятать в тюрьму

противников и даже не сообщить об их местонахождении семьям. Мы попытались разыскать этих женщин и организовать свидания с ними. Выдавая себя за родственников арестованных, мы наладили снабжение их предметами повседневного обихода, без которых жизнь в тюрьме была еще более тяжелой. Кроме того, мы хотели помочь им установить контакт с семьями, ведь женщины с момента ареста в большинстве случаев ничего не слышали о своих родных. На средства церкви мы посылали заключенным женщинам денежные переводы с указанием адресов родственников, которых нам удалось разыскать. Некоторое время это сходило нам с рук, но затем последовал арест. Никакого преступления мы не совершали, в любой другой стране такие действия являются законными. Только в нашем больном обществе приходится действовать укрadкой, другой возможности нет.

Когда допрашивали Риту и меня, Джойс была почти сломлена. Риту Ндзанга мучили особенно жестоко.

Тюремщики пытались сделать вид, что якобы располагают признаниями людей, с которыми мы сотрудничали. Они предъявили нам «признание» Джойс и вели себя так, будто бы она дала показания против нас. Рита чуть не умерла от мучений, я преклоняюсь перед ней. Она выдержала пытки и не выдала других.

Джойс они убрали из тюрьмы и поместили в больницу, где испробовались всевозможные способы «промыывания мозгов», чтобы вынудить ее выступить против нас.

Нас допрашивал следователь Сванепол. Он говорил мне невероятные вещи. То и дело заявлял: «Мы сломим тебя, ты дошла до конца». Все это я не забуду никогда.

РОББЕН И ПООЛСМООР

Самая надежная в мире тюрьма, остров Роббен, находится всего в семи милях от Кейптауна, среди вечно волнующегося моря. Когда-то на скалистом острове размещалась колония для прокаженных, с 1961 года он находится в ведении администрации тюрем. Еще ни одному узнику не удавалось бежать отсюда. Отдельные попытки побегов терпели неудачу из-за сильного течения, нагромождения скал и буквально ледяной воды. Здание тюрьмы построено из мощных кубов синего известняка, добытого в местных каменоломнях. Оно рассчитано на 650 заключенных. Тюрьма имеет несколько отделений: общее (где содержат преимущественно опасные преступники), для «террористов» (главным образом членов организации СВАПО), госпиталь и особый каземат.

В последнем размещено примерно 370 узников. Из них 38 приговорены к пожизненному заключению. Их вина — «преступления против безопасности государства». Среди них — почти все руководящие деятели Африканского национального конгресса, те, кто осужден в 1964 году по процессу в Ривонии за «саботаж».

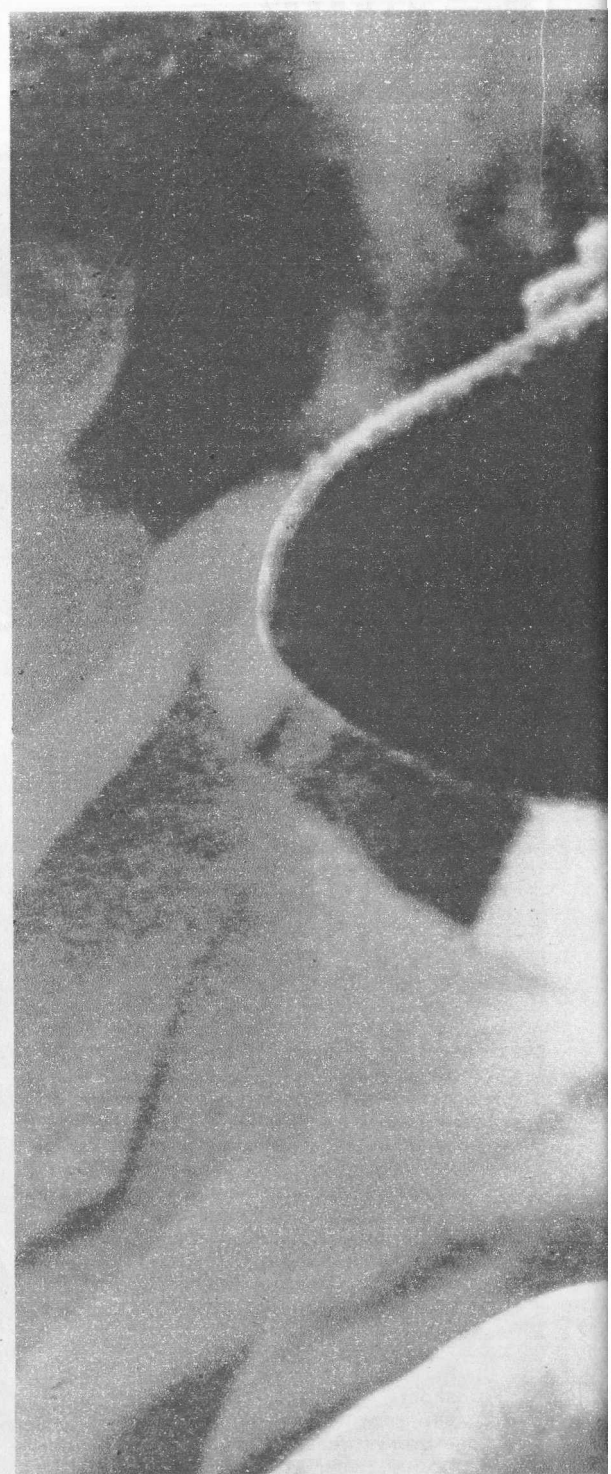
Наиболее видным узником до 1982 года был здесь Нельсон Мандела, заключенный № 466/64. За решеткой оказались и его ближайшие соратники: Вальтер Сисулу, Гован Мбеки, Ахмед Катрада. Все они сидели порознь, в одиночных камерах специального блока.

Вот как описывает камеру Манделы в тюрьме на острове Роббен журналист, посетивший ее в 1977 году:

«Вся обстановка камеры — маленький письменный стол со стулом, шкафчик и кровать. На книжной полке — фотография Винни Манделы. Библиотечка узника состоит примерно из 40 книг преимущественно юридического характера. Среди них также экономическая история Европы, словарь английского языка и библия».

В тюрьме Мандела изучал экономику, историю и язык африкаанс. Он дважды стал бакалавром наук. В последние два года власти запретили ему продолжать учебу в связи с подозрением, что он якобы работал над своими мемуарами.

Один из заключенных, Эндрю М., которого выпустили на свободу шесть лет назад, вспоминает: «Первые десять лет были самыми ужасными. Нам практически ничего не давали есть, запрещали читать и писать. Мы были лишены верхней одежды и не имели одеял. И это в тюрьме, находящейся в крайне неблагоприятных климатических условиях. Летом стоя-

ЮАР сегодня. Похороны жертв очередной расистской расправы.

ла палящая жара, зимой, как правило, было туманно, дули ледяные антарктические ветры, беспрерывно шел дождь. Наше одеяние — тонкие куртки цвета хаки, едва прикрывавшие рубашки, не просыхали».

Положение осложнялось тем, что узники были отданы полностью на произвол охранников. «Они, месяцами пребывавшие в бараках без увольнения в город, вели себя по отношению к заключенным как вырвавшиеся на свободу дикие быки, которым вдруг показали красную тряпку. Они раздавали удары направо и налево. Узникам все время приходилось изворачиваться, чтобы не быть прибитым до смерти. Охранники придумывали самые подлые способы пыток. Некоторых, к примеру, оставляли лежать связанными на разворошенных муравьиных кучах», — пишет бывший заключенный Звеланке в своей книге «Остров Роббен».

Индрес Нандоо, который по обвинению в попытке саботажа провел в этой тюрьме десять лет, рассказывает о других издевательствах со стороны охраны: «Они вырывали глубокую узкую яму в песке и закапывали туда заключенного по шею, оставляя его печься на солнце. Охранники не скрывали, что считают нас свиньями и не пошевельнут пальцем, если нам придется подышать. И вот заключенный оставался в песке полдня или целый день. Если он просил воды, то подходил один из караульных, от-

Винни Мандела.

крывал ему рот и мочился. При этом обычно говорились, что его угощают виски, наилучшим сортом виски. Воды не давали никогда.

Однако по отношению к видным политическим заключенным охранники вели себя сдержанно, власти боялись негативной реакции международной общественности. Эндрю пишет: «Поэтому Нельсона Манделу никогда не били и не мучили. Помимо всего прочего, подобное привело бы к бунту заключенных».

Сейчас Нельсон не видит ничего, кроме кусочка неба. Тюрьма в Поолсмооре, куда его перевели с острова Роббен, расположена в долине. Он находится в той части здания, откуда не видно гор. Нельсон не видит ни травы, ни даже серых камней. Остров по сравнению с Поолсмоором казался раем, там по крайней мере имелся садик, где можно было прогуливаться.

Каждое посещение мужа — это как бы подзарядка батарей моей и его души. Уже сама подготовка к поездке сопряжена с чудесным ощущением — Нельсон и другие товарищи дают нам заряд бодрости, внушают мужество, необходимое, чтобы выстоять. А после возвращения домой я начинаю считать дни до следующей поездки.

Возвращение всякий раз действует угнетающе, но все-таки остается уверенность, что однажды наши мужчины снова будут с нами. Не-

поколебимая уверенность, что они в один прекрасный день вернутся домой, чтобы играть принадлежащую им по праву роль и создавать Южную Африку, находящуюся под управлением темнокожих. Нынешний министр юстиции ЮАР Коби Коетсе на вопрос, когда будут освобождены узники, отвечает: «Никогда!» Мы привыкли к этому роду публичных заявлений. Ян Смит в свое время также утверждал, что черное большинство в Родезии встанет у власти лишь в том случае, если переступят через его труп.

До сих пор предложения правительства об освобождении Манделы всегда связывались с условием, что он поселится в «своем» хоумленде Транскай. Муж отклонил эти предложения.

Вновь проявилось невежество африканеров, полагающих, что мы согласимся на такую сделку после того, как Нельсон отдал борьбе 22 года жизни! Кому же может прийти в голову предлагать ему подобное? Ведь в этом случае нам пришлось бы вновь начинать с нулевой отметки.

Когда власти пригласили меня, чтобы сделать предложение на этот счет, я не удостоила их ответом. То же самое сделал бы и Нельсон.

Я в мечтах вижу день, когда наша с Нельсоном семья сможет воссоединиться, даже если счастье продлится лишь несколько дней.

Повести О ЛЮБВИ

«Повести о любви» — так называется сборник Владимира Личутина, куда вошли четыре его произведения: «Иона и Александра», «Вдова Нюра», «Крылатая Серафима», «Домашний философ».

В повести «Иона и Александра» есть эпизод, когда героиня, доведенная до отчаяния, решила покинуть этот мир. Но ее удерживает жалость к ребенку, мужу-инвалиду, который без нее, думает Александра, пропадет. Поэтому она честно и до конца выполняет свой перво-степенный долг — матери, жены. Мысли ее: «Всем свое несчастье на веку дадено. И счастье дадено, и несчастье дадено» — созвучны раздумьям распутинской Анны из «Последнего срока»: «Из своей шкуры не выскочишь — не змея». Эти героини представляют тот главный (по значимости, роли в жизни) тип женщин, на чьем терпении, любви мир держится. К нему относятся и Серафима Анатольевна («Крылатая Серафима»), и Нюра Питерка («Вдова Нюра»).

В центре «Домашнего философа», как и в «Ионе и Александре», он и она, муж и жена, люди зрелого возраста. Но в отличие от Ионы и Александры Баныкин и Фиса находятся на пороге «новой жизни». Конфликт повести не столько семейный, сколько мироотношенческий (он вынесен в название журнального варианта — «Домашний философ и хозяйка», которое, думаю, более удачно).

В привычных отношениях мужа и жены появляются новые, неожиданные ходы. И чем дальше развивается повествование, тем больше становится их как с одной, так и с другой стороны. Но какие бы формы новая жизнь Баныкина ни принимала, в ней все опять «сводится к животу». И речь идет не о еде, а о главном, о чем не спрашивает и не желает (ведь так спокойнее) спрашивать себя Баныкин. Для чего, для кого все это: уходы, обновления, свобода, реальное дело? Ведь опять только для себя одного. Обновляясь физически, герой не может переродиться духовно. Он не сделал главного шага — не освободился, говоря словами Л. Толстого, от ужасного тормаза — любви к себе.

Воля, свобода — то, к чему стремилась Фиса Петровна, о чем мечтала долгие годы семейной жизни, — не состоялось, как не получилось и ожидаемого счастья.

Строительство души Фисы приобретает новое качество только тогда, когда боль и тоска по погибшему сыну отходят на второй план, вернее, теряют остроту, исключительность. Проникая в потаенный, глубинный смысл мечтаний Фисы, мы видим, что все «грешные» мысли лишь самообман, игра воображения. За ними стоит главное — возвращение к сыну, но на новом витке, с иным наполнением: «...она еще сына родит».

Самопожертвование материнской любви. Как это высоко и прекрасно, когда такая река впадает в океан всеобщей людской любви! Фиса Петровна шла по этому пути, но так и не смогла донести свою нерастрченную любовь людям, хотя попытки были... В этом слабость и главная причина трагедии женщины.

В повести «Домашний философ» В. Личутин убедительно показал, как герои, оградившие себя от мира (каждый по своей причине), от дыхания и проблем века, рано или поздно терпят поражение.

«...Любовь есть одна, как нравственное творчество...» — так точно определил сущность любви М. Пришвин. Любовь — испытание человеческой личности, ее нравственной, духовной и в конечном счете гражданской полноценности. Большинство героев В. Личутина экзаменируются этим высоким чувством, но лишь те выдерживают экзамен, для кого любовь — нравственное творчество души, жертвующей, отдающей близким, ближним, обществу.

Ю. ПАВЛОВ

Армавир.

Друзья Пушкина-потомки Кутузова

Владимир ЕНИШЕРЛОВ

ИЗ ЧЕХОСЛОВАЦКОЙ ПУШКИНИАНЫ *

Узнав в середине июля 1821 года о смерти Наполеона, Пушкин написал стихотворение, ему посвященное (первоначально оно называлось «На смерть Наполеона»). Следуя за этапами жизни «великого человека», Пушкин, обращаясь к истории наполеоновских войн, воскликнул:

Надменный, кто тебя подвигнул?
Кто обуял твой дивный ум?
Как сердца русских не постыгнул
Ты с высоты отважных дум?
Великодушного пожара
Не предузнав, уж ты мечтал,
Что мира вновь мы ждем, как дара:
Но поздно русских разгадал...
Россия, бранная царица,
Вспомни древние права!
Померкни, солнце Австерлица!
Пылай, великая Москва!
Настали времена другие:
Исчезни краткий наш позор!
Благослови Москву, Россия!..

Сражение при Аустерлице не случайно поставлено здесь в один ряд с московским пожаром, который Пушкин считал символом гибели Наполеона. «Разыгравшаяся 2 декабря 1805 года близ деревни Аустерлиц вокруг Праценских высот эта кровавая битва, — пишет академик Е. В. Тарле, — одна из самых грандиозных по своему значению во всемирной истории, одна из самых кровавых в наполеоновской эпохее».

Странное чувство охватило меня, когда я стоял на небольшом холме на месте «Спаленного млына» (Сожженной мельницы), где была ставка Наполеона и где после битвы встретился он с австрийским императором Францем. Молочно-белый утренний туман покрывал окрестности, и, как в утро битвы, над туманом всплывало темно-красным шаром солнце. Холмы постепенно освобождались от пелены, их вершины темными шапками словно плыли по молочному морю, заполнившему лощины. Далекий гулкий звук каких-то работающих машин, незримых от места, где мы остановились, создавал впечатление шума от передвигающихся масс людей, армий, скрывающихся в области тумана.

Обильно полита русской кровью эта земля. Легкомыслие Александра I, бездарного в военном отношении, тупость австрийских генералов, пренебрежение к мнению Кутузова, единственного в русско-австрийском лагере сознававшего всю сложность положения союзных войск, предсказывавшего катастрофу, которая ждет русскую армию в случае сражения, и фактически отстраненного от командования, предопределили гибель около пятнадцати тысяч русских и австрийских солдат. Наполеон искусно расставил ловушку, в которую попали австрийские и русские войска. Тарле писал, что французские маршалы «изумлялись храбрости русских солдат, но и не меньше абсурдному поведению и полному военному невежеству, растерянности и бездарности русских генералов, кроме Кутузова».

...Между тем туман, закрывающий поля, все больше прижимался к земле, и вот уже стал полностью виден Праценский холм — центр «битвы трех императоров», на вершине которого в 1910—1911 годах был воздвигнут по проекту известного архитектора Йозефа Фанте монумент мира. Таинственное, исполненное

глубокой символики, в чем-то мистическое, это сооружение господствует над окрестностью. В его основании — выложенная каррарским мрамором часовня, где захоронены павшие, две скорбные женские фигуры у входа олицетворяют горе матерей и жен, оплакивающих убитых. У подножия Праценского холма еще в тридцатых годах нашего века сохранялся старый дом, бывший трактир, в котором перед самой битвой останавливался Кутузов. Дом этот видел пушкинист Н. А. Раевский, когда незадолго до второй мировой войны посетил Аустерлицкое поле. Где-то здесь, поблизости, был ранен в щеку Кутузов, а князь Андрей Болконский бросился вперед, подхватив батальонное знамя. Тут он упал, раненный. Откроем первый том «Войны и мира». «Над ним не было ничего уже, кроме неба, — высокого неба, не ясного, но все-таки неизмеримо высокого, с тихо ползущими по нем серыми облаками. «Как тихо, спокойно и торжественно, совсем не так, как я бежал, — подумал князь Андрей, — не так, как мы бежали, кричали и дрались...» — совсем не так ползут облака по этому высокому бесконечному небу. Как же я не видал прежде этого высокого неба?»

Многое изменилось на этом поле, где некогда определялась история Европы, пожалуй, лишь небо да рельеф местности остались прежними, помнящими тот кровавый осенний день и наступивший как-то вдруг, внезапно суровый вечер, когда Наполеон с огромной свитой проезжал по позициям, поминутно спотыкаясь о трупы людей и лошадей. Есть все же что-то непередаваемо-магическое на полях великих битв, ставших безмолвными памятниками минувшего. Земля под Бородином и Полтавой, Аустерлицем и Кульмом не просто вызывает к памяти о прошлом, скорбно и тревожно напоминает о павших. История, бывшее оживают, по-моему, на этих полях острее, реальнее, чем под сводами рукотворных дворцов, храмов, на улицах старых городов и в залах музеев. Придите в одиночестве на Бородинское поле и послушайте тишину, окутывающую его. И постепенно на вас снизойдут голоса былого.

Я смотрел на облака, плывущие над Аустерлицем, держал в руках первый том «Войны и мира» и опять вспоминал князя Андрея: «На Праценской горе, на том самом месте, где он упал с древком знамени в руках, лежал князь Андрей Болконский, истекая кровью, и, сам не зная того, стонал тихим, жалостным и детским стоном. К вечеру он перестал стонать и совершенно затих».

Прототипом для образа князя Андрея в эпизоде Аустерлицкого сражения послужил Л. Н. Толстому флигель-адъютант, капитан инженерных войск, граф Фердинанд Тизенгаузен, зять Кутузова, женатый на его любимой дочери, приятельнице Пушкина Елизавете Михайловне (во втором браке Хитрово). Он погиб от ран, полученных в этом сражении.

Советский ученый Л. С. Кишкин, только что выпустивший чрезвычайно содержательную, фактографически насыщенную книгу «Чехословацкие находки», обобщившую результаты его многолетних исследований, разыскал написанную в конце XIX века интересную статью чешского писателя Яна Гербена «Свидетели прошлого», в которой рассказывается о гибели зятя Кутузова. В разделе статьи «После битвы у Славкова» (Аустерлиц — ныне Славков — на-

ходится в Чехославии недалеко от города Брно) Гербен пишет, что смертельно раненный Тизенгаузен умер в деревне Силничка в доме кузнеца Антонина Хмеля. Герой Аустерлицы был временно похоронен близ кузницы. А «через четыре месяца — когда военные события затихли — приехал в Штрацендорф (так в начале XIX века называлась Силничка. — В. Е.) русский со свитой. Это был кровный родственник похороненного... Русского графа выкопали и в тройном гробу увезли из Моравии в Россию». А в Моравии долго стоял крест с надписью: «Здесь покоится адъютант русского царя, граф Фердинанд Тизенгаузен, кавалер орденов св. Анны и Марии Терезии; родился 15 августа 1782 года, скончался в этом доме 4 декабря 1805 года от ран, полученных в битве под Аустерлицем. Умер смертью героя». Кутузов любил своего зятя и горевал о нем. «Если бы быть у меня сыну, то не хотел бы иметь другого, как Фердинанда», — писал он дочери.

Граф Фердинанд Тизенгаузен похоронен в кафедральном соборе Таллина. Его барельефный портрет на надгробии очень похож на миниатюру, хранящуюся в коллекции замка-музея северочешского курортного города Теплице. Вот еще одно место в Чехославии, где находятся совершенно уникальные материалы, связанные с русской историей и культурой, в частности с Пушкиным.

Собрание Теплицкого замка, к счастью, не погибло в огне войны, но в 1948 году оно было рассредоточено по запасникам многих чешских провинциальных музеев-замков и, казалось, растворилось в небытии. Потребовалась напряженная поисковая и научная работа чехословацких и советских ученых, чтобы портреты и документы, связанные с именами Пушкина и Кутузова, вновь объединились в Теплице. К. Кшижова и С. Островская, чешские исследователи, отдавшие немало сил поискам, атрибуции, описанию и публикации памятников теплицкого собрания, с полным основанием пишут в каталоге превосходной выставки «Собрание портретов пушкинских друзей из Теплице. Картины, графика, пластика, фотографии, документы»: «С просьбой о помощи при поисках коллекции картин потомков Кутузова, бывших друзей Пушкина и бывших обитателей Теплицкого замка, обратились к нам советские историки. Было нелегко спустя столько лет отыскать собрание, рассеянное в запасниках четырнадцати замков. Несмотря на это, поиски завершились успехом».

В небольшом Теплице вспоминаются имена многих великих деятелей мировой истории и культуры. Здесь, например, единственный раз в жизни встретились Гете и Бетховен в 1812 году. В теплицких преданиях сохранился рассказ (он подтверждается письмом Бетховена Беттине Брентано), как, гуляя в замковом парке, Гете и Бетховен повстречали молодую австрийскую императрицу Марию Людвику. Бетховена, державшегося в высшей степени независимо, покорило придворное подобострастие Гете. Композитор потом напомнил поэту, какое значение имеют они, творцы, в сравнении с придворными кругами... В залах замка играли Лист и Шопен, здесь бывали П. Вяземский и М. Вильегорский.

Но нас в первую очередь интересовало в Теплице то, что перекликается с Пушкиным и его временем. Среди картин, портретов, миниатюр, изображающих друзей и знакомых поэта, привлекла внимание небольшая изящная акварель И. Сотиры, изображающая салон Фикельмонов в Петербурге во дворце Салтыкова, где размещалось австрийское посольство. В этом зале, который современники называли «окном в Европу», не раз бывал Пушкин. Дочь Кутузова Елизавета Михайловна Хитрово, ее дочери Дарья Федоровна, жена австрийского посланника, и Екатерина Федоровна Тизенгаузен с 1829 года жили в

* См. «Огонек» № 5, 1986.

одном доме, составляя неразлучное «трио». Их салоны стали центром интеллектуального Петербурга. П. А. Вяземский вспоминал о Е. М. Хитрово, верном друге Пушкина: «В лепетях Петербургского общежития имя ее осталось так же незаменимо, как было оно привлекательно в течение многих лет. Утра ее (впрочем, продолжавшийся от часу до четырех пополудни) и вечера дочери ее, графини Фикельмон, неизгладимо врезаны в памяти тех, которые имели счастье в них участвовать. Вся животрепещущая жизнь, европейская и русская, политическая, литературная и общественная, имела верные отголоски в этих двух родственных салонах. Не нужно было читать газеты, как у афинян, которые так же не нуждались в газетах, а жили, учились, мудрствовали и умственно наслаждались в портиках и на площадях». Портрет Е. М. Хитрово в тепличном собрании выполнен, видимо, русским художником еще при жизни Пушкина. Один из самых верных друзей Пушкина, она пронесла свою дружбу к нему через всю жизнь. «Рассчитывайте на меня на жизнь и на смерть...» — писала она поэту, и он дорожил дружбой дочери Кутузова. Он не раз посылал ей стихи, в том числе обращенные к Кутузову.

Сын П. А. Вяземского вспоминал, что Пушкин и его отец «сохраняли по смерти дружеские отношения ко внукам Кутузова». Эти слова относятся и к Екатерине Федоровне Тизенгаузен, старшей дочери Елизаветы Михайловны. Она встречалась с Пушкиным неоднократно, «восторженно», судя по дневнику императрицы, отзывалась о нем; в дневнике Дарьи Федоровны есть запись о совместной с матерью, сестрой и несколькими другими лицами поездке «в домино и масках по разным домам... Мы очень позабавились, хотя маме и Пушкин были тотчас узнаны и вернулись ужинать к нам». По просьбе Екатерины Федоровны Пушкин написал стихотворение «Циклоп», которое она прочла на костюмированном балу в Аничковом дворце:

Язык и ум теряя разом,
Гляжу на вас единым глазом:
Единый глаз в главе моей.
Когда б судьбы того хотели,
Когда б имел я сто очей,
То все бы сто на вас глядели.

Очень дружен был Пушкин с ее младшей сестрой Дарьей Федоровной (Долли) Фикельмон. Жена австрийского посланника, одна из умнейших и образованнейших русских женщин, считавшаяся среди первых красавиц Петербурга, как немногие, ценила и понимала поэта. «Пушкин, писатель, ведет беседу очаровательным образом — без притязаний, с увлечением и огнем...» — пишет она в дневнике 10 декабря 1829 года. А вот другое ее упоминание о Пушкине: «...невозможно быть менее притязательным и более умным в манере выражаться». Записи о Пушкине в дневнике Д. Ф. Фикельмон замечательны по проницательности. Иногда кажется, что она умела читать судьбу, написанную на лицах. Так, она пишет 12 ноября 1831 года о Наталье Николаевне, которая, кстати, именно в дружественном поэту доме Фикельмонов впервые явилась в свете: «Поэтическая красота госпожи Пушкиной проникает до самого моего сердца. Есть что-то воздушное

и трогательное во всем ее облике — эта женщина не будет счастлива, я в том уверена! Она носит на челе печать страдания. Сейчас ей все улыбается, она совершенно счастлива, и жизнь открывается перед ней блестящая и радостная, а между тем голова ее склоняется, и весь ее облик как будто говорит: «я страдаю». Но и такую же трудную предстоит ей нести судьбу — быть женою поэта, и такого поэта, как Пушкин!»

Исследователи считают несомненным, что образ Долли Фикельмон воплощен Пушкиным в «Египетских ночах», наброске «Мы проводили вечер на даче», какие-то ее черты хозяйки великосветского салона нашли отражение в VIII главе «Евгения Онегина».

В 1838 году заболевшая Дарья Федоровна навсегда покинула Россию, но где бы она ни была, она всегда оставалась русской патриоткой. После того как ее дочь Елизавета (Елка) Фикельмон вышла замуж за Эдмонда Кларидингена, семья стала часто жить в Теплице, Вене, Венеции.

Так и оказалось в Теплице русское сокровище — портреты друзей Пушкина и родственников Кутузова. В замке поддерживали тесные связи с Россией, здесь бывали русские гости, поэтому архив замка, который хранится сейчас в городе Дечин, содержит немало интереснейших материалов, относящихся к нашей стране. В тепличной коллекции есть подлинные художественные сокровища, в том числе принадлежащие кисти К. Брюллова. Портрет Елизаветы Фикельмон 15 лет, написанный в то время, когда ее видел Пушкин. Авторство портрета определил советский исследователь Н. Прохоров. Много сделали для атрибуции работ, хранящихся в Теплице, историки Ю. Глушакова и И. Бочаров.

Это собрание, известное в нашей стране лишь очень немногим специалистам, конечно, представляет исключительный интерес для всех, кому дорого имя Пушкина, Кутузова, кто интересуется отечественной историей и литературой. В здании тепличного краеведческого музея я беседовал с его директором доктором Мирославом Урбаном. Он поддержал идею показать в Советском Союзе пушкинскую выставку из Теплице в дни, когда в нашей стране будет отмечаться 150-летие со дня гибели поэта.

Всесоюзный музей А. С. Пушкина в Ленинграде приступил к подготовке этой экспозиции. Будем надеяться, что ленинградским пушкинистам будет оказана вся необходимая государственная помощь, чтобы выставка из Теплице была открыта в начале будущего года.

Выставка эта может тайти еще много неожиданного, и при тщательном научном исследовании ее экспонаты могут указать пути к новым открытиям и находкам в зарубежной и отечественной Пушкиниане.

А открытия в Пушкиниане могут быть весьма неожиданные. Недавно, как известно, академик Д. С. Лихачев опубликовал сведения о перстне декабриста Трубецкого, подаренном Пушкину, затем находившемся у Александры Николаевны Фризенгоф-Гончаровой в замке Бродзяны, пропавшем, а теперь обнаруженном во Франции. Вообще же судьба вещей, связанных с Пушкиным, может быть самой загадочной. Например, после первого очерка «По-

иски прошлого» (о чехословацкой Пушкиниане) («Огонек» № 5 1986 года) в редакцию позвонила Ариадна Николаевна Одинцова и рассказала о хранящемся в одной московской семье миниатюрном портрете Н. Н. Пушкиной. Это копия с известного портрета В. Гау, датируемого 1842—1843 годами. На нем Наталья Николаевна изображена в открытом балльном платье, на голове — маленькая черная шляпа со спускающимся на плечо страусовым пером. Миниатюра, о которой рассказала Ариадна Николаевна и которую нам любезно показала ее владелица, выполнена на тончайшей пластинке из слоновой кости, заключена в изящную металлическую рамку и защищена выпуклым стеклом. Техника исполнения выдает художника-любителя. Видимо, эта копия с портрета Гау сделана в конце прошлого — начале нынешнего века. На обороте миниатюры надпись по-немецки: «Frau Natalia Nikolajewna Puschkin geb. Gontscharowa» (госпожа Наталья Николаевна Пушкина, урожд. Гончарова). Хозяйка портрета рассказала, что он был куплен ее родителями в 1947 году в антикварной лавке в ГДР, в городе Хемнице (ныне Карл-Маркс-Штадт). Это совсем рядом с чехословацкой границей. Там же продавался и парный мужской портрет, но, к сожалению, его приобрести не удалось. Возможно, несколько версий происхождения этой миниатюры. И одна из них неминуемо приводит в Бродзяны, в тот замок на Нитре, о котором я писал в первом очерке. Можно предположить, что это работа дочери свояченицы Пушкина Александры Николаевны — Натальи Фризенгоф (в замужестве герцогини Ольденбургской). Она увлекалась музыкой, книгами, живописью. В замке сохранилось несколько ее работ. Возможно, ей была мало знакома сложнейшая техника миниатюры на кости, поэтому копия с акварели Гау вышла не совсем удачной. То, что колористическое решение миниатюры в общем соответствует цветовой гамме, присущей подлиннику Гау, говорит, что миниатюрная копия делалась с одного из трех известных вариантов, принадлежащих кисти этого художника.

Портрет Натальи Николаевны он создал по заказу князя П. А. Вяземского. Акварель хранилась в подмосковном имении Вяземских Остафьеве. В 1930 году портрет поступил в Государственную библиотеку СССР имени В. И. Ленина. Именно с него была сделана в 1934 году первая очень удачная цветная репродукция, опубликованная в 1934 году в пушкинском томе Литературного наследия. Ныне он находится во Всесоюзном музее А. С. Пушкина.

Еще один вариант этого портрета был приобретен за границей известным библиофилом и коллекционером С. М. Лашинем у внучки Натальи Николаевны Е. А. Пушкиной-Розенмейер. Этот портрет в 1936 году напечатан в парижском издании «Письма Пушкина к Н. Н. Гончаровой».

И, наконец, третий экземпляр портрета был у дочери Натальи Николаевны А. П. Араповой, автора интересных, хотя и противоречивых воспоминаний о своей матери.

Этот вариант портрета Натальи Николаевны, быть может, и видела Наталья Густавовна Ольденбург, и он послужил ей основой для создания миниатюры. Но, конечно, это лишь предположение, нуждающееся в проверке.

Здесь можно добавить, что в пользу этой версии говорит то, что А. П. Арапова поддерживала связи с Фризенгофами. В 1887 году она обратилась к Александре Николаевне с просьбой записать все ей запомнившееся о трагическом времени в жизни Пушкина — 1836—1837 годах. Рассказ жены записал очень сдержанно и корректно барон Фризенгоф.

Возможны новые открытия в Пушкиниане и после детального анализа сокровищ Тепличского замка, особенно архива семьи Фикельмон. Когда из Праги мы направились в Дечин, где сейчас находится этот архив, то, конечно, не могли не остановиться на месте знаменитой битвы у чешского села Хлумец (Кульм), где в

Е. Фикельмон. Худ. К. Брюллов. 1837 г.

П. А. Вяземский с сыном Павлом Петровичем. 1864 г.

Е. М. Хитрово, рожденная Кутузова. 1837 г.

конце августа 1813 года русские войска и их союзники наголову разбили наполеоновский корпус генерала Вандама. Одна из величайших битв войны с Наполеоном, Кульмская, сравнялась в России с Бородинским сражением. Многие друзья и знакомые Пушкина, будущие декабристы, героически сражались у Кульма. Соотношение сил там было 1:3 в пользу французов. Неувядаемой славой покрыла себя в этом сражении русская гвардия. В Кульмской битве участвовали П. И. Пестель, С. И. Муравьев-Апостол, В. С. Норов, И. Д. Якушкин, М. С. Лунин, П. Я. Чаадаев, С. П. Трубецкой, Н. И. Лорер и многие другие замечательные люди. Молодой Пушкин обратил к ним торжественные строки:

Сыны Бородина, о кульмские герои!
Я видел, как на брань летели ваши строи;
Душой восторженной за братьями спешил.
Почто ж на бранный дол я крови не пролил?

В 1837 году на месте сражения был воздвигнут по проекту П. Нобиле «Русский памятник». Фигура богини победы Ники венчает высокий пьедестал. А неподалеку в дубовой роще братская могила погибших в сражении. Огромный крест обвит мощными обнаженными корнями выходящих растений. Покрытые мхом и патиной времени могучие валуны образуют памятный холм над воинской могилой.

В первый день сражения незаурядное мужество проявил командир русского отряда граф А. И. Остерман-Толстой. Он был тяжело ранен, и тут же на поле боя ему отняли руку. Чтобы войска не слышали его стонов, он приказал, чтобы рядом играл военный оркестр. Затем командование принял А. П. Ермолов.

О Кульмском сражении писал Денис Давыдов в «Замечаниях на некрологию Н. Н. Раевского», назвав его бессмертной битвой. Д. Давыдов подчеркивает роль А. П. Ермолова в победе под Кульмом: «Цены высоко заслуги графа Остермана и принца Вюртембергского, — отмечает Давыдов, — во всю эпоху наполеоновских войн и в Кульмском сражении в особенности, я, основываясь на свидетельстве всех беспристрастных очевидцев и участников этого боя и не опасаясь возражений, положительно признаю Ермолова главным виновником победы, стяжавшей русской гвардии столь справедливую признательность и удивление Европы». Особенно отличилась в Кульмской битве русская гвардия.

А когда графу Остерману-Толстому привезли орден Георгия 2-й степени, генерал сказал флигель-адъютанту князю Голицыну: «Этот орден должен бы принадлежать не мне, а Ермолову, который принимал важное участие в битве и окончил ее с такой славой».

На закладке памятника у Кульма присутствовали друзья Пушкина, знавшие многих русских участников битвы, Д. Ф. Фикельмон и Ш.-Л. Фикельмон. «В конце церемонии, — пишет в книге «Чехословацкие находки» Л. С. Кишкин, — артиллерийская батарея дала три залпа, ей отвели отдельные орудия с поля сражения». «Это мертвые говорили с живыми», — записала в дневнике Д. Ф. Фикельмон.

Она, наверное, думала в этот момент о тех, о ком писал еще в 1829 году Пушкин:

...При звуке песней новых
Почили славные в полях Бородина.
На Кульмских высотах, в лесах Литвы суровых,
Вблизи Монмартра.

Наша поездка в поисках «чехословацкой Пушкинианы» заканчивалась в небольшой деревне Дуби, неподалеку от Теплице. Здесь в костеле Пресвятой девы Марии, напоминающей венецианскую церковь Марии дель Орто, которую любила Д. Ф. Фикельмон, в семейной усыпальнице похоронена сама Дарья Федоровна, ее муж Ш.-Л. Фикельмон и их дочь княгиня Елизавета Клары-Альдринген, правнучка Кутузова, скончавшаяся в 1876 году. Тогда и оборвалась непосредственная связь обитателей Теплице с Россией, и лишь молчаливые фамильные портреты напоминали гостям замка о далеком времени, когда в северном Петербурге входил в особняк австрийского посольства на Дворцовой набережной Пушкин, всегда встречавший в доме Фикельмонов привет, понимание и дружбу.

Прага — Славков — Теплице.

КОРОЛЕВСКОЙ ДИНАСТИИ 100 ЛЕТ

Пока на вершине шахматного Олимпа установилось затишье ожидания и герои грядущего матча-реванша заняты всесторонней подготовкой к осеннему сражению, есть время обратить взгляд в далекое прошлое и вспомнить родоначальника славной династии «шахматных королей», тем более что в эти дни исполняется ровно век со времени провозглашения первого в истории шахмат официального чемпиона мира.

М. Е. ТАЙМАНОВ,
международный
гроссмейстер,
шахматный обозреватель
«Огонька»

Весной 1886 года первым чемпионом мира стал великий шахматист и мыслитель, уроженец Праги, проживший большую часть жизни в Англии, Вильгельм Стейниц. Разумеется, и до него было немало замечательных мастеров, слывших сильнейшими шахматистами своего времени. Можно назвать имена Франсуа Андре Даникана Филидора, Адольфа Андерсена, легендарного Поля Морфи, каждый из которых поражал своим искусством воображение шахматного мира. Но лишь от В. Стейница начался исторический отсчет титулованных чемпионов. И первым поединком за шахматную корону был его матч с прославленным немецким мастером, учеником А. Андерсена, И. Цукертортом.

Ко времени этой встречи В. Стейницу исполнилось уже пятьдесят лет и за его плечами было четверть века сложной, полной нравственных и материальных испытаний жизни шахматного профессионала. Путь В. Стейница был усыпан не только цветами — разочарования нередко омрачали его судьбу, но бесконечная преданность шахматам оставалась непреодолимой. Да и признание шахматного мира являлось для Стейница великим стимулом. Успехи всегда окрыляют, а их было немало. И очень значительных. Пожалуй, исторически справедливо было бы даже провозгласить Стейница «шахматным королем» уже в молодые годы, после его замечательного успеха в поединке с Адольфом Андерсеном в 1866 году, когда он выиграл матч со счетом 8:6 у, бесспорно, самого прославленного и авторитетного мастера того времени. Но, как пишут исследователи, только иронией судьбы и недальновидностью организаторов можно объяснить тот факт, что матч этих шахматных титанов не был признан официальным первенством мира.

Признание пришло 20 лет спустя...

Соперником уже маститого В. Стейница на пути к шахматному трону стал необыкновенно и многогранно одаренный человек — дипломированный военный врач, удачно начавший карьеру, лингвист, свободно владевший дюжиной языков (в том числе и русским), великолепный стрелок, по свидетельству современников, «простреливший на расстоянии пятнадцать шагов червонного туза», удачливый и сильный игрок...

в домино, а главное, блистательный шахматист ярко выраженного романтического направления — Иоганн Герман Цукерторт. На его счету были и успехи в крупнейших турнирах, и победы над такими корифеями того времени, как А. Андерсен и Дж. Бленкберн.

Словом, шахматному миру было ясно, что более сильных шахматистов и более достойных соперников, чем И. Цукерторт и В. Стейниц, нет и наступил момент, когда их единоборство должно определить чемпиона мира.

Регламент гласил, что «величайший из матчей» должен быть проведен в трех американских городах: Нью-Йорке, Сан-Луи и Новом Орлеане. Он будет игратьсь до 10 побед одного из партнеров при контроле 2 часа на обдумывание первых 30 ходов и по 1 часу на каждые 15 следующих (это чуть выгоднее, чем ныне). Победитель получит титул чемпиона мира и 1000 долларов в награду. При счете 9:9 поединок признавался закончившимся вничью. Любопытно, что в ходе уже начавшегося сражения у соперников разгорелся боевой азарт и они договорились, что при таких обстоятельствах продолжат борьбу еще до восьми побед!

Впрочем, до этого не дошло, и матч закончился, пожалуй, быстрее, чем предполагалось. Протекал он весьма бурно и увлекательно и вызвал к себе необычайный интерес. По нынешним канонам, разумеется, неудивительно, если к началу матча на первенство мира выпускаются тысячи экземпляров программ с биографиями соперников, историческими справками и комментариями. Но нужно представить, что к поединку Стейница — Цукерторт это было сделано сто лет назад и к тому же впервые! Да и сама обстановка матча ретроспективно должна быть названа экстраординарной.

Соперники играли в Нью-Йорке в прекрасном зале на фешенебельной Пятой авеню. Для них была сооружена специальная эстрада, а ходы партий, совсем как теперь, демонстрировались на большой шахматной доске, вывешенной рядом на стене. Ажиотаж зрителей превосходил все привычные границы. Вот как об этом писал журнал «Интернэшнл чесс мэгэзин»: «Стейниц и Цукерторт в сопровождении своих секундантов явились ровно в два часа. Секунданты расставили шахматы на историческом столе, на котором Морфи одержал так много блестящих побед, и бросили жребий — кому начинать. Первый ход выпал на долю Цу-

балл за качество

**УДИВИТЕЛЬНОЕ РЯДОМ,
ИЛИ
ПРИКЛЮЧЕНИЯ НОВИНКИ**

Изорепо́ртаж Ю́рия ЧЕРЕПА́НОВА

нерторта. Противники сели за стол. Наступила мертвая тишина, и Цукерторт двинул ферзевую пешку... Ходы тотчас же передавались по телеграфу не только в различные американские клубы, но даже в Лондон». Трудно представить, что все это происходило сто лет назад, когда шахматы отнюдь не занимали заметного места в общественной жизни!

Течение борьбы было драматическим. Первую партию великолепно выиграл Стейниц, но затем в четырех кряду (!) победу торжествовал Цукерторт. Со счетом 4:1 в его пользу закончилась нью-йоркская часть состязания. В Сан-Луи Стейницу удалось взять реванш, и к 10-й партии счет сравнялся — 4,5:4,5, причем партнеры лишь однажды довольствовались мирным исходом. Начался заключительный ново-орлеанский этап. Здесь и разгорелись главные события. Уже в 11-й партии В. Стейниц вышел вперед, а затем с нарастающей стремительностью стал развивать достигнутый успех — он выиграл еще 5 поединков (причем 3 подряд на финише!), проиграл всего один и после 20 партий добился убедительной победы с результатом +10 — 5 = 5! Шахматный мир обрел первого официального чемпиона!

Правда, авторитеты не столько восхищались победителем, сколь сокрушались неудачной игрой побежденного, но ведь известно, что победа всегда достается не тому, кто играет просто хорошо, а тому, кто играет лучше. А на этот счет сомнений ни у кого быть не могло: Стейниц превзошел Цукерторта по всем статьям. И, несмотря на почтенный возраст, он, бесспорно, был тогда сильнейшим.

Восемь лет отстаивал Стейниц свой титул. Он сыграл в его защиту три матча — два с великим русским шахматистом М. И. Чигориным, которого признавал достойнейшим претендентом на мировое первенство, и один с И. Гунсбергом, вызов которого принял лишь после того, как знаменитый английский мастер, победитель многих крупных состязаний, подтвердил свой высокий класс, сведя вничью матч с русским чемпионом. Эти трудные испытания Стейниц прошел победно.

Но годы брали свое, и наступил момент, когда позиции В. Стейница резко пошатнулись. На смену шло новое поколение, и удержат королевский трон стало невозможно. В 1894 году В. Стейниц вопреки ранее высказанному решению не играть больше матчей на первенство мира неожиданно принял вызов молодого Э. Ласкера и... со счетом 7:12 потерпел сокрушительное поражение. Но мужество его не оставило. Програв последнюю партию, великий мастер, по словам летописцев, «медленно поднялся со своего кресла и провозгласил трехкратное «ура» в честь нового чемпиона». Это было благородное признание заслуг победителя и, добавим мы, достойный пример, под-

В. Стейниц

хваченный впоследствии, увы, лишь Александром Алехиным...

Четыре десятилетия имя первого чемпиона мира было в центре внимания шахматного мира. Не счесть его побед в турнирах и матчах, и все же особое предназначение В. Стейница и его роль в истории шахмат связаны даже не с этими впечатляющими достижениями, а с поистине революционными исследованиями и открытиями в области шахматной науки.

Он сумел выкристаллизовать стратегические признаки, определяющие объективные возможности сторон и позволяющие при их умелой оценке сконструировать наиболее целесообразные планы, последовательное осуществление которых должно по логике справедливой природы шахмат гарантировать успех. «План всегда должен основываться на оценке», — считал великий реформатор. А Эммануил Ласкер, его ученик, последователь, толкователь и победитель, афористично и философски резюмировал: «Разумный план делает из всех нас героев, отсутствие же плана — малодушных глупцов».

Сейчас, когда техника позиционной игры стала широким достоянием и уже с юных лет шахматистов приучают мыслить логично и обоснованно, мы часто забываем, что большинство современных стратегических мотивов, составляющих основу общего плана, было открыто, исследовано и сформулировано В. Стейницем.

Как же удалось Стейницу проникнуть в тайны, хранившиеся веками?

Он начал издавна — с критического переосмысления романтического наследия прошлого. Как

истинный реформатор Стейниц стремился понять природу побед великих предшественников — Лабурдонна, Андерсена, Морфи. Как зарождались их стремительные атаки? Что определяло возможность их эффектных комбинаций? Чем нарушалось равновесие, заложенное в начальном положении? Передадим слово Э. Ласкеру: «Я представляю себе, что в один прекрасный день Стейниц задумался над тем, как могло случиться, что чародей Морфи победил в матче другого чародея — Андерсена. Два чародея, которые борются друг с другом, — в этом есть какое-то противоречие! Если чародей выигрывает, это естественно, но как можно быть чародеем и проиграть? Как может не проиграть один из чародеев, если их два? И вот в результате таких размышлений Стейниц, думаю, мне, постепенно подошел к предположению, что шахматная игра должна подчиняться какому-то логическим законам. А логика не может зависеть от простой случайности... Вероятно, у Стейница сильно забилось сердце, когда однажды его впервые осенила мысль, что нельзя искать выигрывающие комбинации, если нет уверенности в том, что позиция содержит в себе определенное преимущество». И родилась главная идея о том, что атака имеет шансы только тогда, когда позиция у противника ослаблена. Это был ключ к познанию истины. А потом уже на протяжении многих лет, а то и десятилетий Стейниц вел скрупулезный анализ сотен партий — чужих и своих, проводил придирчивые исследования, делал глубокие выводы и приходил к поразительным открытиям, в корне менявшим вековые представления о природе шахмат. Можно смело сказать, что Вильгельм Стейниц сделал шаг на пути превращения шахматного искусства в искусство, базирующееся на научной основе.

Творческое наследие первого чемпиона мира огромно. И трудно выбрать партию, которая в полной мере отражала бы глубину понимания шахмат Стейницем. А потому предпочтем одну из тех, что привели великого мыслителя к шахматному трону сто лет назад.

Цукерторт — Стейниц

9-я партия матча

1. d4 d5 2. c4 e6 3. Кс3 Кf6 4. Кf3 dc 5. e3 c5 6. С:c4 cd 7. ed Ce7 8. 0—0 0—0

Итак, на доске вполне современная позиция принятой ферзевой гамбиты, где Стейниц уже в ранней стадии определил свой козырь — создал в лагере противника изолированную пешку в центре. Сто лет назад в пору лихих стремительных атак такая трактовка дебюта была подлинным откровением.

9. Fe2 Kbd7 10. Сb3 Kb6 11. Cf4 Kbd5

Учение Стейница на практике — изолированная пешка — не только возможный объект осады, но и предпосылка для овладения удобным форпостом на поле перед ней.

12. Cg3 Fa5 13. Лас1 Cd7 14. Ke5 Lfd8 15. Фf3 Ce8 16. Ch4 Kc3

Характерный прием создания «висячей пешечной пары», столь популярный в наши дни.

17. bc Фс7 18. Lfe1 Лас8 19. Фd3 Kd5 20. Се7 Фе7 21. С:d5

По нынешним критериям этот размен явно неудачен. Лучше было бы сразу 21. c4 с обоюдоострой игрой.

21...L:d5 22. c4 Ldd8 23. Le3

Как комментировал Э. Ласкер, «эта атака (имеется в виду перевод ладьи на h3) на невероятно сильную позицию короля предпринята недостаточными средствами, а следовательно, неосновательна». Но позиция белых уже в любом случае хуже.

23... Фd6! 24. Ld1 f6 25. Lh3 h6 26. Kq4 Фf4 27. Ke3 Ca4

Атака белых кончилась, ладья h3 депласирована. Начинается контратака (Ласкер).

28. Lf3 Фd6 29. Ld2 Сс6 30. Lg3 f5! 31. Lg6 Сd4 32. Фb3 Kph7! 33. c5 Л:c5 34. Ле6 Лс1+ 35. Kd1 Фf4 36. Фb2 Лb1 37. Фс3 Лс8 38. Л:e4 Фе4. Цукерторт сдался.

На фоне партий современных корифеев, в совершенстве владеющих техникой накопления и реализации мелких позиционных преимуществ, приведенный пример, может быть, и не покажется очень ярким, но игру Стейница следует признать исключительно глубокой, оригинальной и стратегически безупречной.

Жизнь Вильгельма Стейница была творческим подвигом. И подводя ей итог, шестидесятилетний мастер сказал однажды прекрасные слова, словно обращенные к последующим поколениям шахматистов: «Шахматы не для слабых духом. Они поглощают человека целиком и требуют от него не умения рабски держаться за пройденное, а пытаться самостоятельно исследовать их глубину. Да, шахматы трудны, они требуют работы, серьезного размышления ревностных исследований... И только безжалостная критика ведет к цели!»

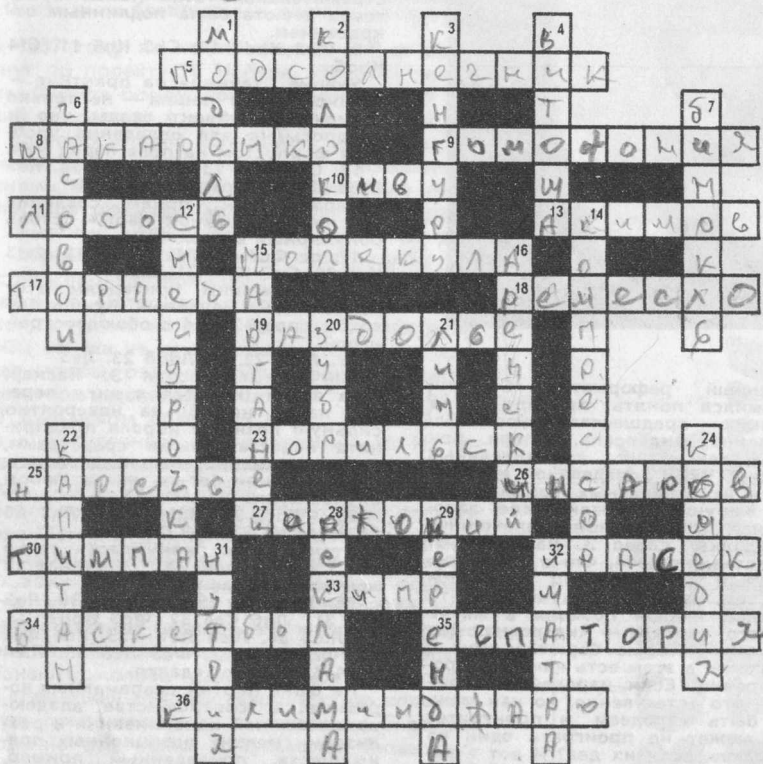
Таков был мудрый завет первого чемпиона мира.

КРОССВОРД

По горизонтали: 5. Масличная культура. 8. Советский писатель и педагог. 9. Вид многоголосия в музыке. 10. Озеро в Африке. 11. Ценная промысловая рыба. 13. Режиссер и художник, народный артист СССР. 15. Наименьшая частица вещества. 17. Самодвижущийся подводный снаряд. 18. Селекционер, академик, дважды Герой Социалистического Труда. 19. Картина А. А. Дейнеки. 23. Город в Красноярском крае. 25. Часть речи. 26. Персонаж романа И. С. Тургенева «Накануне». 27. Химический элемент, металл. 30. Вид литавр. 32. Чешский писатель. 33. Остров в Средиземном море. 34. Спортивная игра с мячом. 35. Стихотворение В. В. Маяковского. 36. Вулкан в Восточной Африке.

По вертикали: 1. Образец, стандарт. 2. Газета, издававшаяся А. И. Герценом и Н. П. Огаревым. 3. Сумчатое животное. 4. Горный массив в Болгарии. 6. Вооруженный караульный. 7. Оптический прибор. 12. Опера Н. А. Римского-Корсакова. 14. Устройство для подачи газа под давлением. 15. Металл, химический элемент. 16. Русский композитор, пианист, дирижер. 20. Дикий лесной бык. 21. Пресноводная рыба. 22. Офицерское звание. 24. Пьеса с веселым сюжетом. 28. Информация о свойствах товаров, видах услуг. 29. Спутник Нептуна. 31. Пушной зверек. 32. Водоскат в Финляндии.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 21

По горизонтали: 7. Бовари. 9. «Россия». 10. «Красавица». 11. Лимонад. 13. «Кировец». 14. Жуковский. 15. Шишак. 17. Давид. 18. Округ. 20. Ралли. 22. Тесла. 23. «Слово». 25. Дрофа. 28. Галан. 30. Цимбалист. 32. Исламей. 33. Крапива. 34. Енгибарян. 35. Анилин. 36. Алазая.

По вертикали: 1. Возничий. 2. Радиола. 3. Фиксаж. 4. Гравий. 5. Исакова. 6. Тиснение. 8. Сасово. 12. «Дубровский». 13. Кисловодск. 16. Комета. 17. Диалог. 19. Гана. 20. Рейс. 21. Прессинг. 24. Фарватер. 26. Фланель. 27. Палуба. 29. Аппарат. 30. Цемент. 31. Тренаж.

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Жизнь прекрасна и удивительна... (1 июня — Международный день защиты детей.) Фото А. НАГРАЛЬЯНА

НА ПОСЛЕДНЕЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Монумент мира в память павших под Аустерлицем * Ф. И. Тизенгаузен — герой Аустерлицкого сражения * «Русский памятник» близ села Хлумец. Здесь проходила Кульмская битва * Прага. Воды Влтавы * Замок в Теплице, где хранятся портреты друзей Пушкина * Д. Ф. Фикельмон. Портрет из собрания замка-музея в Теплице. (См. в номере материал «Друзья Пушкина — потомки Кутузова».)

Фото В. ЕНИШЕРЛОВА

Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛТЕРМАНЦ, В. В. БЕЛЕЦКАЯ, И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Д. К. ИВАНОВ (ответственный секретарь), Н. А. ИВАНОВА, Б. А. ЛЕОНОВ (первый заместитель главного редактора), Ю. В. МИХАЛЬЦЕВ, В. Д. НИКОЛАЕВ (заместитель главного редактора), Ю. С. НОВИКОВ, А. Г. ПАНЧЕНКО, Ю. П. ПОПОВ.

Адрес редакции: 101456, ГСП, Москва, Бумажный проезд, 14.

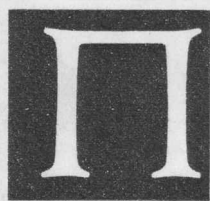
Оформление Е. М. КАЗАКОВА.

Телефоны отделов редакции: Секретариат — 212-23-27; Отделы: Очерка, публицистики и информации — 250-56-88; Морали и права — 251-00-26; Международный (капиталистические страны) — 212-30-03; Международный (социалистические страны) — 212-22-90; Искусств — 250-46-98; Экономика быта — 250-38-17; Поэзии — 250-51-45; Прозы — 212-63-69; Критики и библиографии — 251-21-46; Военно-патристический — 250-15-53; Науки — 212-21-88; Юмора и занимательной информации — 212-14-07; Спорта — 212-22-19; Фото — 212-20-19; Оформление — 212-15-77; Писем и массовой работы — 212-22-69; Литературных приложений — 212-22-13.

Сдано в набор 12.05.86. Подписано к печати 27.05.86. А 00688. Формат 70×108¹/₈. Глубокая печать. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Усл. кр.-отт. 16,80. Тираж 1 500 000 экз. Изд. № 1384. Заказ № 2797.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография имени В. И. Ленина издательства ЦК КПСС «Правда». 125865, ГСП, Москва, А-137, улица «Правды», 24.

Яркий след

Про людей, добившихся в спорте мировой известности, часто говорят: «Какой счастливый!» Редко кто при этом задумывается, какого невероятного труда, сил, самодисциплины, воли стоит восхождение на пьедестал почета. Достаточно было увидеть хотя бы одну из тренировок Людмилы Пахомовой, чтобы воочию убедиться, сколь высока цена каждой золотой награды. А их у нее было двадцать три. По шесть, завоеванных на чемпионатах мира и Европы, десять — на первенствах

СССР. И, пожалуй, самая дорогая — олимпийская: она вручена в Инсбруке ей и ее партнеру Александру Горшкову на первых для танцоров на льду Олимпийских играх.

Очаровательно-женственная, грациозная и вместе с тем по-современному динамичная, Людмила вкладывала в свои выступления огромный заряд энергии, неся людям радость. Особенно ей нравилось выступать перед московскими зрителями во Дворце спорта в Лужниках.

Мне довелось как первому тренеру и партнеру Людмилы наблюдать ее в самых разных ситуациях: и в день торжества, и в пору неудач. И всегда ее жизнелюбие, оптимизм помогали преодолевать трудности, выходить из этих испытаний еще более сильной, целеустремленной, твердо познавшей, что к новым победам можно идти, лишь одолев вершины, на которых никто не бывал. Роль первопроходца, разведчика нового в области спорта и искусства необычайно трудна, сопряжена с риском, требует полной отдачи сил. Людмила Пахомова всегда хотела быть первой и стоять на пьедестале почета. Она многократно становилась чемпионкой страны, Европы, мира, чтобы вести за собой остальных. И тут она была верна завету отца, генерал-майора авиации.

Недосыгаемая для своих соперников в течение долгих лет, она неустанно училась и искала, передавала свой богатый опыт юным воспитанникам, помогая им познавать секреты танцевального искусства. Сегодня трудно представить танцевальный дуэт, который не взял бы на вооружение то, что было творчески создано Людмилой Пахомовой вместе с Александром Горшковым. Именно они вывели советскую школу танцев на льду в мировой табель о рангах.

Люди в спорте быстро становятся ветеранами и рано получают право на воспоминания: автор книги «Хореография в фигурном катании» Пахомова отдала любимому спорту более 30 из 39 прожитых ею лет. Она написала учебник и адресовала его тренерам, хореографам и спортсменам. Танго «Кумпарсита», композиции на такие мелодии, как «Озорные чашушки», «Коробейники», «Вдоль по Питерской», композиции на музыку Грига, Моцарта, Шопена были и остаются шедеврами неувядаемого искусства танца на льду. Народный артист СССР, лауреат Ленинской премии Игорь Моисеев говорил: «Мне на всю жизнь запомнились лучшие танцы Пахомовой и Горшкова. В них кипела жизнь, в них пела душа исполнителей, жизнерадостность, открытое веселье — все это придавало их композициям особый блеск и очарование».

Перебирая читательскую почту Людмилы, поражаешься, какой широкий круг людей был вовлечен в ее мастерство. «Глядя на Людмилу, я воспитываю характер, вырабатываю силу воли. Она судья моей жизни, моих поступков, мне кажется, что она следит за каждым моим движением», — пишет Майя Бибикина из поселка Угольные копи на Анадыре.

Она была для всех спортсменов образцом организованности и дисциплины. Ее ученики всегда знали, как надо подводить себя к старту, рационально определяя сверхзадачи сезона и задачу каждого выступления.

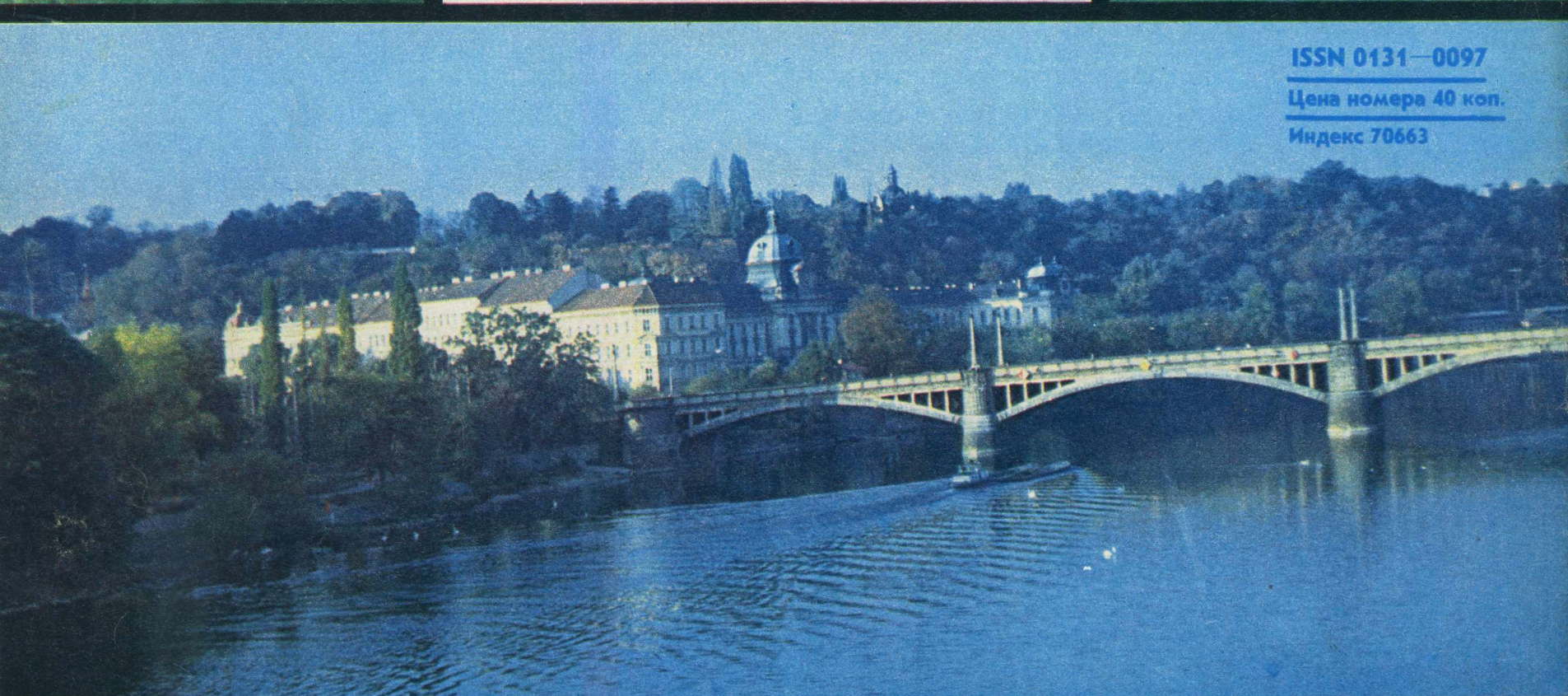
Л. Пахомова была достойным посланцем мира и как спортсменка, и как тренер. Мы гордились и гордимся, что по таким, как она, судят за рубежом о духовном облике советского человека. Она была лидером сборной СССР — сияющая и жизнерадостная, красивая и строгая. Она была достойна высокого звания коммуниста.

Тысячи людей пришли проводить Людмилу Пахомову в последний путь. Прикованная к постели тяжелым недугом, она не переставала думать о своих воспитанниках, о будущем любимого ею дела. Она верила, что советские танцоры снова вернутся на верхнюю ступень олимпийского пьедестала почета. И сделала для этой будущей победы очень много. Яркий след ее коньков навсегда остался в памяти и ее соратников, и миллионов любителей этого увлекательного вида спорта.

В. РЫЖКИН,
заслуженный тренер РСФСР

Фото А. БОЧИНИНА и А. ПОПКОВА

ISSN 0131—0097

Цена номера 40 коп.

Индекс 70663

